И.Ф. БОГДАНОВИЧ

Советский писатель

И.Ф. БОГДА-НОВИЧ

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА

М. ГОРЬКИМ

Большая серия

Второе издание

ЛЕНИНГРАД 1957

И. Ф. БОГДАНОВИЧ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

*Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
И. З. Сермана*

И. Ф. БОГДАНОВИЧ

Богданович живет в нашем сознании как создатель «Душеньки». Все написанное им раньше, вся его многосторонняя поэтическая, журнальная и переводческая работа заслонены от нас его поэмой о Душеньке. И, разумеется, нет никакой надобности оспаривать это мнение полуторавековой давности. Интереснее установить, когда начала складываться эта традиция отношения к Богдановичу и какие исторические обстоятельства этому способствовали.

В год смерти Богдановича Карамзин написал о нем большую статью. [1]

В это время Карамзин и карамзинисты считали себя победителями в литературе. У осознавшего себя направления появилась потребность установить свое место в развитии литературы, создать в ней собственную генеалогию. Этой цели служил и «Пантеон российских авторов» (1802) Карамзина и его статья о жизни и сочинениях Богдановича.

Карамзин в творчестве Богдановича ищет отражения характера, «нрава», душевного строя его создателя-поэта. Самым значительным, самым важным и исторически ценным в Богдановиче для критика оказывается непосредственность, с которой отразилась личность поэта в его произведениях. То, что стало общим местом в русской романтической критике 1810—1820-х годов — поиски души автора в ее поэтическом выражении, — впервые было провозглашено с такой ясностью в статье Карамзина о Богдановиче. Но и самый облик Богдановича, человека и общественного деятеля, был выведен из «Душеньки», подменен образом рассказчика, веселого

---

[1] «О Богдановиче и его сочинениях». «Вестник Европы», 1803, №№ 9 и 10.

шутника, любезного балагура, охотника до нескромных шуток. Карамзин отделял психологическую истину в искусстве от правды социальной, и Богданович в его изображении превратился в поэта, погруженного только в свой внутренний мир. В действительности же общественный облик Богдановича не вмещается в его портрет, созданный Карамзиным и заживший в литературе своей самостоятельной жизнью. Поэтому, для того чтобы представить себе исторически появление «Душеньки», надо восстановить подлинный облик Богдановича, рассмотреть все виды его литературной деятельности.

1

Биография Ипполита Федоровича Богдановича скудна событиями и фактами. Когда в конце жизни он набрасывал нечто вроде автобиографии,[1] — она превратилась в послужной список, где с точностью до месяцев и дней указаны перемещения по службе, а факты литературной деятельности изложены сбивчиво и порой с грубыми хронологическими ошибками.

Родился Богданович 23 декабря 1743 года в местечке Переволочна на нижнем Днепре. По происхождению он, видимо, принадлежал к мелкой украинской шляхте. Во всяком случае у самого Богдановича никогда ни имений, ни крепостных душ не было, и в десятилетнем возрасте ему пришлось начинать службу в Москве, куда его привезли и определили юнкером в Юстиц-коллегию. Вскоре он начал учиться, и «в бывшем тогда при Сенатской конторе математическом училище считался между отличнейшими учениками» (автобиография). Однако не математика и не «приказная служба» привлекали его. Как он говорит в автобиографии: «Из детства любил чтение книг, рисование, музыку и стихотворство, которому особливо получил вкус чтением стихотворных сочинений Михайла Васильевича Ломоносова».

Интерес к поэзии, музыке, театру способствует сближению Богдановича с московскими литераторами. Карамзин так рассказывает о первом знакомстве юноши Богдановича с Михаилом Матвеевичем Херасковым, тогда уже известным писателем, ведавшим при Московском университете библиотекой, театром и газетой: «Однажды является к директору Московского театра мальчик лет пятнадцати, скромный, даже застенчивый, и говорит ему, что он

---

[1] См. «Русская поэзия» под ред. С. А. Венгерова, т. 1. СПб., 1897, стр. 553—554.

дворянин и желает стать актером![1] Директор, разговаривая с ним, узнает его охоту к учению и стихотворству; доказывает ему неприличность актерского звания для благородного человека; записывает его в университет и берет жить к себе в дом».[2] По автобиографии Богдановича его приобщение к университетской науке произошло иначе. Михаил Иванович Дашков, один из покровителей талантливого юноши, выпросил у начальника Юстиц-коллегии разрешение Богдановичу «отлучиться от должности юнкерской и обучаться в университете», а уж затем последовало знакомство с Херасковым и приглашение к нему в дом на житье.

Так или иначе, но дорогу в литературу Богдановичу открыл Херасков. Об этом с чувством искренней благодарности вспомнил он через четверть века в «Стансах Михаилу Матвеевичу Хераскову».

Если верить рассказу Карамзина, где говорится о «пятнадцатилетнем мальчике», то начало знакомства поэтов можно отнести к 1758—1759 годам. К этому времени Херасков уже напечатал антиклерикальную трагедию «Венецианская монахиня» (1758) и ряд мелких стихотворений в «Ежемесячных сочинениях». Человек широкого литературного образования, Херасков обладал теми чертами характера, которые способствовали сплочению вокруг него молодых литераторов из числа студентов университета. Мягкость, доброжелательность, отзывчивость, строгость моральных принципов делали Хераскова почитаемым и любимым наставником университетской молодежи. Через литературное ученичество у Хераскова в университете прошли С. Г. Домашнев, отчасти братья Фонвизины — Денис и Павел, Я. И. Булгаков, В. А. Приклонский, А. Г. Карин. Всех их Херасков привлек в основанный им в 1760 году журнал «Полезное увеселение», который стал форумом для нового поколения русской дворянской интеллигенции, вступавшего в литературу в конце 1750-х годов. В этом журнале впервые появились стихи Богдановича.

29 октября 1761 года Богданович был назначен в университет с чином прапорщика «к надзиранию над классами, и тем же указом причислен в Навагинский полк» (автобиография). К этому же времени сам Богданович относит знакомство свое с Михаилом Федотовичем Каменским, позднее издавшим его поэму «Душенькины похождения» (1778). После вступления на престол Екатерины II, в связи с подготовкой в Москве коронационных торжеств,

---

[1] Это слышал я от самого бессмертного творца «Россиады» (Примечание Карамзина. — *И. С.*).

[2] Н. М. Карамзин. Сочинения, т. 8. СПб., 1820, стр. 172.

Богданович, вместе с М. И. Херасковым и А. А. Ржевским, был включен 19 июля 1762 года в «комиссию о сооружении торжественных ворот и отпущен обратно октября 22» (автобиография). Официальный документ так описывает деятельность московских литераторов — устроителей триумфальных ворот: «Надворный советник и Московского университета член Михайло Херасков, лейбгвардии подпоручик Алексей Ржевский, армейский прапорщик Ипполит Богданович инвентовали на триумфальные ворота картины, эмблемы и надписи и были на смотрении над живописцами при работе оных».[1]

Заключительный этап этого мероприятия — маскарад «Торжествующая Минерва» — происходил в Москве в начале 1763 года. О нем Богданович упоминает в «Душеньке».

Общее оживление политической жизни в стране, последовавшее за переворотом 28 июня 1762 года, оказывает очень заметное влияние на Богдановича. Он отходит от Хераскова и его группы, в 1763 году начавших выпуск журнала «Свободные часы». Богданович теперь примыкает к группе дворян-либералов, добивавшихся от Екатерины II превращения абсолютной монархии в монархию конституционную, где власть императора была бы ограничена законом и дворянским парламентом. Главой этой группы был Никита Панин, талантливый дипломат и воспитатель будущего императора Павла I; близка к этой группе была и Е. Р. Дашкова. Совместно с Дашковой Богданович издает в 1763 году журнал «Невинное упражнение». В своей автобиографии он об этом пишет так: «. . .употреблен был к соучаствованию в издаваемом под ее покровительством журнале, названном «Невинное упражнение».

«Невинное упражнение» прекратилось в июне 1763 года: «по многим неотвратимым препятствиям, и в-первых потому, что как издатели, так и те, кои подписались брать наш журнал, из Москвы разъехались».[2] Как указывает П. Н. Берков, здесь имеется в виду окончание коронационных торжеств и отъезд двора в Петербург.[3] Это соображение подтверждает и Богданович в своей автобиографии, говоря о том, что по отъезде Дашковой в Петербург он занялся переводом военного сочинения «Малая война» и «дедиковал» (посвятил) его П. И. Панину.

---

[1] Цитируется из «Камер-фурьерского журнала» по статье П. Н. Беркова «Хор ко превратному свету и его автор». «XVIII век», сборник 1. М. — Л., 1935, стр. 190.

[2] «Невинное упражнение», 1763, июнь, стр. 304.

[3] П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века. М. — Л., 1952, стр. 145.

Вскоре, в мае 1763 года, «по прошению его отослан в Военную коллегию, а того же майя 26 определен в штат к генерал-аншефу, графу Петру Ивановичу Панину в переводчики, по просьбе княгини Екатерины Романовны Дашковой» (автобиография). Таким образом, Богданович стал одним из сотрудников старшего из братьев Паниных, вполне разделявшего политические планы и убеждения своего брата Никиты Ивановича. Закончив перевод «Малой войны», Богданович вместе с П. И. Паниным в 1764 году переезжает в Петербург и в апреле переходит на службу в ведомство младшего Панина — в Иностранную коллегию переводчиком.

19 апреля 1765 года Богданович поднес наследнику Павлу Петровичу свою поэму «Сугубое блаженство», политико-философский трактат в стихах. В том же году он перевел прозою стихотворную комедию Вольтера «Нанина, или Побежденный предрассудок» (1748) и напечатал ее в 1766 году.

В 1766—1768 годах Богданович живет в Дрездене в качестве секретаря русского посольства в Саксонии. О круге знакомств и дружеских связей Богдановича в этот период ничего не известно. Мы не знаем, интересовался ли он русскими студентами, учившимися в это время в Лейпциге, сближался ли он с немецкими литературными кругами. В автобиографии он упоминает только о знакомстве с Федором Орловым (братом фаворита Екатерины II), останавливавшимся на некоторое время в Дрездене в конце 1768 года. Из написанного Богдановичем в Дрездене известен только полукомпилятивный обзор правовых отношений германских государств «Примечания о германских правах».[1]

В начале 1769 года Богданович по его просьбе был возвращен в Петербург и, «будучи оставлен в Иностранной коллегии, начал более упражняться в литературе» (автобиография).

Литературная деятельность Богдановича с середины 1760-х годов принимает новый характер. После поэмы «Сугубое блаженство» он усиленно занимается переводческой работой, которую сменяет период профессиональной журналистской деятельности в 1775—1782 годах.

Переводил Богданович главным образом прозу. Отчасти его переводческая работа была выполнением служебных поручений. Об этом прямо говорится, например, в предисловии Богдановича к его переводу (с французского) трактата о партизанской кавалерийской войне. Обращаясь к П. И. Панину, которому посвящена книга, Богданович пишет: «Я почту себя весьма счастливым, если мой

[1] Напечатан в журнале «Собрание новостей», 1776, № 11, стр. 50—78.

перевод найдется столько исправен, чтоб мог заслужить честь, которую ваше высокопревосходительство мне сделали, приказав перевести сию книгу на российский язык для пользы желающих предуспевать в военном искусстве».[1]

Уже по собственному выбору он переводит книгу аббата Сен-Пьера, пламенного поборника установления вечного мира, в изложении, сделанном Ж.-Ж. Руссо,[2] и, наконец, обширное сочинение Верто «История революций в Римской республике» (1720).[3]

В 1775—1776 годы Богданович издает в Петербурге журнал «Собрание новостей», с января 1776 года по декабрь 1782 Богданович редактирует «Санктпетербургские ведомости», издававшиеся Академией наук. Приглашен он был на эту работу С. Г. Домашневым, с которым Богдановича связывало еще знакомство по Московскому университету. Обязанности редактора в журнале канцелярии Академии наук определялись следующим образом: «Выбирать же ему, господину Богдановичу, и вносить в российские ведомости как политические новости благопристойные к сведению, так и все известия о новых, к человеческому роду полезных, в науках изобретениях...». Вскоре Богданович взял на себя (с середины 1776 года) перевод материалов из французских газет, а с 1781 года и из немецких, отказавшись от помощи академических переводчиков.

«Санктпетербургские ведомости» были официальной газетой, издававшейся правительственным учреждением — Академией наук — и проходившей официальную академическую цензуру. Однако Богдановичу в какой-то степени удалось изменить казенно-деловой характер газеты, придать ей больше живости и разнообразия. Это относится прежде всего к иностранной информации, в которой основное внимание уделялось войне между Англией и восставшими американскими колониями.

Оживился при Богдановиче и отдел книжных объявлений, превращенный им в библиографическую хронику. Здесь давались отзывы на те сочинения или переводы, которые положительно оценивались редактором. Так, Богданович напечатал отзыв о перевод-

---

[1] «Малая война, описанная майором в службе короля Прусского». СПб., 1767.

[2] «Сокращение, сделанное Жан-Жаком Руссо, женевским гражданином, из проекта о вечном мире, сочиненного господином аббатом де Сен-Пьером». Пер. с франц. В СПб., 1771 года.

[3] «История о бывших переменах в Римской республике, сочинения г. аббата Вертота французской академии надписей и словесных наук в Париже». СПб., 1771—1775.

ной работе Радищева, правда не называя переводчика: «„Офицерские упражнения, состоящие в четырех частях, с 28 гравированными фигурами. Переведено с немецкого". Сочинение сие весьма полезно для военных людей и, чаятельно, тем более привлечет внимание читателей, что мы мало еще имеем на российском языке книг о военном искусстве, весьма свойственном российской нации». [1]

С большой похвалой отзывался Богданович о переводе «Илиады» Екимова, [2] о «Похвальном слове Марку Аврелию» А. Тома, в переводе Фонвизина: «Похвала Марку Аврелию» сочинения славного французского писателя г. Томаса. На российский язык перевел оную г. надворный советник фон-Визин, с особливой исправностью и чистотою языка, свойственною сему известному автору». [3]

Редакторская деятельность Богдановича, которой он уделял очень много внимания и сил, прервалась в конце 1782 года из-за случайных недоразумений.

Между редактором «Санктпетербургских ведомостей» и Академической конференцией начались трения. 19 июля 1782 года конференция Академии постановила: «...Приняв к сведению, что в публике ставят в вину всей Академии появление с некоторых пор статей худо выбранных и нередко детских в «Русских (то есть «Санктпетербургских». — *И. С.*) ведомостях», которые действительно стали посмешищем всего города, положила объявить настоящим протоколом, что Академическая конференция, то есть Академия в собственном смысле, нисколько не причастна к этим «Ведомостям», и представить его превосходительству господину директору (С. Г. Домашневу. — *И. С.*) о необходимости поручить редакцию этой газеты более разумным людям, дабы публика не имела повода жаловаться». [4]

Домашнев, защищая Богдановича, написал в ответ на это постановление, что «газета в том виде, как она издается, служит средством для образования многочисленной и наиболее здоровой части городского населения». [5] Академическая конференция не удовлетворилась таким ответом и перенесла дело в высшие инстанции.

---

[1] «Санктпетербургские ведомости», 1777, № 29, 12 сентября.

[2] «Омировых творений часть 1, содержащая в себе 12 песен «Илиады». Перевел с греческого языка коллежский секретарь Павел Екимов. СПб., 1777.

[3] «Санктпетербургские ведомости», 1777, № 53, 4 августа.

[4] В. П. Семенников. Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II. Пг., 1915, стр. 19.

[5] Там же.

Как жаловался Богданович Домашневу в начале декабря 1782 года, «выисканные за пять и шесть лет типографские погрешности господами профессорами комиссии донесены высочайшей власти... и где случалось, чтоб газетная ошибка, не трогающая ничьего лица, но с других газет в числе странных и любопытных случаев внесенная, могла быть преступлением, о котором высочайшей власти непосредственно доносить должно было?» [1] Поднесенный высочайшей власти, то есть, очевидно, самой Екатерине II, список редакторских ошибок возымел свое действие. Богдановичу пришлось отказаться от редактуры, несмотря на поддержку Домашнева.

Скорей всего этот эпизод имел в виду Богданович, когда внес в свою автобиографию следующую нарочито туманную запись: «Между тем был оклеветан в обществе скопом и заговором недоброжелателей разными образами и оправдан после даже самыми своими гонителями, кои были коварствами обмануты».

Снисканию «высочайшей» благосклонности к Богдановичу помогла «Душенька», вышедшая в начале 1783 года, в которой Екатерина нашла недвусмысленные комплименты себе и враждебные выпады против не любимых ею сатирических журналов 1769—1774 годов. Уже в начале следующего, 1783 года по распоряжению нового директора Академии, княгини Е. Р. Дашковой, Академия наук купила у него весь тираж «Душеньки» и «Исторического изображения России».

Напуганный своим столкновением с Академией и его последствиями, Богданович идет на литературную службу к правительству.

Он избирается в члены вновь созданной Российской академии (11 ноября 1783 года); в «Собеседнике любителей российского слова» (1783—1784), журнале, призванном, по замыслу Екатерины и Дашковой, объединить всю благонамеренную литературу, Богдановичу расточаются комплименты, почти в равной с певцом Фелицы мере.

Богданович становится поставщиком салонно-развлекательных театральных пустячков, балетных либретто и одним из создателей в литературе 1780-х годов направления, приспосабливавшего русское народное творчество к официальным требованиям.

Интерес к русской сказке, проявившийся у Богдановича в «Душеньке», Екатерина II использует в своих целях. Ему поручают истолковать в духе легенды о добром русском мужичке, верноподданном и благочестивом, русские народные пословицы.

---

[1] В. П. Семенников, там же, стр. 18.

В августе 1784 года работа была закончена, и «Собрание русских пословиц» куплено у Богдановича Академией наук.

В предисловии к этому «Собранию» народные пословицы характеризуются Богдановичем как выражение «благонравия и благоповедения». В таком духе сделан подбор, а в некоторых случаях и доработка текста.[1] Несомненным сочинением Богдановича является, например, такая «пословица»:

Добродетель, без битвы, без крови, без брани,
Владеет в народах, и платят ей дани.

В начале 1784 года Богданович получает чин надворного советника с оставлением на прежней должности в Государственном архиве, где он служит с 1780 года. В ноябре 1785 года он пишет просительное письмо Потемкину в надежде через него поправить свои денежные обстоятельства: «Покровительство ваше, милостивый государь! есть для меня самое счастливое приобретение, почему осмеливаюсь представить вашей светлости мое состояние. Место, какое ныне в Государственном архиве занимаю, приносит мне жалованья только 450 рублей; деревень, ни земель, ни дома не имею. Прежде состояние мое подкреплял разными литературными для Академии работами, пока лета мои, здоровье и случаи могли давать к тому способы, но такие способы подвержены самой зыблемой временности; с малым жалованьем задолжал я ныне более тысячи рублей. Ваша светлость обыкли соделывать людей благополучными: избавиться от долгу, получить здесь место с приличным жалованьем и прославить с чувствительнейшей признательностью ваши милости будет мое благополучие».[2]

Деньги ему дали сразу, а желаемую должность он получил только через три года — «в 1788 году определением сената 28 августа помещен в Государственном архиве... в должность председателя» (автобиография).

Это назначение Богданович буквально выслужил у Екатерины II, изготовляя по ее заказу театральные пустячки.

Так, по его собственным словам, он в 1786 году «по имянному монаршему повелению сочинил лирическую комедию «Радость Душеньки», которая удостоена высочайшей апробации, и в знак монаршего благоволения при сем случае пожалована ему от государыни табакерка, вскоре же потом пожалованы на заплату долгов

[1] См. об этом А. Западов. «Журнал М. Д. Чулкова «И то и сьо» и его литературное окружение». «XVIII век», сборник 2. М.—Л., 1940, стр. 122—133.

[2] «Русский вестник», 1824, № 5, стр. 51—53.

деньги. По представлении же комедии на придворном театре пожалована еще табакерка» (автобиография). В следующем, 1787 году за пародийно-комическую драму «Славяне» Богдановичу был «пожалован перстень». «Радость Душеньки» и драматические пословицы, написанные в это же время, уже говорят об упадке поэтического дарования Богдановича. Следы таланта и остроумия автора «Душеньки» еще заметны в пародийной по замыслу драме «Славяне», в которой Александр Македонский помогает обиженной греками новгородской огороднице Потапьевне. Но по своей идейной направленности «Славяне» совпадают и с публицистическими статьями Екатерины II в «Собеседнике» и ее «Ответами» на «Вопросы к сочинителю «Былей и небылиц» Фонвизина.

С конца 1780-х годов литературная деятельность Богдановича почти прекращается, изредка печатает он стихотворения в журналах и главным образом деятельно участвует в работе Российской академии над ее словарем. В 1795 году Богданович покинул службу в Государственном архиве, а в 1796 году уехал из Петербурга и поселился с семьей брата Ивана Федоровича в г. Сумах. Любовь к молодой девушке, его дальней родственнице, и намерение жениться на ней вызвали противодействие родных и ссору с братом. В 1798 году Богданович, так и оставшийся холостяком, переезжает в Курск; живет на небольшую пенсию, распродает свою библиотеку. После вступления на престол Александра I Богданович вновь пытается принять участие в работе Российской академии, посылает оду новому царю, за которую, по словам Карамзина, он получает перстень, задумывает издание своих сочинений. Все это прерывается болезнью в декабре 1802 года, за которой последовала смерть 6 января 1803 года.

2

Как общественный деятель и поэт Богданович складывается на рубеже 1750—1760 годов. Творческая его деятельность, в сущности, заканчивается в 1783 году, после выхода «Душеньки». Эти десятилетия русской жизни характерны широким распространением просветительских идей, возникновение которых связано с именами великих деятелей французского Просвещения XVIII века. Однако просветительство в России не было единым; оно наполнялось различным социально-политическим и философским содержанием. К началу 1760-х годов обозначились со всей определенностью, с одной стороны, официальный, показной либерализм Екатерины II и ее ближайшего окружения, с другой — движение дворянской

либерально-политической мысли, представленное группой Панина — Сумарокова. Если Екатерине II ее дружба с французскими просветителями нужна была для создания видимости просвещенной монархии и в ее намерения не входило практическое претворение в жизнь идей сословного равенства, установления твердого правопорядка и конституционно-представительного строя, то группа Сумарокова — Панина, не помышляя об уничтожении крепостного права и самодержавия, все же всерьез добивалась ограничения прав помещиков, введения, согласно теории Монтескье, «монаршистского» правления (конституционной монархии), уничтожения системы придворного фаворитизма.

Рядом с этими направлениями серьезной силой русской общественной жизни уже к концу 1760-х годов стало собственно просветительское направление, представленное Новиковым, Фонвизиным, Козельским и другими, менее видными деятелями.

Богданович не остался чужд передовым идеям века, но глубоко просветительскими идеями он не проникся и потому довольно легко отказался от них в годы, наступившие после пугачевского восстания.

Начало литературной деятельности Богдановича приходится на последние годы правления императрицы Елизаветы. Это была эпоха политической и духовной реакции, насаждавшейся придворной камарильей, которая грабила страну системой откупов-монополий и сдерживала проявление всякой оппозиционной мысли Тайной канцелярией. Молодой Богданович примкнул к той группе дворянской интеллигенции, которая не хотела мириться с духовным гнетом святейшего синода и тиранией придворной бюрократии. Журнал «Полезное увеселение» (1760—1762), в котором сотрудничал Богданович, был одним из первых русских литературных журналов и органом прогрессивной мысли.

На страницах журнала молодые литераторы и поэты сообща трудились над выработкой принципов морали и нравственности.[1] Здесь противопоставлялись нравственное самосовершенствование и душевная чистота — невежеству нравов и корыстолюбивой устремленности подавляющего большинства дворянства.

В это время в сознании молодого поэта еще сильны традиционно-религиозные представления о жизни. Примерно одна треть его стихотворений, напечатанных в «Полезном увеселении», — это

---

[1] О «Полезном увеселении» см. Г. А. Гуковский. Очерки по истории русской литературы XVIII века. М. — Л., 1936, стр. 32—46, 202—208.

переложения псалмов или рассуждения на религиозно-философские темы вроде «Письма о бессмертии души» (1761, октябрь).

В этом стихотворном рассуждении Богданович вполне во власти представлений о земной жизни как подготовительной школе бедствий и испытаний к будущему, загробному блаженству. Постулат бессмертия души, таким образом, служит ему оправданием существующего на земле порядка и собственного невмешательства в этот порядок.

С этой проповедью невмешательства в жизнь связана и своеобразно преломленная стоическая точка зрения на соотношение между разумом и страстями.

В духе консервативно понятого стоицизма решает Богданович вопрос о взаимоотношении разума и страстей в стихотворении «Умеренность», в «Эпистоле».[1]

Блажен! кто в суете не даст себя в обман,
Владеет разумом, ему творцом что дан,
Бедою злость грозить тогда ему не смеет,
Владея разумом, и счастьем он владеет.
Один имеем путь к блаженству мы сему:
Желанья чтоб иметь покорными уму.

Тогда же творчество Богдановича питалось и другими идеями. В своих посланиях, сказках, баснях, стансах, сатирических стихах Богданович выступает как типичный рационалист, не нуждающийся в сверхразумном обосновании своих идей и жизненных представлений; как сторонник деистического свободомыслия, поэт ставит проблемы нравственного порядка и социального бытия вне какого бы то ни было их отношения к религии, хотя и не спорит с ней, привлекая для оправдания и обоснования существующего общественного порядка отвлеченно-разумные, внеисторические доводы. Он не видит необходимости общественных изменений; социальное неравенство, воплощенное в форме сословной иерархии, представляется ему естественно-разумной формой общественной жизни; в этом вопросе он полностью разделяет взгляды Сумарокова и излагает их в своих стихах:

Причины есть тому, что все живут неравно:
Когда начало лишь покажется весны,
То земледельцы все, оставя сладки сны,
Оставя дом, идут с сохой еще в те поры,

[1] «Полезное увеселение», 1761, март, № 14, стр. 127.

Как соловей не пел приятностей авроры;
И вместе на поле они с зарей начнут
Определенный сей природою им труд.
Та водит светлые бразды свои на небе,
Те делают бразды, стараяся о хлебе;
Та темности ночной тем прогоняет мрак,
Тем счастливым нельзя быть инак, а не так.
Во весь трудяся год, труда не ощущают,
Как пользу от того себе воображают,
А прочие иной путь к счастью обрели...[1]

Всякая попытка самочинного изменения общественного порядка отвергается им как проявление невежества и дикости, как бунт против разумности. Так, в басне высмеивается Коза за неуместную и неприличную ее положению смелость:

Отменным счастием судьбина наградила
Того, кто взрос
И кончил век без храбрости в покое,
Кого не тронуло несчастье никакое,
А смелость только быть должна в прямом герое.[2]

Как видно по этим стихотворным декларациям Богдановича, он, среди учеников Хераскова, наиболее последовательно придерживается сумароковских позиций, стоит на точке зрения, утверждающей сословную иерархию и отвергающей всякую попытку ее изменения.

Смерть Елизаветы, недолгое царствование Петра III, новый дворцовый переворот привлекают внимание Богдановича к непосредственно политическим проблемам современности. Он выступает с одами — сначала Петру Федоровичу (ею открывается «Полезное увеселение» в 1762 году), а затем Екатерине, в которых повторяет одну и ту же мысль о необходимости установления в стране истинной законности:

Ликует добродетель ныне,
Коварну злость разносит ветр:
Мы паки в счастливой судьбине,
Когда владеет нами Петр;

---

[1] «Письмо к С.... Д.... о средстве, как можно человеку приблизиться к покою». «Полезное увеселение», 1761, июль, № 2, стр. 9—14.

[2] «Полезное увеселение», 1761, сентябрь, № 9, стр. 79.

Он так, как дед его, владеет,
Богатый бедного не смеет
Теснить за правду на суде,
За службу милости даются,
Слезами сироты не льются,
И правосудие везде.[1]

Как и в этой оде, которую позднее, по вполне понятным причинам, Богданович не перепечатывал, в следующей, уже посвященной «пришествию» (приезду) Екатерины II в сентябре 1762 года в Москву, развивается еще более определенная политическая программа и дается подробное освещение событий недолгого царствования Петра III:

Что прежде втайне, ныне въяве
Вещайте, музы, в честь ее:
Она идет в Москву во славе,
Ей дать другое бытие.
. . . .
Вообразя прошедше время
И тяжкое представя бремя,
Я трепещу во прахе сам,
Объятых видя россов страхом.
Смешав с Петровым слезы прахом,
Они взирают к небесам.
. . . .
Чье б сердце не пленилось ею,
И кто б не льстил ее злодею,
И кто б ей мог противен быть,
И кто б презрел ее законы?
Зря милости к России оны,
Кто б ей не мог услуг явить?[2]

А в «Оде на новый... 1763 год» Богданович почти буквально воспроизводит формулировки из своей оды Петру III, развивая

[1] «Полезное увеселение», 1762, январь, № 1, стр. 4.

[2] «Ода... Екатерине на пришествие в Москву». М., без года. Издана, очевидно, в сентябре 1762 года к приезду Екатерины и двора в Москву. Об этой оде не упоминается ни в одном из библиографических указателей. По своему содержанию она является стихотворным переложением манифеста Екатерины II от 6 июля 1762 года.

программу отказа от завоевательных войн и упорядочения жизни страны, программу первоочередных реформ:

Тобою добродетель блещет,
Обидимый не вострепещет
От сильных рук перед судом;
К тебе путь правда отверзает,
И лихоимство не дерзает,
Объято страхом и стыдом.

В журнале Дашковой и Богдановича «Невинное упражнение» (январь — июнь 1763 года) заявило себя полным голосом официально провозглашенное Екатериной «свободомыслие». В это время вольтерьянство сделалось модой, и к этому официально одобренному направлению примыкает Богданович своим переводом Вольтера «На разрушение Лиссабона» (1763), напечатанным в «Невинном упражнении». И все же от «Полезного увеселения» «Невинное упражнение» отличается приверженностью к материализму в разрешении некоторых вопросов этики. В «Письме о нежных, великодушных и бескорыстных чувствованиях» доказывается, что «самолюбие или любовь к себе и к своему благополучию есть... первое движение и главный подвиг всех наших действий».[1] Твердо придерживаясь этого положения о личном интересе и личном эгоизме, лежащем в основе всех человеческих поступков, анонимный автор «Письма» развивает и теорию эгоизма, то есть наиболее радикальную и общественно-прогрессивную часть мировоззрения Гельвеция.

По отношению к церкви и религии позиция журнала выражена совершенно недвусмысленно в самых различных жанрах.

В «диссертации» «О древнем китайском законе» ее автор или переводчик дает полную волю своему негодованию по адресу «бонз», их невежества, жестокости, корыстолюбия и обманов. Написанная с неподдельным жаром, «диссертация» эта метила в православную церковь и ополчалась против засилия духовенства, которое характерно было для недавней поры — конца елизаветинского царствования.

В вопросах социальных позиции журнала были гораздо менее определенными. Так, в переводной «Речи о равенстве состояний»[2] проблема имущественного и общественного неравенства получала разрешение только моральное: крестьянин-труженик оказывался нравственно здоровее богатого горожанина. Однако в статье (пере-

---

[1] «Невинное упражнение», 1763, № 2, стр. 79—80.
[2] «Невинное упражнение», 1763, № 1, стр. 7.

водной) «О коммерции» утверждалось превосходство купца над дворянином: «...Я не знаю, кто больше нужен государству, господин ли, щегольски напудренный и знающий точно, в котором часу король просыпается, в котором часу ложится почивать, и приемлющий на себя величавый вид, исправляя должность невольника в передней у министра; или купец, который, обогащая свою землю, посылает из своего кабинета повеления в Сурат и Каир и вспомоществует благополучию света». [1]

На этом фоне приобретают значение основные переводы, помещенные в журнале Богдановичем и Дашковой. Ей приписывается печатавшийся из номера в номер перевод глав из книги материалиста Гельвеция «Об уме» (1758), подвергшийся во Франции преследованиям и королевскому запрещению. Ей же принадлежит в «Невинном упражнении» перевод «Опыта об эпической поэзии» Вольтера, а Богдановичу — перевод «Поэмы на разрушение Лиссабона» Вольтера. Это был, по-видимому, первый творческий успех Богдановича у современников. Во всяком случае, еще в начале XIX века этот перевод очень ценился. Карамзин писал о нем в 1802 году: «...перевел так удачно, что многие стихи... не уступают красоте и силе французских». [2]

Поэма Вольтера — страстный протест против мирового зла, против веры в божественный промысел, в оправданность человеческих несчастий божественным предопределением. По силе богоборческого протеста поэма Вольтера предвосхищает байроновского «Каина», где атеистическая свободная мысль уже торжествует полностью над всеми иллюзиями и самообманами прошлого:

Мы можем ли себе представить благ творца
Творцом напастей всех? И дети от отца
Возмогут ли иметь мученья повсеместны?
Кому, о боже мой! твои судьбы известны?
Всесовершенный зла не может произвесть,
Другого нет творца, а зло на свете есть...

Религиозное свободомыслие остается у Богдановича до самого конца его литературной деятельности. Не выступая против религии прямо, Богданович совершенно не касается религиозно-философских проблем и в ту пору, когда под влиянием масонства в русской поэзии 1780-х годов религиозная тема заняла очень видное место.

---

[1] «Невинное упражнение», 1763, № 2, стр. 88—89.
[2] Н. М. Карамзин. Сочинения, т. 8. СПб., 1820, стр. 177.

Она получила своеобразное выражение и в творчестве Державина 1780-х годов («Успокоенное неверие», «Бог»), в переводах А. М. Кутузова и других поэтов, связанных с масонством. Но Богданович в этом вопросе не пошел на уступки времени.

В большой дидактической поэме «Сугубое блаженство» (1765) Богданович излагает свои взгляды на принципы государственного устройства, развивает свой взгляд на соотношение первобытного состояния и цивилизации, на происхождение общественного неравенства. В русской поэзии начала 1760-х годов в разработке этой темы у Богдановича были предшественники. В 1761 году его учитель в поэзии Херасков напечатал поэму «Плоды наук», адресованную наследнику. Точка зрения у Хераскова иная, чем у Богдановича. Он придерживается, так сказать, «ортодоксальной» теории просвещенного абсолютизма. Первобытное состояние, по его мнению, — это эпоха дикости и жестокости, от которого только наука и власть просвещенных ею монархов спасли человечество. В качестве примера он приводит деятельность Петра, который «воскресил» Россию:

Чрез многие труды он свой народ прославил,
И души и сердца в россиянах исправил.[1]

Движение истории и общественный прогресс зависят, по Хераскову, только от просвещенности монарха:

Монарх умеет путь чрез разум обрести,
Как ближе подданных к блаженству привести...[2]

В «Сугубом блаженстве» сначала изображается «естественное состояние», то есть человечество в первобытную эпоху, в период его безгосударственного существования, когда еще не было частной собственности и человеку незнакомо было корыстолюбие. Затем, сходно со взглядами Руссо, изложенными в его «Рассуждении о происхождении и причинах неравенства между людьми» (1754), Богданович говорит о прогрессе наук и промышленности, уже тут полемизируя с Руссо, указавшим на противоречивый характер прогресса цивилизации и винившего во всем науку:

Хоть строгий философ науки отвергает
И представляет нам последующий вред,
Но праведно ль за то он пользы обвиняет,
Когда причины их причины стали бед?

---

[1] «Плоды наук». М., 1761, стр. 9.
[2] Там же, стр. 10.

И если получить нельзя добра такого,
Ни совершенного столь счастья нам сыскать,
Чтоб в оном не было последствия худого,
То должно ль для того нам счастье презирать?
Виновен человек, виновно заблужденье,
Когда из добрых зрим причин конец худой,
Неправомыслие и злоупотребленье
Всегда выводит вред из пользы начатой.[1]

В итоге Богданович приходит к утверждению, что человечество нашло выход в установлении общественного согласия, государственной власти, прекратившей всеобщую вражду и создавшей господство законности взамен анархии и войны всех против всех:

О! коль приятны нам священны оны узы,
Которы общее согласие крепят;
Чрез них восставлены, утверждены союзы
И ими смертные сугубо счастье зрят.[2]

В отличие от Хераскова, Богданович полагает, что царская власть — это власть по происхождению выборная, ее назначение — служить интересам общества, нации, а не прихотям и страстям личности.

Свою приверженность либерально-дворянским идеям Богданович сохранял до середины 1770-х годов, до периода правительственной реакции, наступившей после подавления Пугачевского восстания. Эти либеральные настроения заметны в его переводах исторических сочинений и политических трактатов, отчасти в его журнально-редакторской деятельности. Переведенная им книга Сен-Пьера в обработке Руссо провозглашала необходимость создания конфедерации европейских государств, которая своим могуществом могла бы предотвратить любую попытку вызвать в Европе войну. Другой его перевод — «История о бывших переменах в Римской республике» Верто — принадлежал к тому же периоду французской историографии, что и «Древняя» и «Римская» истории Роллена, переведенные В. К. Тредиаковским в 1741—1769 годах. Этот довольтеровский период французской историографии характерен чисто литературным, «беллетристическим» подходом к историческим источникам. Историки начала XVIII века стремились воспитать в читателе гражданственные чувства и восхищение подви-

[1] «Сугубое блаженство». СПб., 1765, стр. 7.
[2] Там же, стр. 14.

гами патриотов; они видели в истории лишь материал для красочных описаний и эффектных сцен, которыми усиливалась назидательность самого исторического материала. В предисловии Верто говорит (в переводе Богдановича): «Любовь к вольности была первым предметом римлян при основании республики. . .». Эта мысль проводится им через всю книгу. Сочинение Верто было одним из лучших в своем роде по живости описаний и эпизодов.

Закончив свой перевод «Истории о бывших переменах в Римской республике», Богданович пишет «Историческое изображение России» (вышло в конце 1777 года), в котором применяет манеру Верто к изображению Киевской Руси. В предисловии он отказывается от изучения и критики источников.[1] Свою задачу он видит в том, чтобы «возобновить и возвеличить память славных людей, споспешествовавших общему благу; представить во всем пространстве их добродетели; изобразить заблуждения и пороки с их бедствиями; напоследок вывесть из истории добрые примеры, полезные правила и нужные сведения».[2] Когда Брайко в своей рецензии на «Историческое изображение России» указал, что речь старого воина к Владимиру сочинена Богдановичем и не соответствует ни времени, ни «лицу простого воина», автор отвечал на это,[3] что, по его мнению, история должна быть украшаема «цветами красноречия», хотя бы действительно славяне времен Владимира «не нынешним, а тогдашним наречием говорили».

В целом же Богданович-историк — убежденный сторонник просвещенного абсолютизма; киевские князья в его книге идеализированы и осовременены, а все изложение в целом содержит частые обращения к современности и поклоны в адрес Екатерины.

В журнале «Собрание новостей» Богданович, помимо официальных материалов о деятельности правительства, помещает много переводов и информационных статей, в которых доказывается необходимость смягчения крепостного права и других крестьянских повинностей. В одной из переводных статей доказывается необходимость уничтожения барщины,[4] в статье Вольтера «О невольных крестьянских работах» объясняется, как тяжка для крестьян дорожная повинность и почему ее надо отменить. В этом же журнале он, одобряя усмирение Пугачевского восстания, все же ратовал за прогресс просвещения, за некоторую либерализацию режима.

---

[1] «Историческое изображение России». СПб., 1777, стр. 8.
[2] Там же, стр. 10.
[3] «Санктпетербургский вестник», 1778, № 7, стр. 57.
[4] «Собрание новостей», 1775, № 11, стр. 57—61.

В «Душенькиных похождениях» (1778) Богданович еще позволял себе сатирические выпады в адрес двора, но вскоре, в конце 1770-х годов, он отказывается от каких бы то ни было либеральных политических выступлений. Уже в «Душеньке» (1783) он порицает сатирические журналы 1769—1774 годов, тогда же пишет эпиграмму на фонвизинского «Недоросля», в «Славянах» (1787) пародирует свободолюбивые, гражданственные трагедии Княжнина и Николева.

Служение власти после «Душеньки» становится определяющим началом его литературной деятельности.

3

В русскую поэзию начала 1760-х годов Богданович входит как участник сплоченного поэтического направления. Он и его друзья по журналу «Полезное увеселение» были учениками Сумарокова и Хераскова, крупнейших представителей поэзии русского классицизма. В основе эстетики, созданной Сумароковым, находилось рационалистическое представление об отношении между поэзией и действительностью. Он считал, что все многообразие жизненных явлений может быть выражено логически расчлененной системой понятий. Поэтическое слово для Сумарокова было одновременно и категорией научно-логического мышления. Выдвигая в полемике с Ломоносовым понятия «простоты» и «естественности», Сумароков вкладывал в них особый смысл. «Простота» сводилась к логически четкому, расчлененному анализу жизненных явлений или психологических состояний; «естественность» в этой системе литературного мышления означала в действительности требование установить прямое соответствие между идейно-тематическим материалом произведения и его словесно-поэтическим воплощением. Слово не должно было, по Сумарокову, отделять читателя от постигаемой поэзией сущности жизни. При этом существенным элементом мировоззрения Сумарокова и сумароковцев была отвлеченная, антиисторическая точка зрения на законы истории и общественного развития.

Таковы были исходные пункты теории русского классицизма. Из нее выводились уже подчиненные положения, практически очень важные, особенно для начинающих, каким был в 1760—1763-х годах Богданович.

Одним из самых существенных положений литературной теории и практики русского классицизма была строгая жанровая иерархия. От эпопеи до басни каждому жанру соответствовал свой

круг тем, свой стиль, своя система изобразительных средств. Басня и трагедия не могли писаться в одном ключе, так же как несоотносимы были между собой элегия и комедия. Для критических оценок эпохи классицизма характерна оценка поэтического произведения с точки зрения «правил», большего или меньшего им следования. Подражание образцам считалось необходимым и более важным, чем выявление творческой индивидуальности поэта.

Однако, наряду с этой господствующей в русском классицизме тенденцией выражать в частном по возможности только общее, в герое трагедии — его общечеловеческую сущность, в поэтическом слове — его понятийную основу, в нем существовала и другая тенденция, сильнее всего проявившаяся в творчестве самого Сумарокова. В противоречие с рационалистическим пониманием человека и поэзии, внутри сумароковского творчества явно ощутима индивидуально-лирическая струя. Она пробивала себе дорогу в разных жанрах его творчества и в разных формах. Таков, например, Сумароков-баснописец; в его баснях авторский сказ, авторская «болтовня» явно преобладает над повествовательно-драматическими элементами. Таков Сумароков-песенник, создатель, может быть, наиболее совершенных для всей поэзии XVIII века лирических песен, воссоздающих темы и образность народной песни. Таков, наконец, Сумароков в своих многочисленных переложениях псалмов, где звучит не голос ветхозаветного пророка-мстителя, а жалобы страдающего и несчастного человека. Это «лирическое» в собственном смысле начало сумароковского творчества не получило развития в творчестве поэтов «Полезного увеселения». Для творчества Хераскова, Ржевского, Нарышкина, отчасти и Богдановича характерно преобладание философствования и дидактизма.

В «Полезном увеселении» жанровое разнообразие соблюдается строжайшим образом. Более того: между одножанровыми стихотворениями Богдановича и Ржевского больше сходства, чем между разножанровыми стихами самого Богдановича. Но при всей строгости следования теории и правилам в творчестве поэтов «Полезного увеселения» заметна тенденция к нивелировке общего тона поэзии, к замене сумароковской патетики холодноватыми рассуждениями, к превращению поэзии в стихотворную дидактику.

Богданович, по-видимому, без труда усвоил себе механизм стиха и стилистику Хераскова. Во всяком случае, по количеству помещенных стихов он занимает в «Полезном увеселении» третье место, вслед за Херасковым и Ржевским. Богданович пробует свои силы в самых различных жанрах. У него есть переложения псалмов, стансы, письма, эпистолы, притчи, загадки, мадригалы,

сказки, басни, эклоги, элегии, эпиграммы, идиллии. Нет только в это время похвальных и торжественных од. Однако и в этом Богданович не оригинален. При жизни Елизаветы весь кружок «Полезного увеселения» воздерживался от писания од, в которых необходимо было говорить о политических вопросах современной жизни. И стилистическая работа Богдановича не выделяет его из херасковского кружка.

Они все верны правилам, и жанровый принцип определяет стилистическую окраску стихотворения каждого из поэтов. Переложения псалмов Богдановича в этом смысле заметно отличаются от его же элегий. Но, при такой верности общему духу школы, в одном отношении Богданович ближе всего к Хераскову: в его стихах 1760—1763 годов очень заметно стилистическое сближение разножанровых вещей, уничтожение крайностей в языке, постепенное движение к созданию единого языка поэзии. Строки из любовного стихотворения Богдановича:

Где прежде лил прозрачный ток,
На месте том болото ныне;
Мутится там всегда песок,
И шум ключей умолк в пустыне —

очень сходны стилистически с его же стихами из переложения псалма:

Прости, творец, сию вину,
Что день рождения кляну,
Когда от мук ослабеваю.

Это говорит о том, что поэтическая практика молодого Богдановича вступает в противоречие с общепринятыми и им самим разделяемыми взглядами, хотя Богданович сознательно еще подчиняет свое творчество теории классицизма и практическим установкам «Полезного увеселения». Оставаясь последователем Сумарокова и Хераскова, Богданович в то же время испытывает известное воздействие поэзии Ломоносова, в частности его переложений псалмов. Это заметно в стилистике некоторых переложений псалмов, сделанных Богдановичем.

Итогом философско-дидактических стихотворных опытов Богдановича была поэма «Сугубое блаженство» (1765). Она оказалась творческой неудачей; не случайно через несколько лет Богданович сократил ее чуть ли не вдвое, желая, видимо, придать большую живость изложению и усилить лирическую ноту в этом сухом

стихотворном трактате. О неудаче первой поэмы Богдановича говорят и очень сдержанные отзывы современников. Автор «Известия о некоторых русских писателях» (1768) хвалил поэму за «мысли» и плавность стиха. Новиков в «Опыте исторического словаря о российских писателях» (1772) отозвался о ней очень сухо. Карамзин, выражая общее мнение, писал: «Она, сколько нам известно, не сделала сильного впечатления в публике».

О том, что и сам Богданович довольно скоро понял свою неудачу с поэмой и осознал бесперспективность дальнейшей творческой работы в этом направлении, свидетельствует почти полное прекращение его поэтической деятельности в течение ближайших десяти лет. Между «Сугубым блаженством» (1765) и «Душенькиными похождениями» (1775) им было написано не более десятка стихотворений.

Поэтическое чутье подсказывало Богдановичу, что необходимо искать новые пути в поэзии, идти по неизведанным дорогам. Дидактико-философскую манеру «Сугубого блаженства» можно было применять в переводах, сходных с ним по цели и характеру, в «Песне Екатерине II» Джианетти, в стихах к ней же Вольтера и Мармонтеля. Для создания поэмы требовалось иное понимание поэзии вообще, чем то, какое усвоил Богданович за время работы в «Полезном увеселении».

На рубеже 1760—1770-х годов Богданович мог обдумать свой творческий опыт, присмотреться к новым явлениям русской поэзии, особенно в жанре поэмы. Именно в это время появляются новые поэмы Хераскова «Чесмесский бой» (1771) и Василия Майкова «Елисей, или Раздраженный Вакх» (1771). В каждой из них решалась по-своему проблема поэтического воспроизведения действительности вопреки канонам классицизма. Обе поэмы черпают материал из современности, но художественно они очень различны. Херасков на материале Чесменской битвы строит поэму о дружбе двух братьев и создает одно из первых, если не первое, поэтическое произведение в русской поэзии на тему, ставшую одной из главных в литературе сентиментализма.

У Василия Майкова своеобразно переплетаются в поэме литературная пародия и общественная сатира. В «Елисее» впервые становится предметом поэтического воспроизведения жизнь городских трущоб. При всем различии поэм, их авторы сходным образом шли от материала действительности к литературе; не заранее заданная идея жанра, а жизненное явление в значительной степени определило их творческие решения. Таким образом, не поры-

вая до конца с классицизмом, оба поэта очень серьезно отступали от заветов Сумарокова.

О новом понимании поэзии, складывающемся у Богдановича, свидетельствует уже его сборник «Лира» (1773), в котором он подвел итог первому десятилетию своего творчества.

При подготовке сборника малые стихотворные жанры подверглись самому строгому авторскому отбору. Из 70 произведений, напечатанных в «Полезном увеселении» и «Невинном упражнении», в сборник «Лира» вошло меньше половины. Большая часть введенных в сборник вещей была подвергнута переработке и сокращению. Из поэмы «На разрушение Лиссабона» была включена только заключительная часть (под названием «Философические мысли г. Вольтера»), поэма «Сугубое блаженство» была переработана, сокращена и переименована в «Блаженство народов». Эта переработка, равно как и сборник в целом, дает основание говорить о движении поэта вперед. С этой точки зрения уже очень показательна композиция сборника Богдановича, если сравнить его с предшествующими ему сборниками Сумарокова, Хераскова и одновременным сборником В. Майкова «Разные стихотворения» (1773). В «Разных стихотворениях» (1769), самом большом прижизненном сборнике Сумарокова, строго соблюдена иерархия жанров. Вслед за духовными и торжественными одами идут в порядке убывающей важности лирические жанры. За пределами сборника остаются притчи (басни) и песни, как правило, вообще Сумароковым при жизни не печатавшиеся. Сборник Хераскова «Философические оды или песни» (1769) содержит только дидактико-философские стихи. «Лира» по разнообразию своего содержания ближе к «Разным стихотворениям» Сумарокова, чем к сборникам Хераскова, но конструкция и композиция сборника у Богдановича совсем иные, чем у Сумарокова. Богданович открывает свой сборник декларативно-публицистическими стихами, а затем под общим заголовком «Разные сочинения» помещены без подразделения по жанрам все стихотворения: идиллии, эклоги, элегии, песни, мадригалы, духовные оды, басни. Обращает на себя внимание, что «оды духовные» помещены на предпоследнее место, гораздо ближе к концу, чем песни. А сборник в целом, по несомненному замыслу автора, должен был нести на себе отпечаток авторской индивидуальности даже в композиции, в прихотливом и как будто беспорядочном расположении разных по жанру стихотворений в разделе «Разные сочинения».

При всем сходстве его поэтических интересов и устремлений с творчеством учителя-Хераскова и других соратников по журналу,

в стихах Богдановича этого периода уже заметно некоторое своеобразие. Он с особым интересом разрабатывает такие стихотворные жанры, в которых находит больше свободы для авторской интонации. Богданович пробует себя в переложениях псалмов, эпистолах, «сказках», наконец в стихотворениях без ясного жанрового обозначения, но с ощутимой установкой на авторскую оценку и авторскую личность, отделяющую себя от материала, от предметного содержания стихотворения.

Иногда это прямое обращение к читателю:

Читатель! сказку ты читая,
Жалей о тех, жалей со мной,
Которы гибнут клеветой,
Безвинно жизнь окончевая...[1]

Иногда эмоционально-взволнованные обращения:

Когда сливается у вас струя с струей,
Не разлучается она уж после с ней.
Вы неописанно благополучны реки;
Колико жизнью мы своей от вас далеки![2]

Но ощутительнее всего эта авторская интонация у Богдановича тогда, когда в основе ее лежит ирония. На иронической интонации построены такие стихотворения, как «Понеже» и «Деньги», и оба они были перепечатаны в сборнике Богдановича «Лира». В стихотворении «Деньги» каждая строфа начинается и замыкается рефреном:

Тужи, что денег нет: свет бедность презирает,
Богатство у людей уму предпочитает.
Он больше чтит того, кто в золоте одет.
И ты бы был таков, — тужи, что денег нет.

Вместо логически закономерного заключения о «вреде» богатства, следует ироническое заключение автора.

В стихотворении «Понеже» заглавное слово проходит сквозь все стихотворение, оно повторяется в десяти строках из двенадцати. Здесь сатирическое задание осуществляется не прямым

---

[1] «Сказка» («Хотелось дьявольскому духу»). «Полезное увеселение», 1761, март, № 11, стр. 101.

[2] «Идиллия, подраженная французской». «Полезное увеселение», 1761, декабрь, № 25, стр. 247.

обличением, не называнием взяточника — взяточником, а скупого — скупым, как сделано в стихотворениях «Пословица» («Змея хоть умирает») и «Притча» («Пускай скупой людей дурачит»), напечатанных вместе с «Понеже» в одном номере «Полезного увеселения». Ироническое отношение поэта к характерному словечку приказно-чиновничьего жаргона дает ему возможность вскрыть разные смысловые оттенки слова «понеже», повернуть его разными гранями.

Живая индивидуальная интонация с трудом пробивается в стихах Богдановича сквозь привычные стихотворные формы и не находит в них ясного выражения, звучит намеком на его нереализованные поэтические возможности. По-видимому, желание дать больше простора авторской интонации привело Богдановича к отходу от малых стиховых жанров, в которых он был еще стеснен и традициями школы и собственными представлениями о природе жанров.

Богданович ищет новых возможностей для своей поэтической работы. В «Лире» его новые устремления еще не обрели художественного воплощения. Наименее индивидуален здесь отдел «разных стихотворений», где представлен уже пройденный период литературного ученичества. Облик поэта в «Лире» еще как бы раздваивается, раздел публицистических стихотворных переводов по общему тону нисколько не похож на отдел малых интимно-лирических стихов. В сборнике нет единства авторской личности, видимо потому, что творческие поиски Богдановича еще не завершились.

4

«Душенька» явилась завершением двадцатилетней поэтической работы Богдановича, и после создания ее первой редакции он продолжал упорно работать над текстом, изменяя его от издания к изданию. [1]

Когда Богданович обратился к сюжету истории Амура и Психеи, на русском языке уже существовал перевод лафонтеновского

---

[1] История работы Богдановича над «Душенькой» теперь во многом проясняется, так как в нашем распоряжении имеется издание первой книги «Душеньки» — «Душенькины похождения», напечатанное в Москве в 1778 году и до сих пор остававшееся вне поля зрения писавших о Богдановиче. Единственный известный нам экземпляр находится в Государственной библиотеке имени Ленина; в ленинградских книгохранилищах этого издания нет.

романа,[1] переводчик сохранил манеру повествования оригинала — чередование стихов и прозы.

Вскоре после выхода «Душенькиных похождений» появился русский перевод Апулея. Богданович и не ставил перед собой задачу знакомить русских читателей с «Историей Амура и Психеи», за него это сделали переводчики Лафонтена и Апулея. Его цель была иной. Богданович в самом начале поэмы говорит, что в его задачу не входило подражание Апулею или Лафонтену:

Но если подражать их слогу невозможно,
Беру в свидетельство писателей я сих,
Что в вольных я стихах моих
Писал за ними вслед историю неложно.[2]

Иными словами, Богданович обещал следовать фабуле Апулея — Лафонтена, но не их художественной форме. В таком своеобразном творческом соревновании, в желании поэта по чужой сюжетной канве выткать свой новый узор, сказалась характерная черта литературного мышления эпохи классицизма, когда соревнование с признанными образцами считалось естественным способом достижения поэтического мастерства. Но в самом решении этой задачи Богданович во многом явился новатором, одним из разрушителей литературной системы, с которой крепко было связано его творчество начальной поры.

Богданович не сразу нашел определение жанровой природы своей поэмы. «Душенькины похождения» (1778) он назвал «сказкой в стихах», «Душенька» (1783) имела уже подзаголовок «Древняя повесть в вольных стихах». Эти колебания автора в определении жанра характерны. Только завершив работу над «Душенькой», Богданович сам в полной мере мог оценить значение своей работы, ее новаторский характер и поэтическую силу. В 1778 году, когда вышла в свет только первая книга поэмы, Богдановичу казалось, что, несмотря на новизну и смелость ее творческих принципов, для нее можно найти место в существующей системе жанров. Мог помочь и авторитет Сумарокова, у которого в кодексе правил русского классицизма, в «Епистоле о стихотворстве» (1748), упоминается сказка как нечто близкое к басне.

Жанр сказки разрабатывался в русской поэзии 1760-х годов. Так, например, сборник «Сказки и басни» (1769) выпустил Аблеси-

---

[1] Лафонтен. Любовь Псиши и Купидона. Пер. М. А. Дмитриева-Мамонова. СПб., 1769.

[2] «Душенькины похождения». М., 1778, стр. 5.

мов. Но, понимая сказку как жанр по преимуществу комический, с элементами общественной сатиры, русские стихотворцы-сказочники разрабатывали ее как комическую новеллу, основанную на ходячем анекдотическом сюжете. Такие сказки есть и у Богдановича. Отличие, и очень существенное, «Душеньки» от комической сказки русских поэтов 1760—1770-х годов в том, что Богданович взял для разработки не комический, а поэтический сюжет. История любви Амура и Психеи — один из самых поэтических мифов греческой литературы, в котором очень ясна, прозрачна его народно-поэтическая, фольклорная основа. Противоречие между материалом и способом его разработки еще очень заметно в «Душенькиных похождениях» 1778 года. В них есть целый ряд мест, которые по своей установке на комическое, снижающее и пародирующее изображение перекликаются с незадолго до этого вышедшим «Елисеем» (1771). Майкова, например в речи Венеры к Амуру:

Когда бы ты гонял помене голубей
И боле б помышлял об участи людей,
Но между тем как ты проводишь дни в игрушках,
Оставил мать свою у Душеньки в прислужках...

Все эти места поэмы, как и ряд других, подчеркнуто-комических, отброшены совершенно автором уже в издании 1783 года. В это же время смягчена авторская формулировка, объяснявшая сочетание лирики и комизма в поэме. Обращаясь к Гомеру, Богданович говорил:

Прости вину мою,
Коль я не в правилах пою
И лиру вместе с дудкой строю.

Эта очень важная декларация была отброшена в издании 1783 года. Во-первых, Богданович стремился освободить поэму от травестийной стилистики, и потому «дудка» была уже неоправданна; во-вторых, развитие литературы сделало ненужным ссылку на «правила». Теперь Богданович уже не желал вспоминать о каких бы то ни было правилах и ограничениях.

За пять лет, отделяющие издание 1778 года от издания 1783 года, для поэта прояснилось многое в жанровой природе и в стилистике его поэмы. Теперь он назвал «Душеньку» «повестью», отказавшись, таким образом, от термина «сказка»: установка на комический рассказ была заменена установкой на повествование, на рассказ как таковой.

Работая над «Душенькой», Богданович как бы соразмерял свой метод с опытом Хераскова и Майкова. На сходство с «Елисеем» в характере комического уже указывалось. С Херасковым Богданович ведет скрытую полемику в самом начале поэмы, отказываясь следовать Гомеру или иронизируя над пирами его героев, так как ему несомненно памятно было обращение к Гомеру Хераскова в начале «Чесмесского боя»:

Учи меня вещать, Гомер! Чесмесску брань.

Но в самом существенном вопросе, в обращении к материалу действительности, к русской жизни, как это ни парадоксально, Богданович двигался в том же направлении, что и Херасков и Майков. Но первый ограничился батальной темой, второй провел своего героя по задворкам Петербурга, показал изнанку столичной жизни. В поэме Богдановича, с ее «руссифицированным» сюжетом, от условной лафонтеновской Греции почти не осталось следов.

Сквозь лафонтеновскую переделку и стилизованную передачу старинного сказания у Апулея Богданович верно почувствовал народную, фольклорно-сказочную природу истории Амура и Психеи и потому сделал смелую для своего времени попытку ввести в свою поэму некоторые мотивы из русских волшебных сказок, известных ему, очевидно, и по изустной передаче и по литературным обработкам.

Из русских народных сказок появились в «Душеньке» ее «службы» Венере; на это указал еще Карамзин: «Русская Душенька *служит* только трудные, опасные *службы* богине, совершенно в тоне русских старинных сказок и прекрасно; идет за живою и мертвою водою, к змею Горыничу, и так хорошо, с женскою хитростью, ублажает его...»[1] Живую и мертвую воду, кисельны берега, сытовую воду, Змея Горынича, Царь-Девицу, Кощея — как указывает сам Богданович — «по сказкам знают все». Одним из литературных источников сказочного материала мог послужить Богдановичу сборник В. Левшина.[2] Однако в работе над «Душенькой» Богданович мог пользоваться только I—IV частями «Русских сказок», так как его поэма вышла в начале 1783 года, а V—X части «Русских сказок» — в августе 1783 года. Русское сказочное окружение

---

[1] Н. М. Карамзин. Сочинения, т. 8. М., 1820, стр. 207.

[2] «Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные и прочие оставшиеся в памяти приключения», чч. I—X. СПб., 1780—1783.

«Душеньки» отвечает общему тону поэмы в изображении героини — Душеньки. Во всяком случае, для Ксенофонта Полевого, одного из самых страстных проповедников романтической народности, еще в 1832 году народность «Душеньки» была неоспорима. Он писал: «Немногие из поэтов наших и даже современников так хорошо знают и чувствуют прелесть старинных русских рассказов, как знал и чувствовал ее Богданович. Он понял, что в легком рассказе единственное спасение русского поэта — наши старинные были и небылицы, где отсвечивается и, как луч солнца на волне, играет поэтический дух народа».[1]

Движение от отвлеченности и литературной условности к воспроизведению действительности шло в творчестве Богдановича по различным путям. Одна из дорог шла через изобразительные искусства. Богданович не только воспроизводит в поэме триумф Венеры, по хорошо известной в России одноименной картине Буше. В описании дворца и садов Амура он дает конкретное и точное описание Царского села в его тогдашнем состоянии, до перестройки старого, построенного еще Елизаветой, дворца. Роща «пальмовых и миртовых древес» действительно окружала этот дворец, над входом с золоченой лестницей поднимался золоченый купол, уничтоженный при перестройке 1779—1783 годов, и т. д. Словом, один из сказочных элементов поэмы на деле оказывается лишь поэтически воспроизведенною реальностью. Но Богданович не ограничился воспроизведением реальных чудес дворцово-парковой архитектуры Царского села.

Античная легенда была пересажена Богдановичем на русскую почву и прочно в ней укоренилась. Это произошло не только потому, что в «Душеньке» появились русские сказочные персонажи. Богданович смело ввел в свою поэму быт, русский дворянский быт своего времени. Так, перед отправкой Душеньки в путь, по указанию Оракула:

Велели *сухари готовить* для дороги.

Душенька, прощаясь с родней, говорит:

Чтоб только в путь ее прилично снарядили
И в колесницу посадили,
Пустя по воле лошадей,
Без *кучера* и без *вожжей*...

---

[1] «Московский телеграф», 1832, № 8, стр. 534.

В дороге за Душенькой несут вместе с «хрустальной кроватью» все необходимые предметы дамского дворянского обихода той эпохи:

Шестнадцать человек, поклавши на подушки,
Несли царевнины *тамбуры* и *коклюшки,*
Которы клала там сама царица-мать,
Дорожный туалет, гребенки и *булавки*
И всякие к тому потребные прибавки.

У Душеньки всегда готовы были:

В минуту для ее услуг
Полки духов...
С *водами, спиртами,* из разных краев света...

Изгнанная из дворцов Амура Душенька увидела себя

Лежащу *в платьице простом и ненарядном,*
В какое Душеньку, в несчастьеееприкладном,
Оставив *выкладки* и всякие *махры,*
Родные нарядили...

Собираясь покончить с собой, Душенька

Пошла, заплакала, *с платочком на глазах...*

Когда Душенька голодна —

Потребно было ей, ко укрепленью сил,
Ломотик хлебца скушать.

В грамоте, объявлявшей о Душенькиных преступлениях, говорится о ее одежде:

Богиней рядится и носит *хвост в три пяди...*

Сестры Душеньки, собираясь по призыву Амура,

В богаты платья нарядились;
Не прочили *белил, ни мушек, ни румян,*
Опрыскались водами,
Намазались духами...

Все эти черты быта и домашней обстановки, модные безделушки и наряды придают поэме своеобразную реальность. Все в ней происходящее перестает быть только сказкой, а приобретает какие-то черты действительности; отвлеченные персонажи эклог и идиллий заменяются живым, пленительным и человечным образом Душеньки. Поэма Богдановича не только из-за обилия бытовых черт и подробностей разрывает с поэзией классицизма, ломает жанровые каноны и условности. Большее значение, чем поэтическое воспроизведение жизненной бытовой прозы, для развития русской поэзии и литературы имел центральный образ поэмы — сама Душенька. Важна была заслуга Богдановича, который опоэтизировал «булавки» и простые «платьица» Душеньки, увидел эмоционально значительное, поэтическое в «мелочах жизни», окружающих его героиню. Но еще важнее то, что удалось ему вдохнуть жизнь в условную фигуру лафонтеновской Психеи, сделать ее живой, современной русской девушкой из дворянской семьи средней руки. Душенька с ее наивным любопытством, любовью к нарядам, простодушием и верностью, с множеством живых черт характера и поведения была большим достижением русской поэзии 1780-х годов.

В поэме Хераскова «Чесмесский бой» вообще не было женского образа, у Майкова в «Елисее» женщины только предмет комического изображения; кое-что могла подсказать Богдановичу комическая опера М. Попова «Анюта» (1772), но в основном Богданович должен был действовать самостоятельно, не опираясь ни на какую традицию. Его Душенька в смысле живости и определенности своего характера несомненно превосходит все созданное в русской литературе до «Светланы» и «Руслана и Людмилы», в том числе и фонвизинскую Софью и карамзинскую Лизу. Пушкинская Людмила во многом сходна с Душенькой. То сочетание простодушия и любопытства, которое характеризует Людмилу, уже очень полно дано Богдановичем в Душеньке. Русские критики 1820 года в спорах о первой поэме Пушкина часто вспоминали «Душеньку». Так, в одном полемическом ответе «Вестнику Европы» говорилось: «Старику не нравится выражение Руслана:

Я еду, еду, не свищу,
А как наеду, не спущу!

Что же скажет он о Богдановиче, у которого греческая (!!!) царевна плачет, как *дура,* едет *на щуке шегардой,* называет дракона Змеем *Горыничем, чудом-юдом* и проч.».[1]

---

[1] «Сын отечества», 1820, ч. 63, № 31, стр. 232.

И дело не только в прямом влиянии Богдановича на молодого Пушкина, хотя и оно могло быть.[1] Важнее несомненная художественная преемственность в разработке живого образа русской девушки-современницы. А заслуга первого, еще во многом условного, но все же поэтического воплощения такого образа в русской поэзии принадлежит Богдановичу.

Суждение современников о «Душеньке» было единодушно в указании на ее художественную новизну. Успех ее был большой и всеобщий. Одно из наиболее ярких выражений этого успеха — рецензия в «Прибавлениях к «Московским ведомостям». Анонимный рецензент писал: «Сия книжка заслуживает всякое уважение от почтенной публики, ибо приятность содержания, удачливость в выражениях, легкий и непринужденный слог в стихах и многие другие достоинства соделывают ее первою еще в сем роде стихотворений на российском языке».[2] Он особенно выделил «легкий и непринужденный слог в стихах». Ржевский свое предисловие к «Душеньке» (1783) начал с похвалы «непринужденной вольности стиля». В самом тоне и характере авторского рассказа в «Душеньке» была новизна, удивлявшая ее первых читателей. Уже в «Елисее» Майков прерывает действие для обращений к музе, к Скарону; это придает живость и разнообразие изложению, но только в «Душеньке» Богданович осмелился вступить в прямой разговор с читателем:

Но можно ль описать пером
Царя тогда с его двором,
Когда на верх горы с царевной все явились?
Читатель сам себе представит то умом.
Я только лишь скажу, что с нею все простились...

Иногда такое обращение включает в себя и вопрос к читателю:

Но как представился тогда его очам
Предмет любови постоянной?
Несчастна Душенька, в печали несказанной,
Не ела, не пила, не зрела света там.

---

[1] В 1818—1819 годах вышли сочинения Богдановича номинально вторым, а фактически первым изданием. Таким образом, выход нового издания «Душеньки» совпал с периодом работы Пушкина над «Русланом и Людмилой».

[2] «Московские ведомости», 1783, № 96, 2 декабря.

Читатель должен знать сначала,
Что Душенька тогда лежала;
Но боком иль ничком,
Спала или дремала,
Не ведаю о том...

Но и помимо прямых обращений к читателю, устанавливающих особую непринужденность, интимность отношений между поэтом и читателями, Богданович как будто рад любому случаю, чтобы отойти, отвлечься в сторону, завести разговор на постороннюю тему. Иногда это развернутое сравнение:

Зефиры, в тесноте толкаясь головами,
Хотели в дом ее привесть или принесть;
Но Душенька им тут велела быть в покое
И к дому шла сама среди различных слуг,
И смехов и утех, летающих вокруг.
Читатель так видал стремливость в пчельном рое,
Когда юничный род, оставя старых пчел,
Кружится, резвится, журчит и вдаль летает,
Но за царицею, котору почитает,
Смиряяся, летит на новый свой удел.

В других случаях — это пространное отступление, как, например, «рассуждение» об удавке в Турции, вставленное в текст в связи с намерением Душеньки повеситься.

Чередование подобных отступлений, обращений, сравнений придает авторскому рассказу в «Душеньке» очень заметное своеобразие. Но и чистое повествование в поэме Богдановича оригинально по своей форме. Б. В. Томашевский очень интересно определил характер повествования в «Душеньке»: «Гиперболизм рассказывания выражается в гипертрофии сказовых деталей, имеющих характер гротеска». [1]

Действительно, лафонтеновская канва испещряется у Богдановича многочисленными и прихотливыми узорами. Так, вместо невидимых слуг во дворце, описанном Лафонтеном, у Богдановича обслуживает Душеньку очень много народу. Почти каждый из эпизодов «Любви Амура и Психеи» в «Душеньке» развит и распространен в авторском рассказе за счет подробностей, отступлений,

---

[1] См. «Пушкин и Лафонтен». «Пушкинский временник», т. 3, Л., 1937, стр. 226.

авторских замечаний и сентенций. И потому, действительно, можно говорить о «гиперболизации» сказа.

Богдановича в «Душеньке» как будто увлекает не то, о чем он рассказывает, но самый процесс рассказывания. Автор не торопится привести читателя быстрее к цели, а вдается в подробности и охотно отвлекается в сторону. Так, триумф Венеры у Лафонтена описан в 18 стихах, у Богдановича он занимает 92 стиха!

У Лафонтена в одной строке говорится о тритоне, который «держит перед ней (Венерой. — *И. С.*) зеркало, сделанное из горного хрусталя». У Богдановича это лаконичное указание превращается в маленький самостоятельный эпизод:

Другой, из краев самых дальных,
Успев приплыть к богине сей,
Несет отломок гор хрустальных
Наместо зеркала пред ней.
Сей вид приятность обновляет
И радость на ее челе.
«О, если б вид сей, — он вещает, —
Остался вечно в хрустале!»
Но тщетно то Тритон желает:
Исчезнет сей призрак как сон,
Останется один лишь камень,
А в сердце лишь несчастный пламень,
Которым втуне тлеет он.

У Лафонтена отношение зефиров, тритонов, волн к Венере лишено какой-либо эмоциональной окраски. У Богдановича — все они объединены любовью к ней и взаимной ревностью, и вся картина путешествия Венеры не только рассказана, но и пронизана чувством.

Носителем этого эмоционального отношения в поэме становится рассказчик истории Душеньки — автор поэмы. Элегическое настроение этих строк —

Останется один лишь камень,
А в сердце лишь несчастный пламень —

дается как авторское заключение, как авторская оценка событий, действующих лиц и их психологии.

Таким образом, автор не воздвигает между собой и читателем никаких преград, не прячется за персонажей, не скрывает своего отношения за объективным тоном рассказа. Наоборот, он всячески

стремится подчеркнуть свое существование, обнаружить свое присутствие, высказать свое отношение к событиям и героям поэмы.

Характер освещения событий и происшествий в поэме определяется ясно выраженным авторским отношением. Чаще всего — иронией. Очищая поэму от элементов грубого комизма, Богданович усиливал и уточнял ироническое освещение событий и персонажей. Ирония не оставляет автора и тогда, когда его героиня находится в опасности или попадает в трудные положения. Так, когда Душенька, решив в отчаянии покончить с собой, ищет у себя какое-либо оружие и не находит, автор замечает:

Но не было у ней кинжала,
Нижé какого острия,
Удобного пресечь несчастну жизнь ея.
Читатель ведает, без всякой дальней справки,
Что Душенька пред сим,
Летя с горы на низ, повытрясла булавки,
Чудесным действием иль случаем простым.

Мягкая ирония автора-рассказчика, улыбка, с которой он рассказывает о радостях и горестях Душеньки, — все это создает в представлении читателя образ поэта, образ «Душеньки писателя». В этом качестве и вошел Богданович в русскую поэзию. Реальная авторская личность с ее действительными чертами и свойствами была заслонена литературным обликом ее автора, «вычитанным» в «Душеньке». Решающее значение в этом смысле имела статья Карамзина, в которой условно-литературному образу была придана одновременно и художественная законченность и видимость исторической правды.

Богданович, публицист и журналист, оказался совершенно заслоненным образом легкомысленного поэта-эпикурейца. «Он жил тогда на Васильевском острову, в тихом уединенном домике, занимаясь музыкой и стихами: в счастливой беспечности и свободе; имел приятные знакомства; любил иногда выезжать, но еще более возвращаться домой, где муза ожидала его с новыми идеями и цветами... Мирные, неизъяснимые удовольствия творческого дарования, может быть самые вернейшие в жизни!» [1] — так описывал Кармазин образ жизни Богдановича в эпоху работы над «Душенькой».

[1] «О Богдановиче и его сочинениях». «Вестник Европы», 1803, № 9, стр. 12.

Создание образа «певца Душеньки» означало окончательный разрыв Богдановича с классицизмом и выход его в сферу предромантического искусства. Ни Херасков, ни Майков этого сделать не смогли. Творческая победа Богдановича может быть соотнесена только с достижениями нового великого поэта — Державина, в творчестве которого с еще большей силой проявилось личностное начало, а быт приобрел совершенно конкретные исторические черты. В то время как Державин ввел в свою поэзию самого себя с конкретными чертами своей личности и биографии, свою жену, своих друзей и недругов, Богданович отразился в своей поэме только как поэт, как певец прекрасного и гармонического. Но этому поэтическому пафосу Богдановича и образу автора-поэта не хватало бытовой конкретности и исторической перспективы. Автор «Душеньки» живет только в мире красоты и поэзии, отстраняясь от реальных противоречий действительности.

Из поэтов 1770—1780-х годов только Богданович сохранил значение для предпушкинской эпохи. И Херасков и Василий Майков, не говоря уже о Сумарокове, ушли в прошлое, а творчество их стало историей, в то время как «Душеньку» читали, и у Богдановича учились молодые поэты 1800—1810-х годов. В 1816 году Батюшков говорил о «Душеньке»: «Стихотворная повесть Богдановича — первый и прелестный цветок легкой поэзии на языке нашем, ознаменованный истинным и великим талантом».[1] Дипломатично отдавая должное Ломоносову и Державину, Батюшков указывал на Богдановича как на зачинателя «легкой поэзии» в России. И далее, назвав вслед за Богдановичем Дмитриева, Хемницера, Карамзина, Нелединского и Жуковского, Батюшков объединяет их общим, как ему представляется, отношением к поэзии: «Все сии писатели имеют истинный талант, испытанный временем; испытанную любовь к лучшему, благороднейшему из искусств — к поэзии, и уважают, смею сказать, боготворят свое искусство, как... истинный дар неба, который доставляет нам чистейшие наслаждения посреди забот и терний жизни...».[2]

Богданович, выступивший в начале 1760-х годов как талантливый ученик, сумел сказать новое слово в русской поэзии. И потому его поэма, несмотря на заимствованность сюжета, стала одним из первых явлений русской предромантической поэзии. Свободная от абстрактно-логических норм, от правил, поэма Богдановича в искус-

---

[1] К. Н. Батюшков. Речь о влиянии легкой поэзии на язык. Сочинения. М. — Л., 1934, стр. 364.

[2] Там же, стр. 366.

стве, в мире красоты провозглашала свободу от обветшавших эстетических предрассудков. То, что Жуковский выразил через сорок лет после появления «Душеньки», сказав «жизнь и поэзия — одно», Богданович осуществил творчески в своей поэме, заставив читателей поверить созданному им живому образу поэта. Его поэма сохранила значение живого литературного явления до начала 1840-х годов.

К этому времени все, чем была значительна и интересна «Душенька», стало общим достоянием литературы, а время произнесло свой приговор над Богдановичем, отведя ему видное место в ряду зачинателей русской предромантической поэзии.

И. Серман

ДУШЕНЬКА

Древняя повесть
в вольных стихах

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ СОЧИНИТЕЛЯ

Собственная забава в праздные часы была единственным моим побуждением, когда я начал писать «Душеньку»; а потом общее единоземцев благосклонное о вкусе забав моих мнение заставило меня отдать сочинение сие в печать, сколь можно исправленное. Потом имел я время исправить его еще более, будучи побужден к тому печатными и письменными похвалами, какие сочинению моему сделаны. Приемля их с должною благодарностию, не питаюсь самолюбием столь много, чтоб не мог восчувствовать моего недостаточества при выражениях одного неизвестного, которому в вежливых стихах его угодно было сочинение, «Душеньку», назвать творением самой Душеньки. Предки мои, служив верою и правдою государю и отечеству, с простым в дворянстве добрым именем, не оставили мне примера вознести себя выше обыкновенной тленности человеческой. Я же, не будучи из числа учрежденных писателей, чувствую, сколько обязан многих людей благодушию, которым они заменяют могущие встретиться в сочинениях моих погрешности.

СТИХИ НА ДОБРОДЕТЕЛЬ ХЛОИ

Красота и добродетель
Из веков имели спор;
Свет нередко был свидетель
Их соперничеств и ссор.
Хлоя! ты в себе являешь
Новый двух вещей союз:

Не манишь, не уловляешь
В плен твоих приятных уз;
Кто же хочет быть свидетель
Покорения сердец,
Хлоиных красот видец
Сам узнает наконец,
Сколь любезна добродетель!

КНИГА ПЕРВАЯ

Не Ахиллесов гнев и не осаду Трои,
Где в шуме вечных ссор кончали дни герои,
Но Душеньку пою.
Тебя, о Душенька! на помощь призываю
Украсить песнь мою,
Котору в простоте и вольности слагаю.
Не лиры громкий звук — услышишь ты свирель.
Сойди ко мне, сойди от мест, тебе приятных,
Вдохни в меня твой жар и разум мой осмель
Коснуться счастия селений благодатных,
Где вечно ты без бед проводишь сладки дни,
Где царствуют без скук веселости одни.
У хладных берегов обильной льдом Славены,
Где Феб туманится и кроется от глаз,
Яви потоки мне чудесной Иппокрены.
Покрытый снежными буграми здесь Парнас
От взора твоего растаявал не раз.
С тобою нежные присутствуют зефиры,
Бегут от мест, где ты, докучные сатиры,
Хулы и критики, и грусти и беды;
Забавы без тебя приносят лишь труды:
Веселья морщатся, амуры плачут сиры.

О ты, певец богов,
Гомер, отец стихов,
Двойчатых, равных, стройных
И к пению пристойных!
Прости вину мою,
Когда я формой строк себя не беспокою
И мерных песней здесь порядочно не строю.
Черты, без равных стоп, по вольному покрою,
На разный образец крою,

И малой меры и большия,
И часто рифмы холостые,
Без сочетания законного в стихах,
Свободно ставлю на концах.
А если от того устану,
Беструдно и отважно стану,
Забыв чернил и перьев страх,
Забыв сатир и критик грозу,
Писать без рифм иль просто в прозу.
Любя свободу я мою,
Не для похвал себе пою;
Но чтоб в часы прохлад, веселья и покоя
Приятно рассмеялась Хлоя.

Издревле Апулей, потом де ла Фонтен,
На вечну память их имен,
Воспели Душеньку и в прозе и стихами,
Другим языком с нами.
В сей повести они
Острейших разумов приятности явили;
Пером их, кажется, что грации водили,
Иль сами грации писали то одни.
Но если подражать их слогу невозможно,
Потщусь за ними вслед, хотя в чертах простых,
Тому подобну тень представить осторожно
И в повесть иногда вместить забавный стих.

В старинной Греции, в Юпитерово время,
Когда размножилось властительное племя,
Как в каждом городке бывал особый царь,
И, если пожелал, был бог, имел олтарь,
Меж многими царями
Один отличен был
Числом военных сил,
Умом, лицом, кудрями,
Избытком животов,
И хлеба, и скотов.
Бывали там соседи
И злы и алчны так, как волки иль медведи:
Известен Ликаон,
Которого писал историю Назон;
Известно, где и как на самом деле он

За хищные дела и за кривые толки
Из греческих царей разжалован был в волки.
Но тот, о ком хочу рассказывать теперь,
Ни образом своим, ни нравом не был зверь:
Он свету был полезен
И был богам любезен;
Достойно награждал,
Достойно осуждал;
И если находил в подсудных зверски души,
Таким ослиные приклеивал он уши,
Иным сурову щеть, с когтями в прибыль ног,
Иным ревучий зев, другим по паре рог.
От едкой древности, котора быль глотает,
Архива многих дел давно истреблена;
Но образ прав его сохранно почитает
И самый поздний свет, по наши времена.
Завистным он велел, как вестно, в том труждаться,
Чтоб счастие других
Скучало взорам их
И не могли б они покоем наслаждаться.
Скупым определил у золота сидеть,
На золото глядеть
И золотом прельщаться;
Но им не насыщаться.
Спесивым предписал с людьми не сообщаться,
И их потомкам в казнь давалась та же спесь,
Какая видима осталась и поднесь.
Велел, чтоб мир ни в чем не верил
Тому, кто льстил и лицемерил.
Клеветникам в удел
И доносителям неправды государю
Везде носить велел
Противнейшую харю,
Какая изъявлять клевещущих могла.
Такая видима была
Не в давнем времени, в Москве на маскараде,
Когда на масленой, в торжественном параде,
Народ осмеивал позорные дела.
И, словом,
В своем уставе новом
Велел, чтоб обще все злонравны чудаки
С приличной надписью носили колпаки,

По коим их тогда скорее узнавали
И прочь от них бежали.
По доброму суду, устав сей был не строг
И нравился народу,
Который в дело чтить не мог
Старинную дурную моду,
Когда людей бросали в воду,
Как будто рыбий род,
По нескольку на всякий год.
Овидий, лживых лет потомственный писатель,
Который истину нередко обнажал,
Овидий, в самой лжи правдивых муз приятель,
Подробно описал,
У греков как дотоль бывали казни часты.
Преобращенные тогда в быков Церасты,
Цекропов целый род, за злобу и обман,
Во стадо обезьян,
Льстецы, за низость душ, в лягушки,
Непостоянные — в вертушки,
Болтливые — в сорок,
Жестокосердые — во мраморный кусок,
Тантал, Сизиф и Иксиона,
За алчну злобу их,
На вечной ссылке у Плутона,
И множество других
Почли бы все себе за милость и за ласки,
Когда бы только царь,
Дурную в свете тварь
Рядя в дурные маски,
Наказывал стыдом.
Такая нова власть, без дальней людям казни,
Держала всех в боязни;
И добрый царь притом
Друзей из доброй воли
Откушать хлеба-соли
Зывал в свой царский дом.

О, если б ты, Гомер, проснулся!
Храня твоих героев честь,
Которы, забывая месть,
Любили часто пить и есть,
Ты б, слыша стих мой, ужаснулся,

Что, слабый будучи певец,
Тебе дерзнул я наконец
Подобиться, стихов отец!
Возможно ль изъявить достойно
Великолепие пиров
У царских греческих дворов,
О коих ты писал толь стройно?
Я только лишь могу сказать,
Что царь любил себя казать,
Иных хвалить, иных тазать,
Поесть, попить и после спать.
А за такое хлебосольство,
И более за добрый нрав,
От всех соседственных держав
Явилося к нему посольство.
Особо же он был отличен из царей
За то, что трех имел прекрасных дочерей.
Но солнце в красоте своей,
Когда вселенну освещает,
Луну и звезды помрачает, —
Подобно так была меньшая всех видней,
И старших сестр своих достоинства мрачила,
И розы красоту, и белизну лилей,
И, словом, ничего в подобном виде ей
Природа никогда на свете не явила.

Искать приличных слов
К тому, что в множестве веков
Блистало толь отменно,
Напрасно было бы, и было б дерзновенно.
Короче я скажу: меньшая царска дочь,
От коей многие вздыхали день и ночь,
У греков потому Психея называлась,
В языках же других, при переводе слов,
Звалась она Душа, по толку мудрецов,
А после в повестях старинных знатоков
У русских Душенька она именовалась;
И пишут, что тогда
Изыскано не без труда
К ее названию приличнейшее слово,
Какое было ново.
Во славу Душеньке у нас от тех времен

Поставлено оно народом в лексиконе
Между приятнейших имен,
И утвердила то любовь в своем законе.

Но часто похвалы
Бывают меж людей опаснее хулы.
Презорна спесь не любит,
Когда повсюду трубит
Прямую правду вслух
Болтливая богиня Слава.
Чужая честь, чужие права
Завистливых терзают дух.
Такая, Душенька, была твоя прослуга,
Как весь цитерский мир и вся его округа
Тебя особо обожали
И все к тебе бежали
Твое умножить торжество.
Соперницы своей не знала ты — печали!
Веселий, смехов, игр собор,
Оставив прелести Венеры,
Бежит толпою из Цитеры.
Богиня, обтекая двор,
Куда ни обращает взор,
Не зрит ни жертв, ни фимиамов;
Жрецы тогда стада пасли,
И множество цитерских храмов
Травой и лесом поросли.
Сады богини сиротели,
И дом являл опальный вид;
Зефиры изредка свистели:
Казалось ей, свистели в стыд.
Непостоянные амуры,
Из храма прелетая в храм,
К унылой пустоте натуры
Не возмогли привыкнуть там.
Оттуда все лететь хотели,
И все вспорхнули, возлетели
За Душенькою в новый путь,
Искать себе свободной неги,
Куда зефиры стали дуть,
Куда текли небесны беги.
Оставших малое число,

Кряхтя под игом колесницы
Скучающей своей царицы,
Везде уныние несло.
Не в долгом времени, по слухам самым верным,
Узнала наконец богиня красоты,
Со гневом пребезмерным,
Причину вкруг себя и скук и пустоты.
Хоть Душенька гневить не мыслила Венеру,
К достоинствам богинь имела должну веру,
И в поступи своей всегда хранила меру,
Но вскоре всем хулам подвержена была.
Притом злоре́чивые духи,
О ней худые сея слухи,
Кривой давали толк на все ее дела;
И кои милостей иль ждали, иль просили,
Во угождение богине доносили,
Что будто Душенька, в досаду ей и в зло,
Присвоила себе ците́рских слуг число;
И что кому угодно
В то время мог солгать на Душеньку свободно.
Но чтобы делом месть
Над нею произвесть,
Собрав Венера ложь и всяку небылицу,
Велела наскоро в дорожну колесницу
Шестнадцать почтовых зефиров заложить,
И наскоро летит Амура навестить.
Читатель сам себе представит то удобно,
Просила ли его иль так, или подобно,
Пришед на Душеньку просить и доносить:

«Амур, Амур! вступись за честь мою и славу,
Яви свой суд, яви управу.
Ты знаешь Душеньку, иль мог о ней слыхать:
Простая смертная, ругаяся богами,
Не ставит ни во что твою бессмертну мать;
Уже и нашими слугами
Осмелилась повелевать
И в областях моих над мной торжествовать;
Могу ли я сносить и видеть равнодушно,
Что Душеньке одной везде и всё послушно!
За ней гоняяся, от нас отходят прочь
Поклонники, друзья, амуры и зефиры,

И скоро Душеньке послушны будут миры.
Юпитер сам по ней вздыхает день и ночь,
И слышно, что берет себе ее в супруги,
Гречанку наглую, едва ли царску дочь,
Забыв Юнонины и верность и услуги!
Каков ты будешь бог и где твой будет трон,
Когда от них другой родится Купидон,
Который у тебя отымет лук и стрелы
И нагло покорит подвластны нам пределы?
Ты знаешь, сколь сыны Юпитеровы смелы:
По воле ходят в небеса
И всякие творят на свете чудеса.
И можно ли терпеть, что Душенька собою,
Без помощи твоей, во всех вселяет страсть,
Какую возжигать один имел ты власть?
Она давно уже смеется над тобою
И ставит в торжество себе мою напасть.
За честь свою, за честь Венеры
Яви ты строгости примеры;
Соделай Душеньку постылою навек,
И столь худою,
И столь дурною,
Чтоб каждый от нее чуждался человек;
Иль дай ты ей в мужья, кто б всех сыскался хуже,
Чтобы нашла она себе тирана в муже
И мучила б себя,
Жестокого любя;
Чтоб тем краса ее увяла,
И чтобы я покойна стала».

Амур желал тогда пресечь
Сию просительную речь.
Хотя богинь он ведал свойство
Всегда соперниц клеветать,
Но должен был привесть в спокойство
Свою прогневанную мать
И ей впоследок обещать
За дерзость Душеньку порядком постращать.
Услышав те слова, амуры ужаснулись,
Весельи ахнули и смехи содрогнулись.
Одна Венера лишь довольна тем была,
Что гнев на Душеньку неправдой навлекла;

С улыбкою на всех кидая взор приятно,
Сама рядила путь во остров свой обратно,
И для отличности такого торжества
Явила тут себя во славе божества.
Отставлена была воздушна колесница,
Которую везла крылатая станица,
С прохладным роздыхом, порожную назад.
Богиня, учредив старинный свой парад
И в раковину сев, как пишут на картинах,
Пустилась по водам на двух больших дельфинах.
Амур, простря свой властный взор,
Подвигнул весь Нептунов двор.
Узря Венеру, резвы волны
Текут за ней, весельем полны.
Тритонов водяной народ
Выходит к ней из бездны вод;
Иной вокруг ее ныряет
И дерзки волны усмиряет;
Другой, крутясь во глубине,
Сбирает жемчуги на дне
И все сокровища из моря
Тащит повергнуть ей к стопам.
Иной, с чудовищами споря,
Претит касаться сим местам;
Другой, на козлы сев проворно,
Со встречными бранится вздорно,
Раздаться в стороны велит,
Вожжами гордо шевелит,
От камней дале путь свой правит
И дерзостных чудовищ давит.
Иной, с трезубчатым жезлом,
На ките впереди верхом,
Гоня далече всех с дороги,
Вокруг кидает взоры строги
И, чтобы всяк то ведать мог,
В коралльный громко трубит рог;
Другой, из краев самых дальных,
Успев приплыть к богине сей,
Несет отломок гор хрустальных
Наместо зеркала пред ней.
Сей вид приятность обновляет
И радость на ее челе.

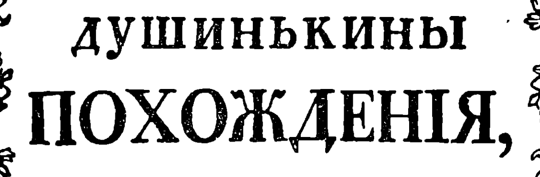
«О, если б вид сей, — он вещает, —
Остался вечно в хрустале!»
Но тщетно то Тритон желает:
Исчезнет сей призрак, как сон,
Останется один лишь камень,
А в сердце лишь несчастный пламень,
Которым втуне тлеет он.
Иной, пристав к богине в свиту,
От солнца ставит ей защиту
И прохлаждает жаркий луч,
Пуская кверху водный ключ.
Сирены, сладкие певицы,
Меж тем поют стихи ей в честь,
Мешают с бывьми небылицы,
Ее стараясь превознесть.
Иные перед нею пляшут,
Другие во услугах тут,
Предупреждая всякий труд,
Богиню опахалом машут;
Другие ж, на струях несясь,
Пыщат в трудах по почте скорой
И от лугов, любимых Флорой,
Подносят ей цветочну вязь.
Сама Фетида их послала
Для малых и больших услуг,
И только для себя желала,
Чтоб дома был ее супруг.
В благоприятнейшей погоде
Не смеют бури там пристать,
Одни зефиры лишь в свободе
Венеру смеют лобызать.
Чудесным действием в то время,
Как в веяньи пшенично семя,
Летят обратно беглецы,
Зефиры, древни наглецы;
Иной власы ее взвевает,
Меж тем, открыв прелестну грудь,
Перестает на время дуть,
Власы с досадой опускает
И, с ними спутавшись, летит.
Другой, неведомым языком,
Со вздохами и нежным криком

Любовь ей на ухо свистит.
Иной, пытаясь без надежды
Сорвать покров других красот,
В сердцах вертит ее одежды,
И падает без сил средь вод.
Другой в уста и в очи дует
И их украдкою целует.
Гонясь за нею, волны там
Толкают в ревности друг друга,
Чтоб, вырвавшись скорей из круга,
Смиренно пасть к ее ногам;
И все в усердии Венеру
Желают провожать в Цитеру.
Не в долгом времени пришла к богине весть,
Которую Зефир спешил скорей принесть,
Что бедство Душеньки преходит всяку веру,
Что Душенька уже оставлена от всех
И что вздыхатели, как будто ей в посмех,
От всякой встречи с ней повсюду удалялись,
Или к отцу ее во двор хотя являлись,
Однако в Душеньку уж боле не влюблялись
И к ней не подходили вблизь,
А только издали ей низко поклонялись.
Такой чудес престранный род
Смутил во Греции народ.
Бывали там потопы, моры,
Пожары, хлеба недород,
Войны и внутренни раздоры,
Но случай сей для всех был нов.
Сказатели различных снов
И вопрошатели богов
О том имели разны споры.
Иной предвидел добрый знак,
Другой сулил напасти скоры.
Иной, напутав много врак,
Не сказывал ни так, ни сяк;
Но все согласно утверждали,
Что чуд подобных не видали
Во Греции с начала век.
Простой народ тогда в печали
К Венере вопиять притек:
«За что судьбы к народу гневны?

За что вздыхатели бежали от царевны?» —
Известно, что ее отменная краса
Противные тому являла чудеса.
Венера наконец решила всех судьбину:
Явила Греции сокрытую причину,
За что царева дочь теряет прежню честь,
За что против себя воздвигла вышню месть,
И с видом грозным и суровым
Царевым сродникам велела быть готовым
Еще к несчастьям новым,
Предвозвещая им на будущие дни
Беды и страшны муки,
Пока ее они
Не приведут к ней в руки.

Но царь и вся родня
Любили Душеньку без меры,
Без ней приятного не проводили дня, —
Могли ль предать ее на мщение Венеры?
И все в единый глас
Богине на отказ
Возопияли смело,
Что то несбыточное дело.
Иные подняли на смех ее олтарь,
Другие стали горько плакать;
Другие ж, не дослушав, такать,
Когда лишь слово скажет царь.
Иные Душеньке в утеху говорили,
Что толь особая вина
Для ней похвальна и славна,
Когда, во стыд богинь, ее боготворили;
И что Венеры к ней и ненависть и месть
Ее умножат честь.
Царевне ж те слова хотя и лестны были,
Но были бы милей,
Когда бы их сказал какой любовник ей.
От гордости она скрывала
Печаль свою при всех глазах,
Но втайне часто унывала,
Себя несчастной называла
И часто, в горестных слезах,
К Амуру вопияла:

«Амур, Амур, веселий бог!
За что ко мне суров и строг?
Давно ли все меня искали?
Давно ли все меня ласкали?
В победах я вела часы,
Могла пленять, любить по воле;
За что теперь в несчастной доле?
К чему полезны мне красы?
Беднейшая в полях пастушка
Себе имеет пастуха:
Одна лишь я ни с кем не дружка,
Не быв дурна, не быв лиха!
Одной ли мне любить зазорно?
Но если счастье толь упорно
И так судили небеса,
То лучше мне идти в леса,
Оставить всех людей отныне
И кончить слезну жизнь в пустыне!»
Меж тем как Душенька, тая свою печаль
От всех своих родных, уйти сбиралась вдаль,
Они ее бедой не менее крушились
И сами ей везде искали женихов;
Но всюду женихи страшились
Гневить Венеру и богов,
Которы, видимо, противу согласились.
Никто на Душеньке жениться не хотел,
Или никто не смел.
Впоследок сродники советовать решились
Спросить Оракула о будущих судьбах.
Оракул дал ответ в порядочных стихах,
И к ним жрецы-пророки
Прибавили еще свои для толку строки;
Но тем ответ сей был не мене бестолков,
И слово в слово был таков:
«Супруг для Душеньки, назначенный судьбами,
Есть то чудовище, которо всех язвит,
Смущает области и часто их крушит,
И часто рвет сердца, питаяся слезами,
И страшных стрел колчан имеет на плечах:
Стреляет, ранит, жжет, оковы налагает,
Коль хочет — на земли, коль хочет — в небесах,
И самый Стикс ему путей не преграждает.

ДУШИНЬКИНЫ ПОХОЖДЕНІЯ,

СКАСКА

въ стихахъ.

No.

ВЪ МОСКВѢ

При Университетской Типографіи

1778 года.

Судьбы и боги все, определяя так,
Сыскать его дают особо верный знак:
Царевну пусть везут на самую вершину
Неведомой горы, за тридесять земель,
Куда еще никто не хаживал досель,
И там ее одну оставят на судьбину,
На радость и на скорбь, на жизнь и на кончину».

Такой ответ весь двор в боязнь и скорбь привел,
Во всех сомнение и ужас произвел.
«О праведные боги!
Возможно ль, чтобы вы толико были строги?
И есть ли в том какая стать,
Чтоб Душеньку навек чудовищу отдать,
К которому никто не ведает дороги?» —
Родные тако все гласили во слезах;
И кои знали всяки сказки,
Представили себе чудовищ злых привязки,
И лютой смерти страх,
Иль в лапах, иль в зубах,
Где жить ей будет тесно.
От нянек было им давно небезызвестно
О существе таких и змеев и духов,
Которы широко гортани разевают,
И что притом у них видают
И семь голов, и семь рогов,
И семь, иль более, хвостов.
От страхов таковых родные возмущались;
Потом, без дальных слов,
Завыли множеством различных голосов;
Царевну проводить до места обещались,
И с нею навсегда заранее прощались.
Не знали только, где была бы та гора,
К которой Душеньку отправить надлежало;
Оракул не сказал, или сказал, да мало,
В которой стороне? Далече ль от двора?
В какую там явиться пору,
И как зовут такую гору?
Синай или Ливан, иль Тавр, или Кавказ?
И кои в Душеньке высокий разум чтили,
Догадываясь, мнили,
Что должно ехать ей, конечно, на Парнас.

Они наслышались, что некоторы музы
Имели с ней союзы;
Что Душенька от них училась песни петь
И таинства красот парнасских разуметь;
Но те, которые историю читали,
Противу предлагали,
Что музы исстари проводят в девстве век,
И никакой туда не ходит человек,
Что там нельзя найти ей мужа,
К тому ж от севера бывает часто стужа,
И у Кастальских вод,
Хоть там дороги святы,
Нередко замерзал народ.
Иные, изобрав жарчайшие климáты,
Хотели Душеньку во Африку везти,
Где ведали, что есть чудовищи в чести;
Притом, последуя Оракулову гласу,
Хотели именно везти ее к Атласу,
Узнав, что та гора, касаяся небес,
Издревле множеством прославилась чудес;
И мнили, что, по сей примете,
Оракул точно так сказал в своем ответе.
Тогда смелейшие из плачущей родни
Представили, храня ее цветущи дни,
Что Душеньку легко там могут змеи скушать,
Что в том Оракула никак не должно слушать;
И громогласно все, без дальнего суда,
Воскликнули тогда,
Что участь Душеньки Оракул сам не ведит
И что Оракул бредит.

В совете наконец
Родня царевнина, и паче царь-отец,
За лучше ставили, богов противясь власти,
Терпеть гонения и всякие напасти,
Чем Душеньку везти
На жертву без пути.
Но Душенька сама была великодушна,
Сама Оракулу хотела быть послушна.
Иль, может быть и так, чтоб мне не обмануть,
Она, прискучив жить с родными без супруга,

Искала наконец себе такого друга,
Кто б ни был, где ни будь;
И чтоб родным была видна ее услуга,
В решительных словах сама сказала им:
«Я вас должна спасать несчастием моим.
Пускай свершается со мною вышня воля;
И если я умру, моя такая доля».
Меж тем как Душенька вещала так отцу,
И царь и весь совет пустились плакать снова
И в скорби не могли тогда промолвить слова,
Лишь токи слез у всех ручьились по лицу.
Но самую печаль, в прегорестнейшем плаче,
Впервые зрел, кто зреть тогда царицу мог:
Рвалась и морщилась она пред всеми паче
И, память потеряв, валялась как без ног;
Иль в горести, теряя меру,
Ругала всячески Венеру;
Иль, крепко в руки ухватя
Свое любезное дитя,
Кричала громко пред народом
И всем своим клялася родом,
Доколь она жива,
Не ставить ни во что Оракула слова,
И что ни для какого чуда
Не пустит дочери оттуда.
Хотя ж кричала то во всю гортанну мочь,
Однако вопреки Амур, судьбы и боги,
Оракул и жрецы, родня, отец и дочь
Велели сухари готовить для дороги.

Во время оных лет
Оракул в Греции столь много почитался,
Что каждый исполнять слова его старался
И сам искал себе преднареченных бед,
Дабы сбывалось то неложно,
Что только предсказать возможно.
Царевна оставляет град;
В дорогу сказан был наряд.
Куда? От всех то было тайно.
Царевна наконец умом
Решила неизвестность в том,
Как все дела своим судом

Она решила обычайно,
Сказала всей родне своей,
Чтоб только в путь ее прилично снарядили
И в колесницу посадили,
Пустя по воле лошадей,
Без кучера и без вожжей:
«Судьба, — сказала, — будет править,
Судьба покажет верный след
К жилищу радостей иль бед,
Где должно вам меня оставить».
По таковым ее словам
Не долго были сборы там.
Готова колесница,
Готова царска дочь, и вместе с ней царица,
Котора Душеньку, не могши удержать,
Желает провожать.
Тронулись лошади, не ждав себе уряда:
Везут ее без поводов,
Везут с двора, везут из града
И, наконец, везут из крайних городов.
В сей путь, короткий или дальный,
Устроен был царем порядок погребальный.
Шестнадцать человек несли вокруг свечи
При самом свете дня, подобно как в ночи;
Шестнадцать человек, с печальною музыкой,
Унывный пели стих в протяжности великой;
Шестнадцать человек, немного тех позадь,
Несли хрустальную кровать,
В которой Душенька любила почивать;
Шестнадцать человек, поклавши на подушки,
Несли царевнины тамбуры и коклюшки,
Которы клала там сама царица-мать,
Дорожный туалет, гребенки и булавки
И всякие к тому потребные прибавки.
Потом в параде шел жрецов усастых полк,
Стихи Оракула неся перед собою.
Тут всяк из них давал стихам различный толк,
И всяк желал притом скорей дойти к покою.
За ними шел сигклит и всяк высокий чин;
Впоследок ехала печальна колесница,
В которой с дочерью сидела мать-царица.
У ног ее стоял серебряный кувшин;

То был плачевный урн, какой старинны греки
Давали в дар, когда прощались с кем навеки.
Отец со ближними у колесницы шел,
Богов прося о всяком благе,
И, предая судьбам расправу царских дел,
Свободно на пути вздыхал при каждом шаге.
Взирая на царя, от всех сторон народ
Толпился близко колесницы,
И каждый до своей границы
С царевной шел в поход.
Иные хлипали, другие громко выли,
Не ведая, куда везут и дочь и мать;
Другие же по виду мнили,
Что Душеньку везут живую погребать.
Иные по пути сорили
Пред нею ветви и цветы,
Другие тут же гимны пели,
Прилично славя красоты,
Какие в первый раз узрели;
Другие ж божеством
Царевну называли
И, возвратяся в дом,
За диво возвещали.
Вотще жрецы кричали,
Что та царевне честь
Прогневает Венеру,
И, следуя манеру,
Толчком, и как ни есть,
Хотели прочь отвесть
Народ от сей напасти;
Но все, противу власти,
Забыв Венеры вред
И всю возможность бед,
Толпами шли насильно
За Душенькою вслед
Усердно и умильно.

Уже, чрез несколько недель,
Проехали они за тридевять земель,
Но ни единого пригорка не видали,
И кои более устали,

Со всякой бранью возроптали,
Что шли куда не знали.
Впоследок, едучи путем и вдоль и вкруг,
К одной горе они лишь только подступили,
Тут сами лошади остановились вдруг
И далее не шли, сколь много их ни били.
Тут все судеб тогда признáки находили;
Признáки те жрецы согласно подтвердили,
И все сказали вдруг, что должно точно там,
На высоте горы, Оракуловым словом,
Оставить Душеньку у неба под покровом.
Вручают все ее хранителям-богам,
Ведут на высоту по камням и пескам,
Где знака нет дороги,
Едва подъемля вверх свои усталы ноги,
Чрез камни, чрез бугры и чрез глубоки рвы,
Где нет ни лесу, ни травы,
Где алчные рыкают львы.
И хоть жрецы людей к отваге
Увещевали в сих местах,
Но все, при каждом шаге,
Встречали новый страх:
Ужасные пещеры,
И к верху крутизны,
И к бездне глубины,
Без вида и без меры.
Иным являлись там мегеры,
Иным летучи дромадеры,
Иным драконы и церберы,
Которы ревами, на разные манеры,
Глушили слух,
Мутили дух.
Таков был путь, куда царевна торопилась,
Куда вся свита вслед за ней, кряхтя, толпилась.
Осталась позади одна царица-мать,
Не могши далее полугоры шагать,
И с Душенькой навек, поплакав там, простилась.
При трудностях тогда царевнина кровать
В руках несущих сокрушилась,
И многие от страха тут,
Имея многий труд,
Немало шапок пороняли,

Которы наподхват драконы пожирали.
Иные по кустам одежды изодрали
И, наготы имея вид,
Едва могли прикрыть от глаз сторонних стыд.
Осталось наконец лишь несколько булавок
И несколько стихов Оракула для справок.
Но можно ль описать пером
Царя тогда с его двором,
Когда на верх горы с царевной все явились?
Читатель сам себе представит то умом.
Я только лишь скажу, что с нею все простились;
И напоследок царь, согнутый скорбью в крюк,
Насильно вырван был у дочери из рук.
Тогда и дневное светило,
Смотря на горесть сих разлук,
Казалось, будто сократило
Обыкновенный в мире круг
И в воды спрятаться спешило.
Тогда и ночь,
Одну увидев царску дочь,
Покрылась черным покрывалом
И томнейшим лучом едва светящих звезд
Открыла в мрачности весь ужас оных мест.
Тогда и царь скорей предпринял свой отъезд,
Не ведая конца за толь слепым началом.

КНИГА ВТОРАЯ

Но где возьму черты
Представить страх, какой являла вся природа,
Увидев Душеньку в пространстве темноты,
Оставшу без отца, без матери, без рода,
И, словом, вовсе без людей,
Между драконов и зверей?
Тут всё, что царска дочь от нянюшек слыхала
И что в чудеснейших историях читала,
Представилось ее смущенному уму.
Страшилища духов, волшебные призрáки
Различных там смертей являли ей признáки
И мрачной ночи сей усугубляли тьму.
Но Душенька едва уста свои открыла

Промолвить жалобу, не высказав кому,
Как вдруг чудесна сила
На крылех ветренних взнесла ее над мир.
Невидимый Зефир,
Ее во оный час счастливый похититель,
И спутник и хранитель,
Неслыханну дотоль увидев красоту,
Запомнил Душеньку уведомить сначала,
Что к ней щедротна власть тогда повелевала
Ее с почтением восхитить в высоту;
И, мысли устремив к особенному диву,
Взвевал лишь только ей покровы на лету.
Увидя ж Душеньку от страха еле живу,
Оставил свой восторг и страх ее пресек,
Сказав ей с тихостью, приличною Зефиру,
Что он несет ее к блаженнейшему миру —
К супругу, коего Оракул ей прорек;
Что сей супруг давно вздыхает без супруги;
Что к ней полки духов
Назначены в услуги,
И что он сам упасть к ногам ее готов,
И множество к тому прибавил лестных слов.
Амуры, кои тут царевну окружали,
И уст улыбками и радостьми очес
Отвсюду те слова согласно подтверждали.
Не в долгом времени Зефир ее вознес
К незнаемому ей селению небес,
Поставил средь двора, и вдруг оттоль исчез.
Какая Душеньке явилась тьма чудес!
Сквозь рощу миртовых и пальмовых древес
Великолепные представились чертоги,
Блестящие среди бесчисленных огней,
И всюду розами усыпаны дороги;
Но розы бледный вид являют перед ней
И с неким чувствием ее лобзают ноги.
Порфирные врата, с лица и со сторон,
Сафирные столпы, из яхонта балкон,
Златые куполы и стены изумрудны
Простому смертному должны казаться чудны:
Единым лишь богам сии дела не трудны.
Таков открылся путь — читатель, примечай —
Для Душеньки, когда из мрачнейшей пустыни

Она, во образе летящей вверх богини,
Нечаянно взнеслась в прекрасный некий рай.
В надежде на богов, бодряся их признáком,
Едва она ступила раз,
Бегут навстречу к ней тотчас
Из дому сорок нимф в наряде одинаком;
Они старалися приход ее стеречь;
И старшая из них, с пренизким ей поклоном,
От имени подруг почтительнейшим тоном
Сказала должную приветственную речь.
Лесные жители своим огромным хором
Потом пропели раза два,
Какие слышали похвальны ей слова,
И к ней служить летят амуры всем собором.
Царевна ласково, на каждую ей честь,
Ответствовала всем то знаком, то словами.
Зефиры, в тесноте толкаясь головами,
Хотели в дом ее привесть или принесть;
Но Душенька им тут велела быть в покое
И к дому шла сама среди различных слуг,
И смехов и утех, летающих вокруг.
Читатель так видал стремливость в пчельном рое,
Когда юничный род, оставя старых пчел,
Кружится, резвится, журчит и вдаль летает,
Но за царицею, котору почитает,
Смиряяся, летит на новый свой удел.

Царевна посреди сих почестей отменных
Не знала, дух ли был иль просто человек
Обещанный супруг, властитель мест блаженных,
Которого пред сим Зефир в словах смятенных
Отчасти предвестил, но прямо не нарек.
Вступая в дом, она супруга зреть желала
И много раз о нем служащих вопрошала;
Но вся сия толпа, котора с нею шла
Или вокруг летала,
Уведомить ее подробней не могла,
И Душенька о том в незнании была.
Меж тем прошла она крыльцовые ступени
И введена была в пространнейшие сени,
Отколь во все края, сквозь множество дверей,
Открылся перед ней

Прекрасный вид аллей,
И рощей, и полей;
И более потом высокие балконы
Открыли царство там и Флоры и Помоны,
Каскады и пруды,
И чудные сады.
Оттуда сорок нимф вели ее в чертоги,
Какие созидать удобны только боги,
И тамо Душеньку, к прохладе от дороги,
В готовую для ней купальню привели.
Амуры ей росы чистейшей принесли,
Котору, вместо вод, повсюду собирали.
Зефиры воздух там дыханьем согревали,
Из разных аромат вздували пузыри
И благовонные устроивали мыла,
Какими моются восточные цари
И коих ведома бодрительная сила.
Царевна в оный час, хотя и со стыдом,
Со спором и трудом,
Как водится при том,
Взирая на обновы,
Какие были там на выбор ей готовы,
Дозволила сложить с красот своих покровы.
Полки различных слуг, пред тем отдав поклон,
Без вздохов не могли оттуда выйти вон,
И даже за дверьми, не быв тогда в услуге,
Охотно след ее лобзали на досуге.
Зефиры лишь одни, имея вход везде,
Зефиры хищные, затем что ростом мелки,
У окон и дверей нашли малейши щелки,
Прокрались между нимф и спрятались в воде,
Где Душенька купалась.
Она пред ними там во всей красе являлась,
Иль паче — им касалась;
Но Душенька о том никак не догадалась.

Зефиры! коих я пресчастливыми чту,
Вы, кои видели царевны красоту;
Зефиры! вы меня как должно научите
Сказать читателям, иль сами вы скажите
И части, и черты,

И все приятности царевнины подробно,
Которых мне пером представить неудобно;
Вы видели тогда не сон и не мечты...
Но здесь молчите вы... молчанье разумею.
К изображению божественных даров
Потребен вам и мне особый дар богов;
Я здесь красот ее описывать не смею.

Царевна, вышедши из бани наконец,
Со удовольствием раскидывала взгляды
На выбранны для ней и платья и наряды,
И не́какой венец.
Ее одели там, как царскую особу,
В богатейшую робу.
Нетрудно разуметь, что для ее услуг
Горстями сыпались каменья и жемчуг,
И всяки редкости невидимая сила,
По слову Душеньки, мгновенно приносила;
Иль Душенька тогда лишь только что помни́ла,
Желаемая вещь пред ней являлась вдруг;
Пленяяся своим прекраснейшим нарядом,
Желает ли она смотреться в зеркала —
Они рождаются ее единым взглядом,
И по стенам пред ней стоят великим рядом,
Дабы краса ее удвоена была.
Увидев там себя лицом, плечом и задом,
От головы до ног,
Легко могла судить царевна на досуге
О будущем супруге,
Что он, как видно, был гораздо не убог.
Меж тем к ее услуге
В особой комнате явился стол готов;
Приборы для стола, и ествы и напитки,
И сласти всех родов
Являли там вещей довольство и избытки;
Не менее и то, что только для богов,
В роскошнейшем жилище
Могло служить к их пище,
Стояло перед ней во множестве рядов;
Иной вкусив, она печали забывала,
Другая ей красот и силы придавала.
Амуры, бегая усердие явить,

Хозяйски должности старались разделить:
Иной во кравчих был, другой носил посуду,
Иной уставливал, и всяк совался всюду;
И тот считал себе за превысоку честь,
Кому из рук своих домова их богиня
Полрюмки нектару изволила поднесть,
И многие пред ней стояли рот разиня,
Хотя амуры в том,
По правде, жадными отнюдь не почитались
И боле, нежели вином,
Царевны зрением в то время услаждались.
Меж тем над ней с верхов,
В чертогах беспечальных,
Раздался сладкий звук орудий музыкальных
И песен ей похвальных,
Какие мог творить лишь только бог стихов.
Вначале райские певицы
Воспели красоту сей новой их царицы.
Читатель знает сам, приятна ль ей была
Такая похвала;
Но, впрочем, Душенька решить не возмогла,
Приятство ль голосов, достоинство ль скрыпицы,
Согласие ли арф, иль флейту предпочесть, —
В искусстве все они имели равну честь,
И все исполнены единым были духом,
Чтоб Душенька в раю
Познала часть свою
Прикосновением, устами, оком, слухом;
Коль можно почитать за правду все слова,
У греков есть молва,
Что будто бы к сему торжественному хору
Нарочно сысканы Орфей и Амфион,
И будто, в Душеньку влюбяся по разбору,
Играл и правил там оркестром Аполлон.
Впоследок хор певиц, протяжистым манером,
С приличным нéкаким размером,
Воспел стихи, возвысив тон,
Толико медленно, толико слуху внятно,
И их сложение пленяло толь приятно,
Что Душенька легко слова переняла,
Легко упомнить их могла,
И скоро затвердила,

И по всему двору впоследок распустила.
Потом нескромные зефиры разнесли
Стихи сии оттоль по всем концам земли;
Потом же таковы и к нам они дошли:
«Любови все сердца причастны,
И сами боги ей подвластны.
Познай ты, Душенька, любовь,
И счастие познаешь вновь».

Трикратно песня та пред Душенькой пропета,
И пели, наконец, царевне многа лета.
Потом одна из нимф явилась доложить,
Что время ей уже в постеле опочить.
При слове «опочить» царевна покраснела
И, как невеста, обробела,
Однако спорить не хотела.
Раздета Душенька; ведут ее в чертог,
И там, как надобно к покою от дорог,
Кладут ее в постель на некоем престоле
И, поклонившись ей, уходят все оттоле.
Незнаемо отколь, тогда явился вдруг
В невидимом лице неведомый супруг.
А если спросят, как невидимый явился, —
Нетрудно отвечать: явился он впотьмах
И был в объятиях, но не был он в очах;
Как дух или колдун он был, но не открылся.

Никто не смел раскрыть завесы дел ночных.
Не знаю, что они друг с другом говорили,
Ни околичностей, при том какие были;
Навеки тайна та осталась между их.
Но только поутру приметили амуры,
Что нимфы меж собой смеялись под тишком,
И гостья, будучи стыдлива от натуры,
Казалась между их с завешенным ушком.

Супружество могло царевне быть приятно,
Лишь только таинство казалось непонятно:
Супруг у Душеньки, сказать, и был и нет;
Приехал ночью к ней, уехал до рассвета,
Без имени, без лет,
Без росту, без примет,

И вместо должного ответа,
Скрывая, кто он был, на Душенькин вопрос
Просил, увещевал, для некаких ей гроз,
Чтоб видеть до поры супруга не желала;
И Душенька не знала,
С каким чудовищем иль богом ночевала,
Неслыхан был подобный брак.
Царевна, думая и так о том и сяк,
Развязку тайны сей в Оракуле искала;
Оракул ей давно супруга описал
Страшилищем ужасным:
Супруг с Оракулом казался быть согласным,
Как будто он себя затем и не казал.
Хотя же Душенька противно б разумела,
Касавшись до супружня тела,
Хотя б казалось ей
Из всех его речей,
Что будто не был он страшилищем очей, —
Но так Оракул рек и так вещали боги,
Что сей супруг ее наносит всюду страх.
И ежели то так, что он имеет роги,
Или зверины ноги,
Иль когти на руках,
Иль гнусную фигуру,
Так лучше Душеньке урода такова,
Который всю страшит натуру,
Не видеть и не знать, пока она жива.
Меж тем как Душенька в постеле
Не знала, как решить о деле,
Заря гнала ночную тень,
И светлый вид воспринял день;
Но свет тогда не мог забавить
Смущенную цареву дочь,
Которая минувшу ночь
В забвеньи не могла оставить.
Тогда услужный сон, не дожидаясь ночи,
Поутру вновь сомкнул ее прекрасны очи.
Потом, летаючи вокруг ее лица,
Явил супруга ей со всею красотою —
Со стройством, нежностью, дородством, белизною,
С румянцем краше багреца:
Явил подобие младого Аполлона,

Иль, можно так сказать, прекрасна Купидона,
В восьмнадцать лет, иль так почти,
Что был он близко двадцати,
И был во всей красе и славе.
Царевна, в оном сне обманута мечтой,
Супруга чает видеть въяве,
Хватает тень, кричит: постой!
Призрáк в восторг ее приводит,
Но сей призрáк от ней уходит,
Как будто б удалялся он.
Она зовет, бежит и беглеца хватает.
Сие движение впоследок прерывает
Ее неверный сон:
И Душенька в руках, проснувшись, ощущает,
Наместо беглеца, свой спальный балахон.

Известно, что тогда супруг, сокрывшись тамо,
Желал подслушивать ее любовный бред,
Но рок свиданию противился упрямо;
Царевна видела супружний только след,
И только было то приметить ей возможно,
Что он гостил у ней неложно,
Что он в отсутствии оставил ей любовь
И что любовью сей она тогда сгорала.
«Но кто таков был он? но кто?» — твердила вновь,
И вновь тогда заснуть желала.
И сон опять, кружась над нею с тишиною,
Спокоил мысль ее приятною мечтою
В другой, как в первый, раз.
Не знаю, долго ли мечта сия продлилась,
Но Душенька от сна не прежде пробудилась,
Как полдень уж прошел, и после полдня час.

Тогда служащие девицы всем собором
Царевну вновь одеть пришли
И сорок платьев принесли
Со всем к тому прибором.
В сей день она себе назначила наряд,
Который был простее,
Затем, что Душенька спешила поскорее
Увидеть редкости чудесных сих палат.

Я, в том последуя царевнину уставу,
Сей дом представить поспешу
И всё подробно опишу,
Что только лишь могло ей там принесть забаву.
Вначале Душенька по комнатам пошла,
И, тамо бегая, нигде не пробежала
Покоя, ни угла,
В котором бы она на час не побывала;
Оттуда в бельведер, оттуда на балкон,
Оттуда на крыльцо, оттуда вниз и вон,
Чтоб видеть дом со всех сторон.
Толпа девиц за ней бежать не успевала,
Зефиры лишь одни ей следовать могли,
И Душеньку везде, как должно, берегли,
Чтоб как ни есть она, бежавши, не упала.
Она смотрела раза три
Сей дом снаружи и внутри.
Меж тем зефиры и амуры
Казали ей архитектуры
И всяки редкости натуры,
Которы Душенька, оглядывая вкруг,
Желала видеть вдруг,
И что смотреть, не знала;
Одна перед другой со спором взор пленяла,
И Душенька б еще пошла по всем местам,
Когда б от бегу там
Впоследок не устала.

Во отдыхе ж она от сих тогда трудов
Смотрела статуи славнейших мастеров:
То были образцы красавиц бесподобных,
Которых имена, и в прозе, и в стихах,
В различных повестях, и кратких и подробных,
Бессмертно царствуют в народах и веках.
Калисто, Дафния, Армида, Ниобея,
Елена, Грации, Ангелика, Фринея
И множество других богинь и смертных жен,
Очам являясь живо,
Во всей красе на диво
Стояли там у стен.
Но посредине их в начале,
На неком высшем пьедестале

Самой царевны лик стоял
И боле красотой другие превышал.
Смотря на образ свой, она сама дивилась
И вне себя остановилась!
Другая статуя казалась в ней тогда,
Какой вовеки свет не видел никогда.

Конечно, Душенька и доле б так осталась
Смотреть на образ сей,
Которым обольщалась;
Но слуги, бывшие при ней,
В других местах казали ей,
Для новой глаз ее забавы,
Другие образы красот ее и славы:
До пояса, до ног, в весь рост, до самых пят,
Из злата, из сребра, из бронзы иль из стали,
И головы ее, и бюсты, и медали;
А инде мозаик, иль мрамор, иль агат
В сих видах новую бесценность представляли.

В других местах Апелл, иль живописи бог,
Который кисть его водил своей рукою,
Представил Душеньку со всею красотою,
Какой дотоле ум вообразить не мог.
Желает ли она узреть себя в картинах?
В иной — фауны к ней несут Помонин рог,
И вяжут ей венки, и рвут цветы в долинах,
И песни ей дудят, и скачут в круговинах;
В другой — она, с щитом престрашным на груди,
Палладой нарядясь, грозит на лошади,
И, боле чем копьем, своим прекрасным взором
Разит сердца приятным мором.
А там пред ней Сатурн, без зуб, плешив и сед,
С обновою морщин на старолетней роже,
Старается забыть, что он давнишний дед,
Прямит свой дряхлый стан, желает быть моложе,
Кудрит оставшие волос своих клочки,
И видеть Душеньку вздевает он очки;
А там она видна, подобяся царице,
С амурами вокруг, в воздушной колеснице.
Прекрасной Душеньки за честь и красоту
Амуры там сердца стреляют на лету:

Летят великою толпою,
И все они несут колчаны за плечми,
И все, прекрасными гордясь ее очми,
Летят, поднявши лук, на целый свет войною.
А там свирепый Марс, рушитель мирных прав,
Увидев Душеньку, являет тихий нрав:
Полей не обагряет кровью,
И наконец, забыв военный свой устав,
Смягчен у ног ее, пылает к ней любовью.
А там является она среди утех,
Которы ей везде предходят,
И вымыслами игр повсюду производят
В лице ее приятный смех.
А инде грации царевну окружают,
Ее различными цветами украшают,
И тихо вкруг ее летающий зефир
Рисует образ сей, чтоб им украсить мир;
Но в ревности от взглядов вольных,
Умеривая ум любителей свобод,
Иль будто бы странясь от критик злокрамольных,
Скрывает в списке он большую часть красот;
И многие из них, конечно чудесами,
Пред Душенькою вдруг тогда писались сами.
Везде в чертогах там
Царевниным очам
Торжественны ей в честь встречалися предметы:
Везде ее портреты
Являлись по стенам,
В простых уборах и нарядных
И в разных платьях маскарадных.
Во всех ты, Душенька, нарядах хороша:
По образу ль какой царицы ты одета,
Пастушкою ли где сидишь у шалаша,
Во всех ты чудо света,
Во всех являешься прекрасным божеством,
И только ты одна прекраснее портрета.
Потомство ведает, что сей чудесный дом,
Где жители тебя усердно обожали,
Сей храм твоих красот амуры сооружали,
Амуры украшали,
Амуры образ твой повсюду там казали,
Амуры, наконец,

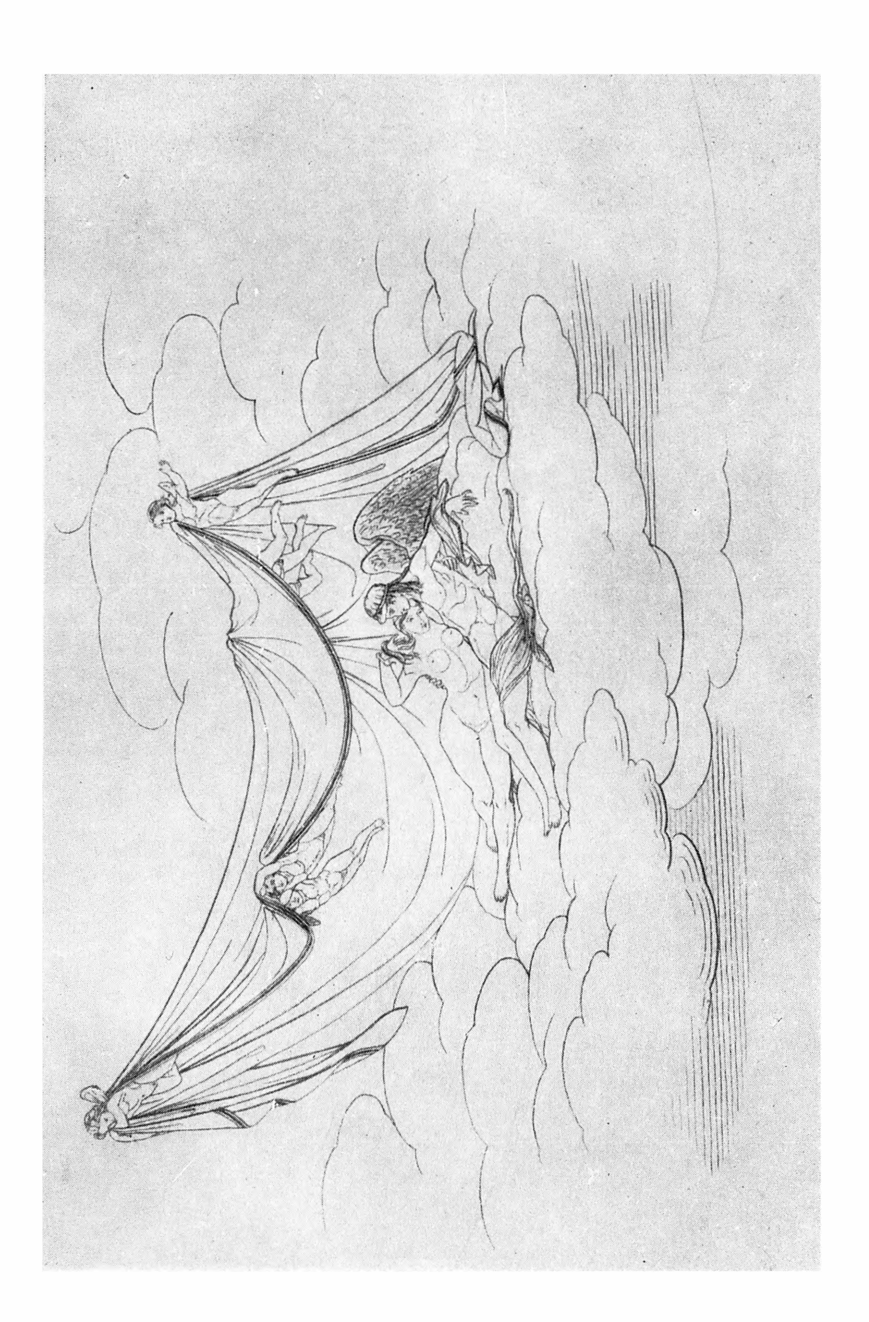
Примыслили к лицу, на всякий образец,
Различные уборы,
Могущие привлечь твои прелестны взоры.
Угоден ли какой наряд
И надобны ль тебе обновы?
Увидишь, что они готовы,
Что твой уже примечен взгляд,
И из твоей воздушной свиты
Зефир пришел тебе донесть,
Что все обновы были сшиты, —
Когда прикажешь их принесть?

Желал бы описать подробно
Другие редкости чудесных сих палат,
Где всё пленяло взгляд
И было бесподобно;
Но всюду там умом
Я Душеньку встречаю,
Прельщаюсь и потом
Палаты забываю.
Не всяк ли дом, не всяк ли край
Ее присутствием преобращался в рай?
Не ею ль рай имел и бытность и начало?
И если я сказал о сих палатах мало,
Конечно в том меня читатели простят;
Я должен следовать за Душенькою в сад,
Куда она влечет и мысли всех и взгляд.

В счастливых сих местах земля была нагрета
Всегдашним жаром лета,
И щедро в круглый год
Произращала плод
Без всяких непогод.
Толпа к царевне слуг навстречу прилетела,
И каждый тщился там не быть при ней без дела:
Водить, рассказывать иль просто забавлять.
Весь двор внимал тому, что Душенька хотела
Побегать, погулять;
И в рощах иль в садах, где только лишь являлась,
Ее пришествием натура обновлялась:
Древа склоняли к ней листы,

Как будто бы тогда влечение познали,
И тихим шумом лишь друг другу возвещали
Под тению своей царевны красоты;
И травы и цветы,
Раскидываясь вновь в сей день, для них приятный,
Удвоили в садах свой запах ароматный.
Но боле там ясмин пред прочими блистал,
И где царевна шла, навстречу вырастал.
Она ясминный дух с отменою любила,
И те цветы себе в букет употребила.
Счастливый сей букет, приколонный на грудь,
Как будто оживлен, клонился к ней прильнуть.
Приникли хоры птиц, подслушав шум древесный,
И за амурами стремились в путь известный,
Чтоб Душеньку увидеть вблизь;
Одни над нею вкруг вились,
Другие перед ней летали
И много меж собой в сем диве щебетали.
Не видно было там ночных зловещных птиц,
Нижé угрюмых лиц;
Не смели приставать сварливые сатиры,
И веяли одни тишайшие зефиры.
Фонтаны силились подняться в высоту,
Чтоб лучше видеть им царевны красоту,
Которую толпа окружна заслоняла;
И если Душенька вблизи от них гуляла,
Они стремились пасть с высот к ее ногам.
В водах плескаючись, наяды
Нетерпеливо ждали там
Ее пришествия к счастливым их брегам.
Иные взлезли на каскады
Смотреть на путь ее, главы свои подняв,
И, Душеньку узрев, бросались к ней стремглав;
В сем общем торжестве натуры
И сами каменны над токами фигуры,
От удивления везде разинув рот,
Из внутренностей вдруг пускали много вод.
Сей вид представил ей различных тварей род
В изображениях неисчислимо многих:
Ползущих, скачущих, пернатых, четвероногих;
И все творения и чуды естества
Явилися тогда в счастливой сей державе

К услугам Душеньки, или к ее забаве,
Иль к славе торжества.
Оттуда шла она в покрытые аллеи,
Которые вели в густой и темный лес.
При входе там, в тени развесистых древес,
Открылись новые художные затеи.
Богини, боги, феи,
Могучие богатыри
И славные цари
В былях и в небылицах
Являлись тамо в лицах,
Со описанием, откуда кто, каков.
И, словом, то была история веков.
Притом услужные амуры
Различны повести старались рассказать;
И тамо Душенька, среди чудес натуры,
Нашла в явлениях свой род, отца и мать;
И с самой точностью, в безлюдной сей пустыне,
Весь мир являлся ей как будто на картине.
Хотя ж гулянье по лесам
Особо Душенька любила
И после каждый день ходила,
Со свитой и одна, к тенистым сим местам,
Но в сей начальный день не шла в густые рощи,
Иль ради наступившей нощи,
Или, не зря дороги в лес,
Боялась всяких там чудес,
Иль нежные в ходьбе ее устали ноги;
И Душенька оттоль пошла назад в чертоги.
Не стану представлять
Читателю пред очи
Приятны сны ее в последовавши ночи;
Он сам удобно их возможет отгадать.
Но дни бывали там причиною разлуки,
И дни, среди утех, свои имели скуки.
По слуху, говорят,
Что Душенька тогда пускалася в наряд;
Особо же во дни, когда сбиралась в сад,
Со вкусом щеголих обновы надевала.
На свете часто слух имеет правды склад:
Прилично было то, чтоб Душенька гуляла
И скуку иногда гульбою прогоняла.

В один из оных дней,
Прошедши в лес далече,
Царевна там на встрече
Увидела ручей,
Который по дуброве,
Как будто бы на зов,
Пред нею вытек внове.
Но красота брегов,
При токе вод хрустальных,
Скрывалась в рощах дальных,
И обольщенный взор
Вела потом до гор,
Откуда чисты токи,
Прервав земли упор,
Давали ей из нор
Растительные соки.
Тогда открылся грот,
Устроенный у вод
По новому манеру;
Он вел потом в пещеру,
Где солнечны лучи
Светили лишь при входе
И где, журча, ключи,
Подобно как в ночи,
Во мрачнейшей свободе
Являли скрытый вид
Иль таинство в природе.
История гласит,
И знают то в народе,
Что Душенька, вошед
В неведомый ей след,
При темном дел начале
Идти не смела дале.
Но чудом тамо вдруг,
Без всякой дальней речи,
Невидимо супруг
Схватил ее под плечи,
И в самой темноте,
На некой высоте
Из дернов зеленистых,
При токах вод ручьистых,
С собою посадил

И много говорил
И прозой и стихами,
Как водится меж нами.
Не ведает никто,
В каких словах на то
Царевна отвечала;
Известно только нам,
Что после к сим местам
Дорожку протоптала.
С тех пор царева дочь
Часы и в день и в ночь
С супругом провождала
И боле всех охот
Любила темный грот.
Когда же застигалась
Ночною темнотой,
То вместе возвращалась
С супругом в свой покой.
Тогда воздушна колесница
Несла их в облаке густом
Под темным некаким шатром;
И каждый день сих мест царица,
Спокоенная сладким сном,
Пускалась в прежний путь потом,
Из дома в грот, из грота в дом.

Но разум требует себе часов свободы,
Скучает проводить в любови целый день
Царевна, следуя уставу в том природы.
Тогда изобрела потех различны роды,
Амуров с нимфами веселы хороводы,
И жмурки, и плетень,
Со всякими игра́ми,
Какие и до днесь остались между нами.
Амуры, наконец, старались изобресть,
По вкусу Душеньки, комедии, балеты,
Концерты, оперы, забавны оперетты
И всё, что острый ум удобен произвесть
В счастливых днях и безмятежных
К утехам чувствий нежных.
Во Греции Менандр, во Франции Мольер,

Кино, Детуш, Реньяр, Руссо и сам Вольтер,
В России, наконец, подобный враг пороков,
Писатель наших дней, почтенный Сумароков
Театру Душеньки старались подражать,
И в поздных лишь веках могли изображать
Различны действия натуры,
Какие в первый раз явили там амуры.
Но чтобы длилися веселья без помех,
Печальный всякий вид смертей, скорбей, измены
Неведом был в раю, где царствовал лишь смех,
И где, среди утех,
Отставлен был кинжал плачевной Мельпомены.
Царевна, с возрастом познательнейших лет,
Знакомый прежде ей любила видеть свет
И часто, детские оставивши забавы,
Желала боле знать людские разны нравы,
И кто, и как живал, и с пользой или нет;
Сии познания о каждом человеке
Легко могла найти в своей библиотеке.
Великая громада книг,
И малых и больших,
Ее от чтения вначале отвращала,
Но скоро Душенька узнала,
Что разум ко всему возможно приучать, —
Узнала дельный смысл от шуток отличать,
Судить и примечать.
В историях правдивых
Довольное число нашла прибавок лживых.
В писателях систем
Нашла, при всякой смеси,
Довольно вздорной спеси,
Хоть часто их предлог не кончился ничем.
Нечаянно же ей во оной книг громаде
Одну трагедию случилось развернуть, —
Писатель тщился там слезами всех тронуть,
И там любовница, в печальнейшем наряде,
Не зная, что сказать, кричала часто: ах!
Но чем и как в бедах
Ее вершился страх?
Она, сказав «люблю», бежала из покоя
И ахать одного оставила героя.

Царевна там взяла читать еще стихи,
Но, их читаючи, как будто за грехи,
Узнала в первый раз уполненную скуку
И, бросив их под стол, при том ушибла руку.
Носился после слух, что будто наконец
Несчастных сих стихов творец
Указом Аполлона
Навеки согнан с Геликона
И будто Душенька, боясь подобных скук
Иль ради сохраненья рук,
Стихов с неделю не читала,
Хотя любила их и некогда слагала.
Во время такова изгнания стихов,
Когда не члися там ни песни к ней, ни оды,
Желала посмотреть царевна переводы
Известнейших творцов;
Но часто их тогда она не разумела
И для того велела
Исправным слогом вновь амурам перевесть,
Чтоб можно было их без тягости прочесть.
Зефиры, наконец, царевне приносили
Различные листки, которые на свет
Из самых древних лет
Между полезными продерзко выходили
И кипами грозили
Тягчить усильно Геликон.
Царевна, знав, кому неведом был закон,
Листомарателей свобод не нарушала,
Но их творений не читала.
Уже три года так царевна провождала
И доле б так жила, когда б сей светлый рай
Желаниям ее возмог соделать край;
Но любопытный ум, при всякой в жизни воле,
Нередко слабостью бывает в женском поле.
Царевна, распознав
Супруга своего приятный ум и нрав,
О нем желала ведать боле:
Во всех свиданьях с ним, по дням и по ночам
И в облачном полете,
Просила с жалобой, чтоб он ее очам
Явил себя при свете.
Вотще супруг всегда царевну уверял,

Что он себя скрывал
Для следствий самых важных;
Вотще ей знать давал,
Что он не мог никак нарушить слов присяжных
И Стиксом клялся в том богам.
Царевна Стиксом насмехалась
И часто удержать старалась
Супруга в доме по утрам,
И часто, силяся без меры,
На свет тащила из пещеры;
Но он из рук ее тогда,
Как ветер, уходил неведомо куда.
В другие времена такие нежны споры
Рождали б радости наместо дальной ссоры;
Но Душенькин супруг тогда нередко был
Задумчив и уныл,
И часто повторял угрюмы разговоры,
Являя ей тщету и света и похвал.
Впоследок Душеньку в слезах увещавал,
Чтобы, храня завет среди утех любовных,
Боялась в том измен от самых даже кровных;
Что зависть ей беды возможет нанести,
И если судит так предел богов верховных,
Ее от лютых зол не может он спасти.
Вздохнув по Душеньке в боязнях толь суровых,
Супруг едва тогда из дому отлетел,
Как некакий зефир, посыланный для дел,
Принес отвсюду к ней пуки известий новых.
Она уведала, что две ее сестры
Пришли искать ее у страшной той горы,
Откуда некогда счастливейшим зефиром
Она вознесена во области над миром;
Что тамо под горой из множества пещер
Стращают их драконы,
И что он мог принесть царевне от сестер,
Вернее всех вестей, и письма и поклоны.
Зефир! зефир! когда б ты знал
Сих злобных сестр коварны лести,
Конечно бы тогда скрывал
Для Душеньки такие вести!
Почто не встретился какой ли б скорый дух,
Кому бы ведом был о том подробный слух

И кто бы, при такой от кровных ей измене,
Зефиру мог сказать, чтоб он болтал помене?
Но воля в том была небес,
Чтобы зефир, без всякой встречи,
По воздуху ловя на свете всяки речи,
К царевне с ветром их принес;
И так уставили злодеющи ей боги,
Чтоб сестр она потом взяла к себе в чертоги.

Обыкши Душенька любить родную кровь
И должную хранить к сестрам своим любовь,
Супружние тогда забыла все советы:
Зефиру тот же час, скорее как ни есть,
Сестер перед себя велела в рай привесть.
Не видя ж никакой коварства их приметы,
Желала показать
Наряды, и парчи, и камки, и кровать,
И дом, и все пожитки
И с ними разделить своих богатств избытки.
Богатство мало веселит,
Когда о том никто не знает,
И радость только тот вкушает,
С другими кто ее делит.

Не в долгом времени царевны к ней предстали
И обе Душеньку со счастьем поздравляли,
И за руку трясли, и крепко обнимали,
И радость изъявляли
С усмешкой на лицáх.
Но зависть весь свой яд простерла в их сердцах,
Представя их очам, как будто грех натуры,
Что младшая сестра за красоту свою
Живет, господствуя в прекраснейшем раю,
И тамо служат ей зефиры и амуры.
К тому сказала им царевна с хвастовством,
Что там живет она в союзе с божеством
И что супруг ее любезней Аполлона,
Прекрасней Купидона;
Что он из смертных всех красот
На выбор взял ее в супруги;
Что отдал ей во власть летучий свой народ
И рай в ее услуги.

Такая похвала была ли безо лжи?
Читатель ведает — когда кого мы любим,
О том с прибавкой правду трубим.
«Да где ж супруг, скажи? ..»
Не зная, что сказать и как себя оправить,
Сестрам своим в ответ
Царевна, покраснев, сказала: «Дома нет».
Но как она притом старалась их забавить,
Легко тогда могли они себе представить,
Что Душенькин супруг
Имеет в небе рай, и трон, и много слуг,
И младость, и красу, и радость без печали,
И Душеньку на жизнь вознес в небесный круг;
И то, чего они не знали, не видали,
Завидуя сестре, легко воображали
И с горькой жалобой промеж собой шептали:
«За что супруга ей судьбы такого дали?
А мы и на земли
Едва мужей нашли,
И те, как деды, стары,
И нам негодны в пары»;
И, завистью дыша,
Царевны Душеньку нещадно тут хулили
И с повторением впоследок говорили,
Что Душенька была отнюдь не хороша.

Злоумна ненависть, судя повсюду строго,
Очей имеет много
И видит сквозь покров закрытые дела.
Вотще от сестр своих царевна их скрывала,
И день, и два, и три притворство продолжала,
Как будто бы она супруга въявь ждала:
Сестры темнили вид, под чем он был не явен.
Чего не вымыслит коварная хула?
Он был, по их речам, и страшен и злонравен,
И, верно, Душенька с чудовищем жила.
Советы скромности в сей час она забыла;
Сестры ли в том виной, судьба ли то, иль рок,
Иль Душенькин то был порок,
Она, вздохнув, сестрам открыла,
Что только тень одну в супружестве любила;
Открыла, как и где приходит тень на срок,

И происшествия подробно рассказала;
Но только лишь сказать не знала,
Каков и кто ее супруг,
Колдун, иль змей, иль бог, иль дух.
Коварные сестры тогда, с лицом усмешным,
Взглянулись меж собой, и сей лукавый взгляд
Удвоил лести яд,
Который был прикрыт приязни видом внешным.
Они, то с жалостью, то с гневом и стыдом,
И с неким ужасом сестре внушить старались,
Что в страшных сих местах всего они боялись,
Что тамо был неистов дом;
Что в нем живут, конечно, змеи
Или злотворны чародеи,
Которые, устроив рай
И все возможные забавы,
Манят людей в сей чудный край
Для сущей их отравы.
К тому прибавили, что будто в стороне
Поутру видели оне
С домового балкона
Над гротом в воздухе подобие дракона,
И будто б там летал с рогами страшный змей,
И будто б искры там он сыпал из ноздрей,
И в роще, наконец, склонясь у гор к партеру,
При их глазах пополз, сгибаючись, в пещеру.
Царевны впоследи вмешали в разговор
Бесчестье и позор
На будущие роды,
Когда пойдут от ней нелепые уроды,
Иль чуды, с коими не можно будет жить
И кои будут мир страшить.

Во многом Душеньку уверить было трудно;
Но правда, что она сама свой тайный брак
Почесть не знала как:
Ее замужство ей всегда казалось чудно.
Зачем бы сей супруг скрывался от людей,
Когда бы не был змей
Иль лютый чародей?
Впоследок Душенька в задумчивости мнила,

Что некая в дому неистовая сила
Ее обворожила;
Что муж ее, как змей, как самый хищный тать,
При свете никому не смел себя казать;
Что он не мог иметь ни веры, ни закона
И хуже был дракона.
Царевна в сей прискорбный час
Забыла райские утехи;
Замолк приятных песен глас,
Уныли радости и смехи.
Злотворных сестр и речь и взгляд
Простерли мрачной скуки яд.
Амуры вдруг вострепетали
И с плачем дале отлетали
От сих любимых им палат.
Царевна там одна с сестрами
В свободе продолжала речь,
И непременными судьбами
Сих слов никто не мог стеречь.
«Могу ль я в свете жить? — царевна говорила. —
Постыл мне муж и жизнь постыла.
Несчастна Душенька! ты мнила быть в раю,
И участь выше всех считала ты свою;
Но, с родом разлучась и вне земного круга,
Кого имеешь ты супруга?
Волшебный лишь призра́к,
Который делает позорнейшим твой брак
И ужасает всех сокрытым вероломством.
Кого впоследок ты должна иметь потомством?
Чудовищ, аспидов иль змей каких-нибудь.
Но если тако мне предписано судьбами,
Скорее меч вонжу в мою несчастну грудь.
Любезные сестры! навек прощаюсь с вами.
Скажите всем родным подобными словами,
Что знали от меня, что видели вы сами;
Скажите, что я здесь обманута была;
Что я стыжуся жить... скажите — умерла!»
Сестры, как бы уже за злобу казней ждали,
Советами тогда царевне представляли,
Что красных дней ее безвременный конец
От наглой хищности вселенну не избавит,
А после, может быть, толь лютых зол творец

И всех ее родных пожрет или удавит;
И что, вооружась на жизнь свою, она
Должна пред смертью сей, как честная жена,
В удобный сонный час убить бы колдуна.
Но сей поступок был для Душеньки опасен,
Противен и ужасен:
Чуждалася она злодейственных смертей,
И жалость завсегда господствовала в ней;
И, может быть, любовь, какой она стыдилась,
Еще в груди ее таилась.
Убийственный совет царевна получа,
Представила в словах мятущихся и косных,
Что в доме не было меча,
Ниже́ каких-нибудь орудий смертоносных;
И как убить в ночи пустую только тень,
Котора исчезает в день?
И где достать к сему наряду
С огнем фонарь или лампаду?
В сии печальны дни
Зефиры с вечера гасили все огни.
Сестры решительно и смело отвечали
На Душенькину речь,
Что тотчас принесут надежный самый меч,
И вместе принести лампаду обещали.
Приятна ль ей была готовность сих услуг,
Приметить было льзя из слов ее печальных:
Смущенна Душенька тогда без мыслей дальных
Желала только знать, каков ее супруг,
И, взоры обращая к саду,
Идущих сестр своих просила много раз
Не позабыть лампаду.

Уже зефирам дан приказ
Нести сих сестр к земному шару,
Припрягши в путь бореев пару.
Они, летя из мира в мир,
Мешают с воздухом эфир
И с бурею, дождем и громом
Являются пред неким домом:
То был Кащеев арсенал,
Где с самых древних лет держался
Волшебный меч, или кинжал,

Которым Геркулес сражался,
Когда чудовищ поражал.
Сей меч единым сильным махом
У Гидры девять глав отсек;
Сей меч хранился там под страхом
И в сказках назван Самосек.
Он в крепких был стенах закладен,
Но куплен ли, иль просто взят,
Иль был оттоль тогда украден,
Писатели о том молчат;
Известно только ныне в свете,
Что точно он блистал в полете;
Что две царевны, от земли
Приняв воздушные дороги,
Сей меч в Амуровы чертоги
Тогда с лампадой унесли,
И скоро с Душенькой простились,
И скоро в путь домой пустились.
О, если б ведала несчастна царска дочь,
Колико вредны ей сей меч, сия лампада!
Амуры ей могли ль советами помочь?
Она бежала их присутствия и взгляда
И в мыслях будущу имела только ночь.

Светило дневное уже склонилось к лесу,
Над домом черную простерла ночь завесу,
И купно с темнотой
Ввела царевнина супруга к ней в покой,
В котором крылося несчастно непокорство.
И если повести не лгут,
Прекрасна Душенька употребила тут
И разум, и проворство,
И хитрость, и притворство,
Какие свойственны женам,
Когда они, дела имея по ночам,
Скорее как-нибудь покой дают мужьям.
Но хитрости ль ее в то время успевали,
Иль сам клонился к сну грызением печали, —
Он мало говорил, вздохнул,
Зевнул,
Заснул.

Тогда царевна осторожно
Встает толь тихо, как возможно,
И низу, по тропе златой,
Едва касаяся пятой,
Выходит в некакий покой,
Где многие от глаз преграды
Скрывали меч и свет лампады.
Потом с лампадою в руках
Идет назад, на всякий страх,
И с вображением печальным
Скрывает меч под платьем спальным;
Идет и медлит на пути,
И ускоряет вдруг ступени,
И собственной боится тени,
Боясь змея там найти.
Меж тем в чертог супружний входит.
Но кто представился ей там?
Кого она в одре находит?
То был... но кто? .. Амур был сам;
Сей бог, властитель всей натуры,
Кому покорны все амуры.
Он в крепком сне, почти нагой,
Лежал, раскинувшись в постеле,
Покрыт тончайшей пеленой,
Котора сдвинулась долой
И частью лишь была на теле.
Склонив лицо ко стороне,
Простерши руки обоюду,
Казалось, будто бы во сне
Он Душеньку искал повсюду.
Румянец розы на щеках,
Рассыпанный поверх лилеи,
И белы кудри в трех рядах,
Вьючись вокруг белейшей шеи,
И склад, и нежность всех частей,
В виду, во всей красе своей,
Иль кои крылися от вида,
Могли унизить Адонида,
За коим некогда, влюбясь,
Сама Венера, в дождь и в грязь,
Бежала в дикие пустыни,
Сложив величество богини.

Таков открылся бог Амур,
Таков, иль был тому подобен,
Прекрасен, бел и белокур,
Хорош, пригож, к любви способен,
Но в мыслях вольных без препятств,
За сими краткими чертами
Читатели представят сами,
Каков явился бог приятств
И царь над всеми красотами.

Увидя Душенька прекрасно божество
Наместо аспида, которого боялась,
Видение сие почла за колдовство,
Иль сон, или призра́к, и долго изумлялась;
И видя наконец, что каждый видеть мог,
Что был супруг ее прекрасный самый бог,
Едва не кинула лампады и кинжала,
И, позабыв тогда свою приличну стать,
Едва не бросилась супруга обнимать,
Как будто б никогда его не обнимала.
Но удовольствием жадающих очей
Остановлялась тут стремительность любовна;
И Душенька тогда, недвижна и бесловна,
Считала ночь сию приятней всех ночей.
Она не раз себя в сем диве обвиняла,
Смотря со всех сторон, что только зреть могла,
Почто к нему давно с лампадой не пришла,
Почто его красот заране не видала;
Почто о боге сем в незнании была
И дерзостно его за змея почитала.
Впоследок царска дочь,
В сию приятну ночь
Дая свободу взгляду,
Приближилась, потом приближила лампаду,
Потом, нечаянной бедой,
При сем движении, и робком и несмелом,
Держа огонь над самым телом,
Трепещущей рукой
Небрежно над бедром лампаду наклонила
И, масла часть пролив оттоль,
Ожогою бедра Амура разбудила.
Почувствуя жестоку боль,

Он вдруг вздрогнул, вскричал, проснулся
И, боль свою забыв, от света ужаснулся;
Увидел Душеньку, увидел также меч,
Который из-под плеч
К ногам тогда скользнулся;
Увидел все вины
Или призна́ки вин зломышленной жены;
И тщетно тут она желала
Сказать несчастья все с начала,
Какие в выправку сказать ему могла.
Слова в устах остановлялись;
И свет и меч в винах уликою являлись,
И Душенька тогда, упадши, обмерла.

КНИГА ТРЕТИЯ

Бывала Душенька веселостей душою,
Бывала Душенька большою госпожою;
Бывало в прошлы дни, под кровом у небес,
Когда б лишь капля слез
Из глаз ее сверкнула,
Или бы Душенька о чем-нибудь вздохнула,
Или б поморщилась, иль только бы взглянула,
В минуту б для ее услуг
Полки духов явились вкруг,
С водами, спиртами, из разных краев света;
И сам бы Эскулап, хотя далеко жил,
Тотчас бы сыскан был,
Пощупать, посмотреть иль просто для совета,
И всю б свою для ней науку истощил.
Когда же во дворе рассеялися слухи,
Что Душенька в раю преслушала закон
И что ее за грех оставил Купидон,
Оставили ее и все прислужны духи.
Зефиры не были в числе неверных слуг:
Сии за Душенькой старинны волокиты
Одни остался из всей придворной свиты,
Которые вдали над ней летали вкруг.
Но всем известно то, зефиры были ветры,
И были так легки, как наши петиметры:
Увидев красоты, что преж сего цвели,

Увидев их тогда поблеклы, бездыханны,
Зефиры не могли
В привязанности быть надолго постоянны
И, кинув царску дочь,
Лететь пустились прочь.
Красавицы двора, которы ей служили,
Хотя, казалося, об ней тогда тужили,
Но каждая из них имела красоты,
Имела собственны дела и суеты,
Стараяся, ища, ласкаясь, уповая:
Авось либо творец прекраснейшего рая,
Авось либо сей бог веселий и утех,
Оставив Душеньку за дурость и за грех
И вспомнив древнюю их верность и услугу,
Впоследок кинет взор
На собственный свой двор
И, может быть, из них возьмет себе супругу;
И каждая, хваля начальницу свою,
Желала быть сама начальницей в раю.

Амуры боле всех к царевне склонны были:
По старой памяти всегда ее любили
И, видя злую с ней напасть,
Усердно ей помочь хотели,
Но, чтя покорно вышню власть,
В то время к ней отнюдь приближиться не смели.
Иль, может быть, и так они, предвидя впредь
Ее несчастья и печали,
Судили — легче ей в сей доле умереть,
И ей из жалости тогда не помогали.
Они увидели, увы! в тот самый час
Зефирам на ветру написанный приказ...
Амуры с Душенькой расстались, возрыдали
И только взорами ее препровождали.
Зефиры царску дочь обратно унесли
Из горних мест к земли,
Туда, откуда взяли,
И там
Оставили полмертву,
Как будто лютым львам
И аспидам на жертву.

Умри, красавица, умри! Твой сладкий век
С минувшим днем уже протек!
И если смерть тебя от бедствий не избавит,
Сей свет, где ты досель равнялась с божеством,
Отныне в скорбь тебе наполнен будет злом
И всюду горести за горестьми представит.
Тебя к терпению оставил Купидон;
Твой рай, твои утехи,
Забавы, игры, смехи
С их временем прошли, прошли, как будто сон.
Вкусивши сладости, когда кто их лишился
И точно ведает их цену и урон,
И боле — кто, любя, с любимым разлучился
И радости себе уже не чает впредь,
Легко восчувствует, без дальнейшего слова,
Что лучше Душеньке в сей доле умереть.
Но гневная судьба была к ней толь сурова,
Что, сколь бы грозных парк на помощь ни звала
И как бы смерти ни искала,
Судьба назначила, чтоб Душенька жила
И в жизни бы страдала.

По нескольких часах,
Как вымытый в водах
Румяный лик Авроры
Выглядывал на горы
И Феб дружился с ней на синих небесах,
Иль так сказать в простых словах:
Как день явился после ночи,
Очнулась Душенька, открыла ясны очи,
Открыла... и едва опять не обмерла,
Увидев где и как тогда она была.
Наместо божеских, прекраснейших селений,
Где смехов, игр, забав и всяких слуг собор
Старался примечать и мысль ее и взор
И ей услуживать, не ждавши повелений,
Наместо всех в раю устроенных чудес,
Увидела она под сводами небес
Вокруг пустыню, гору, лес,
Пещеры аспидов, звериные берлоги,
У коих некогда жрецы и сами боги,
И сам отец ее, сама царица-мать

Оставили ее судьбы своей искать,
Искать себе четы, не ведая дороги.
Увидела она, при утренней заре,
В ужасной сей пустыне,
На самой той горе,
Куда, по повестям, везде известным ныне,
Ни зверь не забегал,
Ни птицы не летали
И где, казалося, лишь страхи обитали, —
Увидела себя без райских покрывал,
Лежащу в платьице простом и ненарядном,
В какое Душеньку в несчастье беспрnäкладном,
Оставив выкладки и всякие махры,
Родные нарядили,
Когда на верх горы
Ее препроводили.
Хотя же Душенька, привыкнувши к бедам,
Ко страху и несчастью,
Могла бы ожидать себе отрады там
Богов хранителей везде присущной властью,
И, веря всяким чудесам,
Могла б в их помощи легко себя уверить
И несколько бы тем печаль свою умерить, —
Но Душенька дотоль в раю
Была супругою Амура,
И участь Душенька свою
Утратила потом, как дура,
Утратила любовь превыше всех утех,
Любовь нежнейшего любовника и друга,
Иль паче божества под именем супруга.
Проступок свой тогда вменяя в крайний грех,
Жарчайшею к нему любовью пламенела;
Стократ она, в поправку дела,
Прощения просить хотела
У мужа, у богов, у каждого и всех,
Но способов к тому в пустыне не имела:
В пустыне сей никто — ни человек, ни бог —
Ни видеть слез ее, ни слышать слов не мог.
Амур в сей час над ней невидимо взвивался,
Тая свою печаль во мраке черных туч;
И если проницал к нему надежды луч,
Надеждой Душеньку утешить он боялся.

Он ею тайно любовался,
Поступки он ее украдкой примечал,
Ее другим богам в сохранность поручал
И, извиняя в ней поспешность всякой веры,
Приписывал вину одним ее сестрам.
Известно то, что он, по проискам Венеры,
Царевну должен был тогда предать судьбам,
И что в толико лютой части,
Спасая жизнь ее от злобствующей власти,
Какою ей тогда Венерин гнев грозил,
Противу склонности повсюду ухищрялся,
Против желания повсюду притворялся,
Как будто б он уже царевну не любил.
Не смея же ей сам явить свои прислуги,
Он эху той округи
Строжайший дал приказ,
Чтоб эхо всяку речь царевнину внимало
И громко повторяло
Слова ее сто раз.

«Амур, Амур!» — она вскричала...
И может быть, что речь еще бы продолжала,
Как некий бурный шум средь облак в оный час
На время прекратил ее плачевный глас.
На вопль отчаянной супруги,
Который поразил и горы и леса
Печальной сей округи,
Который эхо там, во многи голоса,
Несло наперехват под самы небеса,
Амур, предавшися движенью некой страсти,
Забыв жестоку боль бедра
И всё, что было с ним вчера,
Едва не позабыл уставы вышней власти,
Едва не бросился с высоких облаков
К ногам возлюбленной, без всяких дальних слов,
С желаньем навсегда отныне
Оставить пышности небес
И с нею жить в глухой пустыне,
Хотя б то был дремучий лес.
Но, вспомнив, нежный бог, в жару своих желаний,
Несчастливый предел толь лестных упований
И гибель Душеньки, строжайшим ей судом

Грядущую потом,
Умерил страсть свою, вздохнул, остановился,
И к Душеньке с высот во славе он спустился:
Предстал ее глазам,
Предстал... и так, как бог, явился;
Но, в угождение Венере и судьбам,
Воззрел на Душеньку суровыми очами,
И так, как бы ее оставил он навек,
Гневливым голосом, с презором произрек
Строжайшую ей часть, предписанну богами:
«Имей, — сказал он ей, — отныне госпожу,
Отныне будешь ты Венериной рабою,
Отныне не могу делить утех с тобою...
Но злобных сестр твоих я боле накажу».

«Амур, Амур!» — опять царевна возгласила...
Но он при сих словах,
Не внемля, что она прощения просила,
Сокрылся в облаках!
Сокрылся и потом в небесный путь пустился,
И боле не явился.
Болтливы эхи дальних мест,
Которы, может быть наукой от Венеры,
Подслушивали речь из ближней там пещеры
И видели его свиданье и отъезд,
Впоследок разнесли такую в мир огласку,
За быль или за сказку,
За правду ль иль прилог,
Что будто, чувствуя жестокую ожогу,
Амур прихрамывал на раненую ногу;
И будто бы сей бог,
Сбираясь к небесам в обратную дорогу,
Лучом своим и сам царевну опалил
И множество древес сим жаром повалил.
Но как то ни было, любови ль нежной сила
Или особая господствующа власть
Соделывала в ней мучительную страсть:
Супружню всю она суровость позабыла,
Лишь только помнила, кого она любила
И дерзостью своей чего себя лишила.
Чего ей ждать тогда осталось от небес?
В отчаяньи, пролив потоки горьких слез,

Наполнив воплями окружный дол и лес,
«Прости, Амур, прости!» — царевна вопияла
И в тот же час лихой,
Бездонну рытвину увидев под горой,
С вершины в пропасть рва пуститься предприяла,
Пошла, заплакала, с платочком на глазах,
Вздохнула! ахнула! .. и бросилась в размах.
Амур оставил ли зефиров без наказа,
Велел ли Душеньку стеречь на всех горах,
Читатель может сам увидеть то в делах.
В тот час и в тот момент усердный Скоромах —
Зефир, слуга ее при ветреных путях, —
Увидев царску дочь в толь видимых бедах,
Не ждал себе о том особого приказа,
Оставил все дела в высоких небесах,
Тряхнул крылом, порхнул три раза,
И Душеньку тогда, летящую на низ,
Прикрыв воскрылием своим воздушных риз
От всякой наглости толпы разносторонной,
Как должно подхватил,
Как должно отдалил
От пропасти бездонной
И тихо положил
На мягких муравах долины благовонной.
Он тихим дханием там воздух растворил,
Бореям дерзким дуть над нею запретил
И долго прочь не отходил,
Забыв свою любезну Флору;
Скорбел, что скоро путь свершил,
Что долго Душеньке не мог служить в подпору.

Увидев там она себя на муравах,
Неведомыми ей судьбами,
И куст ясминный в головах
Меж разными вокруг цветами,
Такую истину сперва за сон почла!
И щупала себя, в сомнении и в диве,
И долго верить не могла,
Чтоб, кинувшись, была
Еще на свете вживе;
Забывшися потом,
Заснула крепким сном.

Но видела ль во сне, что было с ней доселе,
Худое ль, доброе ль на деле,
Супруга на горе иль спящего в постеле,
Иль грозную его разгневанную мать,
Историки о том забыли написать,
А только дали знать,
Что бог Амур над нею
Велел тогда летать
Снодетелю Морфею
И сном продлить ее покой,
Зефира отослав домой.
Известно ныне всем, что сон и вся натура
В то время правились указами Амура.
Амур, который зрел ее и скорбь и труд,
Амур, содетель чуд,
Легко соделать мог, чтоб Душенька уснула
И сном бы отдохнула.
И, может быть, она, возненавидев свет,
Была к небытию влекома в сей пустыне,
Как узник иногда, устав от мук и бед,
Чрез сон старается приближиться к кончине.
Но, как бы ни было, по нескольких часах
Влюбленный Купидон, не спя на небесах
И охраняючи несчастную супругу,
Решился прекратить Морфееву услугу.
Проснулась Душенька, открыла томный взор...
Но, вспомнив свой позор,
Глаза от света отвращала,
Цветы и травы вновь слезами орошала
И камням и лесам унывно возвещала,
Что боле жить она на свете не желала.
«Не буду доле жить!
Приди, о смерть! ко мне, приди!» — она вопила.
Но смерть, хотя ее царевна торопила,
Отказывалась ей по должности служить;
Курносо чучело с плешивой головою,
От вида коего трепещет всяка плоть,
Явилась к ней тогда с предлинною косою,
Но только лишь траву косить или полоть,
Где Душенька могла ступеньки поколоть.
Увидев наконец, что смерть от ней бежала,
Насильно Душенька скончать свой век искала:

«Зарежуся!» — вскричала,
Но не было у ней кинжала,
Нижé какого острия,
Удобного пресечь несчастну жизнь ея.
Читатель ведает, без всякой дальней справки,
Что Душенька пред сим,
Летя с горы на низ, повытрясла булавки,
Чудесным действием иль случаем простым.
В сей крайности она, не размышляя боле,
Искала камней в поле,
И острый камень как-нибудь
Вонзить себе хотела в грудь.
Казался край тогда ее несчастной доле;
Нашлися остры камни там,
Но Душенька велась не к смерти, к чудесам:
Лишь только вóзьмет камень в руки,
То камень претворится в хлеб
И, вместо смертной муки,
Являет ей припас снедаемых потреб.
Когда же смерть отнюдь ее не хочет слушать,
Хоть свет ей был постыл,
Потребно было ей, ко укрепленью сил,
Ломотик хлебца скушать.
Потом, смотря на лес, на пропасти без дна,
На небо и на травку,
И вновь смотря на лес, умыслила она
Другую смерть себе, а именно — удавку.
В старинны времена
Такая смерть была почтенна и честна.
У турок и поднесь за смерть блаженну ставят,
Когда кого за грех не режут, а удавят.
Нередко визири и главные в полках,
И сами там султаны
За собственны свои или других обманы
Кончают свой живот в ошейных осилках.
Хотя ж в других местах
Не ставят в честь удавку
И смертью таковой казнят одних плутов,
Но ищущий конца на всяку смерть готов;
И Душенькина смерть не шла в позор и в явку.
Желала бы она
Скончаться лучше ядом;

Но вся сия страна,
Где смерть была запрещена,
Казалась райским садом,
Казалася сотворена
Для пользы иль веселья,
И тщетно было б там искать лихого зелья.
Равно же изгнан был оттоле всякий гад,
В каком бывает яд;
Итак, нельзя дивиться,
Что Душенька тогда хотела удавиться.
А где, и чем, и как?
По многим повестям, остался верный знак:
Вблизи оттоле рос дубняк,
И были тамо дубы
Высоки, толсты, грубы.
На Душеньке тогда широкий был платок,
Который с белых плеч спускался возле бок.
Несчастна Душенька, не в многие минуты,
Неся на смерть красу,
Явилася в лесу;
Не в многие минуты,
Кончая скорби люты
И плачась на судьбу,
Явилась на дубу;
Избрав крепчайший сук, последний шаг ступила
И к суку свой платок как должно прицепила,
И в петлю Душенька головушку вложила;
О, чудо из чудес!
Потрялся дол и лес!
Дубовый грубый сук, на чем она повисла,
С почтением к ее прекрасной голове
Погнулся так, как прут, изросший в вешни числа,
И здраву Душеньку поставил на траве;
И все тогда суки, на низ влекомы ею,
Иль сами волею своею
Шумели радостно над нею
И, съединяючи концы,
Свивали разны ей венцы.
Один лишь наглый сук за платье зацепился,
И Душенькин покров вверху остановился.
Тогда увидел дол и лес
Другое чудо из чудес!

И горы вскликнули громчае сколь возможно,
Что Душенька была прекрасней всех неложно;
И сам Амур тогда, смотря из облаков
Прилежным взором, то оправдывал без слов;
Меж тем как Душенька в живущих оставалась,
Как бытностью ее натура красовалась,
Явился ей еще удобный смерти род,
Которым чаяла окончить свой живот.
Не могши к дубу прицепиться,
Она решилась утопиться.
На случай сей река
Была недалека.
Царевна с берега крутого,
Где дно реки от глаз скрывалось под водой,
На смерть пустилась снова.
Но вдруг, противною судьбой,
Поехала она на щуке шегардой;
И, ехав поверху́ опаснейшей дороги,
Мочила Душенька лишь только хвост и ноги.
К хранению ее прибавлен был конвой:
Другие тут же щуки,
Наукой от богов иль просто без науки,
Собравшися, как должно, в строй,
От всяких случаев царевну ограждали
И в путь с плесканием ее препровождали.
Иные говорят,
Что будто в щуках там приметили наяд,
И что наяды эскадроном
Явились к Душеньке с поклоном.
Не знаю, правда ль то, лишь нет сомненья в оном,
Что некие тогда из сих наяд, иль рыб,
Которых род с рекой от времени погиб,
Служив дотоль в раю под счастливым законом,
За Душенькою тут спешили вслед догоном,
В старинном их строю
Признать, по должности, владычицу свою,
Забыв, что бог прекрасна рая,
С тех пор как райску жизнь в ничто преобратил,
Служивших там, как бы карая,
Оттоль на волю распустил.
Несчастна Душенька, сколь много ни старалась
В речном потоке утонуть,

Но щукою неслась благополучно в путь,
И с берега она к другому добиралась.
В сих муках тщетно жизнь кляла
И тщетно снова смерть звала;
На зов плавучий сонм вопил единогласно,
Что Душенька в бедах
Без пользы и напрасно
Стремится кончить жизнь в водах;
Что боги пусть продлят ее прекрасны годы,
И что ее на смерть отнюдь не примут воды.
Остался наконец единый смерти род,
Который Душенька еще не испытала;
Она еще себя надеждою питала,
Что, может быть, огнем скончает свой живот.
Вдали в то время дым курился:
Ко смерти новой путь открылся,
И Душенька пошла на дым;
И случаем тогда, видущим иль слепым,
Пришла к речному брегу,
И там на муравах
Нашла огонь в дровах
К рыбачьеву ночлегу.
Хозяин оных дров,
Престарый рыболов
В ладье своей на лов
Отплыл во оно время.
Царевна жизни бремя
Легко могла пресечь,
Могла себя сожечь
В пустом широком поле,
В просторе и на воле.
Никто б ее извлечь,
Никто б не мог оттоле,
Когда бы небеса
От смертного часа
Ее не отдалили
И новы чудеса
Над ней не сотворили.
Она, сказав ко всем последние слова,
Лишь только бросилась во пламень на дрова,
Как вдруг невидимая сила
Под нею пламень погасила.

Мгновенно дым исчез, огонь и жар потух,
Остался только лишь потребный теплый дух,
Затем, чтоб ножки там царевна осушила,
Которые в воде недавно замочила.
Узрев себя она безвредну на дровах,
Вскричала громко: ах!..
Сей глас раздался на волнах;
Восколебались тихи воды,
Всплеснулись рыб различны роды,
Взвернулась трижды вкруг
Ладья у рыболова,
И всё то сталось вдруг
От Душенькина слова.
Не знаю, волею ль на сей внезапный крик
В ладье своей старик
Назад стремился к бегу
Иль чудом вверх воды несло его ко брегу;
Но знаю, что потом сей древний в мире дед,
Взглянув на близь своей повети,
Забыл преклонность поздных лет,
Пустил из рук рыбачьи сети,
Прыгнул из лодки ко дровам
И пал к царевниным ногам,
Хотя не ведал с нею чуда,
Ни кто она была,
Зачем туда пришла,
Каким путем, откуда.

«О праотец земных родов,
Иль сын, конечно, праотцов! —
Царевна к старцу вопияла. —
Ты помнишь бытность всех времен
И всяких в мире перемен;
Скажи, как свет стоит с начала,
Встречалось ли когда кому
Несчастье, равно моему?
Я резалась и в петлю клалась,
Топилась и в огонь бросалась,
Но к горькой участи моей,
Прошед сквозь огнь, прошед сквозь воду,
И всеми видами смертей
Приведши в ужас всю природу,

Против желания живу,
Бессмертие имею в муку
И тщетно смерть к себе зову.
Подай свою мне в помощь руку,
Скончай мой век, мне свет постыл!» —
«Но кто ты?» — старец вопросил.
«Я Душенька... люблю Амура...».
Потом заплакала, как дура;
Потом, без дальних с нею слов,
Заплакал вместе рыболов,
И с ней взрыдала вся натура.
Потом сказал ей тот же дед,
Что смерти ей на свете нет,
Как то себе она ни чает,
И что еще она не знает
Готовых ей вприбавок бед;
Что злоба гневной к ней богини
Проникла в самые пустыни;
Что, каждому в пример и в страх,
Во всех подсолнечных местах
Уже ее вины открыты
И грамоты о том прибиты
В распутиях и во вратах.
Притом старик роптал в слезах,
Что злобе попускают боги,
И, строгую виня судьбу,
Повел царевну он к столбу,
Где ближние сошлись дороги.
Царевна там сама прочла
Прибитый лист, в большую меру;
А что она в листе нашла,
Скажу по точному манеру.
«Понеже Душенька прогневала Венеру,
И Душеньку Амур Венере в стыд хвалил;
Она же, Душенька, румяны унижает,
Мрачит перед собой достоинство белил
И всяку красоту повсюду обижает;
Она же, Душенька, имея стройный стан,
Прелестные глаза, приятную усмешку,
Богиню красоты не чтит и ставит в пешку;
Она же взорами сердцам творит изъян,
Богиней рядится и носит хвост в три пяди, —

Того или иного ради,
Венера каждому и всем
О гневе на нее своем
По должной форме извещает
И всяку милость обещает
Тому, кто Душеньку на срок
К Венерину лицу представит.
А буде кто ее оправит
Противу силы оных строк,
Иль буде где ее укроет,
Иль повод даст укрыться ей,
Тот век вины своей не смоет
Ни самой кровию своей».

Всплеснула Душенька руками,
Прочтя толь грозные слова:
«О боги! видите вы сами, —
Вопили камни и древа, —
На то ли Душенька жива,
На то ль одарена красами,
И чем виновна перед вами,
Когда родилась такова?»
Уже тогда весь мир читал о ней сыскную,
Весь мир о ней равно жалел:
Иной бранил богиню злую,
Другой сыскную драть хотел.
Одни, из должности, цитерские пролазы
Твердили по утрам о Душеньке приказы,
Которы всяк потом охотно забывал,
И Душеньку, кто мог, охотно укрывал.
Но как то ни было, боясь ли пролазов,
Боясь ли приказов,
Водима ль стариком,
Иль собственным умом,
Царевна наконец за благо рассудила
Просить о помощи степеннейших богинь,
Счастливее она б богов о том просила;
Но с времени, когда Амура полюбила,
По мысли никого в богах сыскать не мнила:
Кто дерзок был иль трус, кто горд иль глупый шпынь,
И, может быть, она в то время находила
В верховнейших богах немалу часть разинь.

Вначале Душенька пошла просить Юнону,
Которая тогда, оставив небеса,
За мужем бегала и в горы и в леса.
Она могла б давать несчастным оборону,
Но собственну свою тогда имела грусть.
Юнону хоть любил Юпитер по закону,
Любя других, не мог к ней верности соблюсть;
Везде по свету волочился,
Был груб, был дик,
Как вепрь иль бык,
И часто под дождем по целым дням мочился.
И после до ушей Юноны слух проник,
Что подлинным быком к Европе он явился
И подлинным дождем к Данае он спустился,
Забыв отца богов достоинство и чин.
Для множества таких причин,
И, может быть, за то, как видела Юнона,
Что Душенька сама
Могла Юпитера соделать без ума,
«Поди, — сказала ей богиня вышня трона, —
Проси о деле Купидона,
Или поди проси других,
А мне довольно бед своих».

Царевна, по народной вере,
Пошла с прошением к Церере.
В те дни сбирался хлеб с полей,
И хлебодатная богиня
У всех своих тогда являлась олтарей,
Тогда на всех лилась от ней
Щедрота, милость, благостыня.
Но доступ для сего к Цсрерину лицу
Дозволен только был жрецам или жрецу,
И кто к богине шел для просьбы иль вопроса,
Не мог услышан быть без жертвы и приноса;
А Душенька была в то время всех бедней,
И не было тогда у ней
Отцовских денег, ни перстней;
Возненавидев жизнь, как знают все, дурила
И добрым людям их дорогой раздарила.
Остался у нее пастуший сарафан,
Который был ей дан

Разумным рыболовом,
Чтоб в сем наряде новом
Укрыть ее от бед хотя через обман;
Осталась красота, о коей все трубили,
Но красоты чужой богини не любили,
И, им последуя, жрецы, известно то,
Отменный дар красот вменяли ни во что.
Жрецы тогда ее, до будущего лета,
Отправили оттоль без всякого ответа.

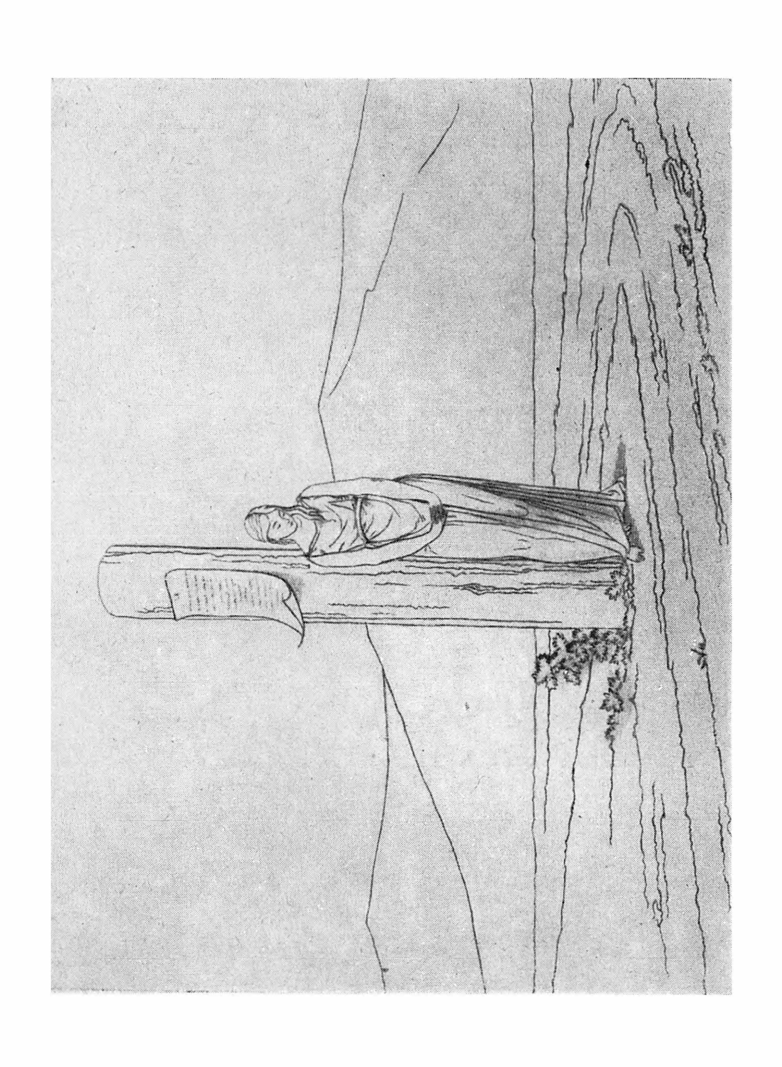
В сей скорби Душенька, привыкши всех просить,
Минерву чаяла на жалость преклонить.
Богиня мудрости тогда на Геликоне
Имела с музами ученейший совет
О страшном некаком наклоне
Бродящих близ земли комет,
Которы долгими хвостами,
Пугая часто робкий свет,
Пророчили беды местами
И Аполлонов путь
Грозили в мир запнуть.
На всё же, что тогда царевна представляла,
Без всякой жалости богиня отвечала,
Что мир без Душеньки стоял из века в век;
Что в обществе она не важный человек;
И паче, как хвостом комета всех пугает,
На Душеньку тогда взирать не подобает.
К Диане Душенька явить не смела глаз;
Богиня та любви не ведала зараз:
Со свитой чистых дев, к свободе устремленных,
К невинной вольности, нося колчан и лук,
Пускаясь быстро в бег, любя проворство рук,
Гонялась за зверьми в пустынях отдаленных.
Никто не нарушал дотоль ее забав;
Еще не видела она Эндимиона,
И строгостью себе предписанна закона
Лишила б Душеньку и милостей и прав.

Куда идти? еще к Минерве иль к Церере?
Поплакав, Душенька пошла к самой Венере.
Проведала она, бродя по сторонам,
Что близко от пути, в приятнейшей долине,

Стоял известный храм
С надвратной надписью: «Прекраснейшей богине».
Нередко в сих местах утех всеобщих мать,
Мирских сует слагая бремя,
Любила отдыхать.
Туда от разных стран народ во всяко время
Толпой стекался воздыхать.
Иные шли туда богиню прославлять,
Другие к милостям признание являть,
Другие ж их просить иль просто погулять.
В таком стечении народа
Несчастна Душенька, избрав тишайший час
И кроясь всячески от всех сторонних глаз,
Со трепетом рабы туда искала входа.
Одною лишь в бедах
Надеждой утешалась,
Что, может быть, она, хоть вольности лишалась,
Увидит в сих местах
С Венерой Купидона
И, забывая страх
Строжайшего закона,
Вдавалась в сладости различных лестных дум,
Какими упоен бывает страстный ум.
В сих мыслях Душенька приближилась ко храму
И там, задумавшись, едва не впала в яму,
Куда от разных жертв за двор
Смешался в кучу всякий сор.
Но, впрочем, все места казались тамо садом,
И благовонная катилася роса
На мирту, на лимон, на всяки древеса,
И храм курился вкруг душистым всяким чадом.

По сказкам знают все, что шелковы луга,
Сытовая вода, кисельны берега
Богине красоты всегда принадлежали
И по долине там дороги окружали.
Издревле бог войны
Строжайший дал приказ, в угодность сей богине,
Чтоб вечно в той долине
Трубы военной звук не рушил тишины.
Известно всем, что там и самы дики звери
К овцам ходили в двери,

И овцы, позабывши страх,
Гуляли с ними на лугах
И с самой вольной простотою
Питались киселем с сытою,
Навеки в животе,
В здоровье, в красоте;
Живуща тварь не убивалась,
Насильством кровь не проливалась,
Неведом был скорбящих глас,
И вся природа всякий час
Согласием сочетавалась.
В средине сих лугов,
И вод, и берегов
Стоял богинин храм меж множества столпов.
Сей храм со всех сторон являл два разных входа:
Особо — для богов,
Особо — для народа.
Преддверия, врата, и храм, и олтари,
И каждая их часть, и каждая фигура,
И обще вся архитектура
Снаружи и внутри
Изображала вид игривого Амура,
Иль вид забав и торжества
Властительного там прекрасна божества;
Венеры чудное рождение из пены
И всяка с нею быль, приятная в чертах,
Особо виделись в картинах и в коврах,
Какими изнутри покрыты были стены.
Во внутренности там различных олтарей
Различны дани приносились
От всех наук, искусств, художеств и затей,
И знатных и простых людей,
Которы все в число достойнейших просились:
Иной, желая приобресть
Любовью к некой Музе честь
И данью убедить любовницу скупую,
Привесил в уголок цевницу золотую;
Другой, себе избрав,
По праву иль без права,
В любовницы Палладу
И тщася получить лавров венец в награду,

Привесил ко столбу
Серебряну трубу;
Иной, ища любви несклоннейшей Алкмены,
Во храме распестрил малярной кистью стены.
Но дани, приносимы в храм
Не по богатству иль чинам,
Могли казаться тамо кстати;
И часто там простой пастух,
Неся богине в дар усердный только дух,
Предпочитаем был блистательнейшей знати.
На среднем олтаре,
Под драгоценнейшим отверстым балдахином,
Стоял богинин лик особым неким чином,
Во всей поре,
Во всей красе и в полной славе,
В подобной, как она на некакой горе
Явилась в прежни дни к Парисовой расправе
И спор между богинь решила красотой.
Сей лик, казалось, был божественной рукой
Из мрамора иссечен
И после в образец художества примечен.
Носился в мире слух, что будто Пракситель
Оттуда взял модель
И, точно по примеру,
Представил в первый раз во всей красе Венеру.
Никто из вшедших в храм не мог или не смел
Не преклонять колен пред сим прекрасным ликом;
И каждый, как умел,
Богине гимны пел,
В усердии глуша один другого криком.
Над храмом извивался рой
Амуров, смехов, игр, зефиров,
Которы всякою порой
Туда слеталися от всех возможных миров.

В летучем их строю
И те при храме были,
Которые в раю
При Душеньке служили.
В сей час они опять над прежней госпожой
В неведеньи летали,
Резвилися и журчали;

Но Душенька тогда, под длинною фатой,
Под длинным сарафаном,
Для всех была обманом:
Вошла во храм с толпою в ряд
И стала в стороне у самых первых врат.

От робости она сих мест не примечала,
Иль, помня прежнюю блаженну жизнь свою,
Когда сама была богинею в раю,
Полками разных слуг сама повелевала,
И песни и хвалы сама от всех слыхала,
Сей храм напоследи за редкость не считала, —
По воле то решить читатель может сам.
Но в храме, лишь едва лицо свое открыла,
В минуту все глаза к себе оборотила.
Возволновался храм,
Умолкли гимны там,
Пресеклись жертв приносы,
И всюду слышались лишь вести иль вопросы.
Я прежде не сказал,
Что весь народ Венеру
В сей день по слуху ждал
Из Пафоса в Цитеру.
Увидя ж Душеньку, согласно весь народ
Один другому в рот
Шептал за новы вести:
«Венера здесь тайком!..
Бежит от всякой чести!..
Венера за столбом!..
Венера под платком!..
Венера в сарафане!..
Пришла сюда пешком!..
Во храм вошла тишком!..
Конечно, с пастушком!..»
И весь народ в обмане
Пред Душенькою вдруг колена преклонил.
Жрецы, со множеством курящихся кадил,
Воздев умильно длани,
Просили Душеньку принять народны дани
И с милостью воззреть
На всяки нужды впредь.
В сие волнение народа

Возникла вдруг молва у входа,
Что сущая уже богиня оных мест,
Влеча с собой толпы служителей на въезд
И яблоко держа Парисово в деснице,
Со всею славою, в блестящей колеснице
В тот час из Пафоса ко храму прибыла,
И вдруг при сей молве Венера в храм вошла.

Но кто представит живо,
В словах или чертах,
Богинин гнев, народный страх
И общее во храме диво,
И боле Душеньку, в невинном торжестве,
При самом храма божестве.
Вотще в то время всех царевна уверяла,
Зачем туда пришла
И кто она была,
Большая часть людей от ней не отставала,
Забыв, что в храм сама Венера прибыла.
Богиня, сев на трон и скрыв свою досаду,
Колико скрыть могла,
Оставила в сей день другие все дела
И тот же час приказ дала
Представить Душеньку во внутренню преграду.
«Богиня всех красот! не сетуй на меня, —
Рекла царевна к ней, колена преклоня. —
Я сына твоего прельщать не умышляла:
Судьба меня, судьба во власть к нему послала.
Не я ищу людей, а люди в слепоте
Дивятся завсегда малейшей красоте.
Сама искала я упасть перед тобою,
Сама желаю я твоею быть рабою,
И в милость только то прошу себе напредь,
Чтобы всегда могла твое лицо я зреть». —
«Я знаю умысл твой!» — Венера ей сказала,
И, тотчас кончив речь,
С царевной к Пафосу отъехать предприяла,
Притом с насмешкой приказала
В пути ее беречь.
Сажают Душеньку в особу колесницу,
Запрягши в путь сорок станицу;
А для беседы с ней, как будто ей чета,

Садятся тут же рядом
Четыре фурии, изверженные адом:
Коварство, Ненависть, Хула и Клевета.
Оставим разговор сих фурий ухищренных
И скажем наконец, к каким трудам она
Венерой в Пафосе была осуждена
И кто был вождь ее на службах повеленных.
Из многих дел и слов,
В умах напечатленных,
Известно мщение богов,
Во гневе раздраженных.
Нередко сильные, прияв на небе власть,
Бессильных поборали,
Чернили и марали,
И всё, что только бы могло пред ними пасть,
Ногами попирали.
В счастливейших веках,
Конечно, нет примера
Такому мщению, какое, всем во страх,
Противу Душеньки умыслила Венера!
Умыслила свою умножить красоту,
А Душеньку привесть, сколь можно, в дурноту,
Чтоб все от Душеньки впоследок отвращались
И только бы тогда Венерою прельщались.

Не знаю, в первый день иль, лучше, в перву ночь,
Довольная своею жертвой,
Богиня в мщении послала царску дочь
Принесть чрез три часа воды живой и мертвой.
Известен весь народ
О действе оных вод:
От первой кто попьет — здоровье получает;
А от другой попьет — здоровье потеряет;
Но в сем пути никто не возвращался жив.
Царевна, к службе сей, как должно прицепив
Под плечи два кувшина,
Пошла без дальна чина,
Пошла на все труды
Искать такой воды.
Куда? и кто в пути ей будет провожатым?
Амур во все часы ее напасти зрел
И тотчас повелел

Своим слугам крылатым
Поднять и перенесть царевну в тот удел,
Где всяки воды протекают,
Мертвят, целят и помогают.
Зефир, который тут по склонности прильнул,
Царевне на ухо шепнул,
Что воды окружает
Большой и толстый змей, свернувшись вкруг кольцом,
И никого отнюдь к водам не допускает,
Как разве кто его забавит питьецом.
Притом снабдил ее большою с пойлом флягой,
Которую велел, явясь туда с отвагой
И змею речь сказав, в гортань ему воткнуть.
Когда же пасть свою при пойле змей разинет
И голову с хвостом в то время разодвинет,
То Душенька найдет себе свободный путь
Живую ль, мертвую ль водицу почерпнуть.
Зефир лишь то сказал, царевна путь скончала, —
Явилася у вод
И, змею поклонясь, умильну речь сказала,
Котору выдала впоследок и в народ:
«О змей Горынич Чудо-Юда!
Ты сыт во всяки времена,
Ты ростом превзошел слона,
Красою помрачил верблюда,
Ты всяку здесь имеешь власть,
Блестишь златыми чешуями,
И смело разеваешь пасть,
И можешь всех давить когтями, —
Соделай край моим бедам,
Пусти меня, пусти к водам».
Хвалы и титулы пленяют всяки уши,
И движутся от них жестоки самы души.
Услышав похвалы от женского лица,
Притом склоняяся ко сласти питьеца,
Горынич пасть разинул
И голову с хвостом при пойле разодвинул —
Открылись разных вод и реки и пруды
И разны к ним следы.
Прислужливый Зефир, пока сей час не минул,
Конечно Душеньку в дорогах не покинул;
Она, в свободе там попив живой воды,

Забыла все свои дорожные труды
И вдруг здоровей стала.
Писатели гласят,
Что Душенька тогда, с водой явясь назад,
В отменной красоте, как роза, процветала
И пред Венерою, как солнце, возблистала,
И будто бы тогда богиня умышляла
Заставить Душеньку лихую воду пить;
Но, просто случаем, иль чудом, может быть,
Кувшин с лихой водой разбился,
И умысл в дело не годился.
Богиня видела из таковых чудес,
Что помощь Душенька имеет от небес,
Или, точней сказать, от самого Амура;
Но, как известно было ей,
Что пагубой людей
Обилует натура,
Послала Душеньку еще в другой поход,
В надежде, что она скончает тем живот,
Или хоть будет жить, но будет без красот.
В саду, где жили Геспериды,
Читатель ведает, что некогда росли
Златые яблоки, иль просто златовиды,
И сей чудесный сад драконы стерегли.
А в том или в другом саду, вблизи Атласа,
Жила напоследи царевна Перекраса.
Потомству все ее неведомы дела,
Но всяк о том слыхал, что подлинно была
Сих чудных мест она богиня иль царица,
И в сказках на Руси слыла,
Как всем известно, Царь-Девица.
О красоте ее имеет весь народ
Из повестей довóд:
Златые яблоки она вседневно ела;
Известно, что от них краснела и добрела.
Но, ради страхов там и трудностей дорог,
Коснуться к яблокам никто другой не мог.
Хоть не было тогда драконов там, ни змея,
Однако сад сей был под стражею Кащея,
Который сам, как страж, тех яблок не вкушал
И никого отнюдь их есть не допускал.

А если приходил кто яблок тех покушать,
Вначале должен был его загадки слушать;
Когда же кто не мог загадок отгадать,
Того без милости обык он после жрать.
Венера, ведая сих строгих мест законы,
По коим властвуют Кащей или драконы,
Послала Душеньку не жить, а умирать,
Чтоб яблок тех достать.
Но кто ей скажет путь и будет помогать?
Зефир — она его успела лишь назвать, —
Зефир ей новую явил тогда услугу;
И, чтоб холодный ветр не мог ее встречать,
Пустился с ней в сей путь по югу;
Шепнул царевне он, какую речь сказать
И как на все слова Кащею отвечать.
Потом под яблонью подставить только полу,
В то время яблоки скатятся сами к долу,
И можно будет ей тогда, оставив сад,
С добычею лететь назад
И яблок золотых вкусить по произволу.

Не в долгом времени, не в день — в единый час,
Явилась Душенька к Кащею взять приказ;
Поклон, как должно, сотворила,
Как должно, речь проговорила,
Но свету речи сей,
Нижé того, что ей
Загадывал Кащей,
Она не сообщила.
Известны только нам последственны дела,
Что службу Душенька вторую сослужила;
Что в новой красоте пред прежним процвела
И горшие себе напасти навела.

К успеху мщения, пришло во ум богине
Отправить Душеньку с письмом ко Прозерпине,
Велев искать самой во ад себе пути,
И некакой оттоль горшечек принести.
Притом нарочно ей Венера наказала,
Горшечка чтоб она отнюдь не открывала.
Царевнин ревностный служитель давних лет,

Зефир скорей стрелы спустился паки в свет
И ей полезный дал совет
Идти в дремучий лес, куда дороги нет.
В лесу, он ей сказал, представится избушка,
А в той избушке ей представится старушка,
Старушка ей вручит волшебный посошок,
Покажет впоследи в избушке уголок,
Оттоль покажет вниз ступени,
По коим в ад нисходят тени;
И Душенька тогда, лишь ступит девять раз,
К Плутону в области окончит всю дорогу;
И, в безопасности от страхов, тот же час
Откроет напоказ
Свою прекрасну ногу,
И может впоследи бесстрашно говорить
С Плутоном, с Прозерпиной, с Адом,
Письмо вручить,
Горшечек получить
И службу надлежащим рядом
Исправно совершить.
Последуя сему закону,
Пошла царевна в лес, куда глаза глядят,
Нашла подземный сход, ступила девять крат,
Сошла тотчас во ад,
Явилась ко Плутону.

Возволновался мрачный край,
Не ждав посольства от Венеры;
Тризевны в Тартаре церберы
Распространили страшный лай.
Но Душенька, в сию тревогу,
Едва открыла только ногу,
Как вдруг умолкла адска тварь —
Церберы перестали лаять,
Замерзлый Тартар начал таять;
Подземна царства темный царь,
Который возле Прозерпины
Дремал с надеждою на слуг,
Смутился тишиною вдруг:
Возвысил вкруг бровей морщины,
Сверкнул блистаньем ярых глаз,
Взглянул... начавши речь, запнулся,

И с роду первый раз
В то время улыбнулся.

Узрев толь сильную посольску полну мочь,
Какую при письме казала царска дочь,
А паче на нее воззрение Плутона,
Богиня адска трона
Велела ей скорей пресечь
Пристойную на случай речь;
И, по письму вручив горшечек ей приватно,
Ее, без дальних слов, отправила обратно.
Царевна наконец могла бы как-нибудь
Окончить счастливо и новый оный путь;
Но друг ее Зефир сначала,
Как видно, бед не предузнал
И ей особо не сказал,
Чтобы горшечка не вскрывала.
Царевна много раз
В горшечек посмотреть в пути останавлялась,
И в тот же самый час
Желанию сопротивлялась.
Напоследи, смотря и в стороны и в след
И до двора уже немного не дошед,
Венеры заповедь, и гнев, и страх презрела,
Открыла кровельку, в горшечек посмотрела.
Оттуда, случаем лихим,
Внезапно вышел черный дым.
Сей дым, за сильной густотою,
Зефиры не могли отдуть;
И белое лицо и вскрыта бела грудь
У Душеньки тогда покрылись чернотою.
Она старалась пыль платком с себя стирать;
Но чем при трении трудилася сильнее,
Тем делалась чернее,
Как будто бы свой вид трудилася марать.
Надеялась потом хоть как-нибудь водою
Прошедшую себе доставить красоту,
Но, чудною бедою,
Прибавила еще, обмывшись, черноту;
И к токам чистых вод хотя лицо склоняла
И черноту свою хоть много раз купала,
Смотрясь в водах потом, уверила себя,

Что темностью она была подобна саже,
Иль просто, так сказать, красу свою сгубя,
Была арапов гаже.

В сем виде царска дочь
Стыдилась всякой встречи
И, слыша всяки речи,
От всех бежала прочь.
Для белых рук ее в народе вышла сказка,
Что будто бы она таилась от людей
И будто бы на ней
Была лишь только маска.
Иные, ей в посмех,
Давали странный образ делу
И уверяли всех,
Что боги, будто б ей за грех,
Арапску голову пришили к белу телу.
Простой же весь народ,
Любуясь Душеньки и видом и осанкой,
Дивился в ней еще собранию красот
И звал ее тогда прекрасной африканкой.
Но Душенька, сей вид
Себе имея в стыд,
То шею, то лицо платочком закрывала,
И в горести тогда, куда идти, не знала, —
Идти ли ей потом на смех и на позор
Обратно в дом к Венере
Или к родным во двор?
Но может ли их взор
За точну Душеньку признать ее по вере?
Осталось только ей сокрыть себя тогда
В какой-нибудь пещере,
Где б люди никогда
Ее толь горького не видели стыда,
И там зарыть себя живую,
Чтобы скорее тем окончить участь злую.

Амур жестокость зол подобно ощущал,
Он все ее беды иль видел, или знал.
Но для чего ее оставил он без стражи,
Когда она несла горшечек адской сажи?
Читатель сей вопрос решит, конечно, сам:

Угодно было так судьбам,
Угодно было так Венере,
Чтоб Душенька была черна,
Чтоб Душенька была дурна
И крылась от людей в пещере.
Амур отвержен был в Цитере
И, в небе быв тогда без сил,
Беде нарочно попустил,
Чтоб тем обезоружить злобу,
Котора Душеньку могла привесть ко гробу.
Для редкости сих дел
Повсюду мир шумел
О роде Душеньки, об участи, о летах,
О всех ее приметах.
Дошла впоследок весть,
Чрез слух иль как ни есть,
К сестрам ее коварным,
Что Душенька в раю с супругом лучезарным
Недолго пожила;
Что изгнана оттоль за некаки дела
И что напо́следи, скитаяся без дела,
Иссохла, подурнела
И страшно почернела.
Они устроили на случай торжество
И громко всем трубили,
Что Душеньку везде грехи ее губили
И что за то ее карает божество.

Превратным разумам любови существо
Неведомо и странно.
Сестры царевны сей,
Навлекши скорби ей
И все ее дела ругая беспрестанно,
Отнюдь не мыслили во мраке клеветы,
Что Душенька, лишась наружной красоты,
Могла Амуром быть любима постоянно.
Амур, напастями царевны отвлечен,
Стремил старание к единому лишь виду,
Чтоб гнев судеб к ней был, сколь можно, облегчен,
Как будто бы забыл от сестр ее обиду;
Но после обратил их наглость им же в казнь:

На торжество сих сестр нарочного отправил,
Который от него, как должно, их поздравил;
Благодаря притом за дружбу и приязнь,
Прибавил, что Амур любовью к ним пылает
И с нетерпением увидеть их желает,
И только ждет, без дальних слов,
Чтобы они, взошед на каменную гору,
Какая выше всех представится их взору,
Оттуда бросилися в ров;
И что потом Зефир минуты не утратит,
Тотчас летящих их подхватит,
Помчит наверх в небесный край
И прямо постановит в рай,
А там Амур явит им должные услуги,
Намерясь купно взять обеих их в супруги.

Услыша толь приятну речь,
Сестры царевнины от радости вскружились:
Скорей коней велели впречь,
В богаты платья нарядились;
Не прочили белил, ни мушек, ни румян,
Опрыскались водами,
Намазались духами,
Хулили Душеньку за дерзость и обман,
Отправились к горе, и там, с крутой вершины,
Спешили броситься в стремнины.
Но их Зефир потом наверх не подхватил,
А дул, как видно, только в тыл;
И в райское они жилище не попали,
Лишь только головы себе, летя, сломали.
Карая тако злость, меж тем прекрасный бог
Подробну ведомость имел со всех дорог,
От всех лесов и гор, где Душенька являлась,
И, сведав, что она,
От всех удалена,
В средине гор скрывалась,
Донес богам о том сполна;
Донес, что Душенька была уже черна,
Суха, худа, дурна;
И упросил тогда смягченную Венеру,
Чтоб было наконец дозволено ему

Открыто самому
Явиться к Душеньке в пещеру.
Но как представился тогда его очам
Предмет любови постоянной?
Несчастна Душенька, в печали несказанной,
Не ела, не пила, не зрела света там.
Читатель должен знать сначала,
Что Душенька тогда лежала;
Но боком иль ничком,
Спала или дремала,
Не ведаю о том
И не хочу искать свидетельства для веры;
Лишь знаю, что она лежала на фате
У входа сей пещеры,
Скрывая голову в пещерной темноте;
А часть оставшая являлась в красоте
На зрелище пред входом;
И быть тогда могла признáком и довóдом,
Когда б любовный бог
О точности вещей иметь сомненье мог.
Зефиры видели и свету возвестили,
Что Душеньку Амур издалека узнал
И руку у нее, подшедши, целовал;
Но скоро их из глаз обоих упустили.
Проснувшись Душенька тогда,
Взглянула, ахнула, закрылась от стыда,
Уйти в пещеру торопилась
И тамо наконец с Амуром изъяснилась,
Неведомо в каких словах;
А только ведомо всему земному кругу
Взаимное от них прощение друг другу
Во всех досадах и винах.

Амур потом, при всей свободе,
Велел публиковать в народе
Старинну грамоту, котору сам Зевес,
В утеху всех дурных, на землю дал с небес;
И всюду слово в слово
Та грамота тогда твердилася занóво:
«Закон времен творит прекрасный вид худым,
Наружный блеск в очах преходит так, как дым,
Но красоту души ничто не изменяет,

Она единая всегда и всех пленяет».
Слова сии Амур твердя повсюду сам,
Представил грамоту Венере и богам,
А вместе с грамотой и Душеньку представил,
Котору в черноте дурною он не ставил.
Юпитер, покачав
Разумной головою,
Амуру дал устав,
По силе старых прав,
Чтоб век пленялся он душевной красотою
И Душенька была б всегда его четою.
Сама богиня красоты,
Из жалости тогда иль некакой тщеты,
Как то случается обычно,
Нашла за должно и прилично,
Чтобы ее сноха,
Терпением своим очистясь от греха,
Наружну красоту обратно получила, —
Небесною она росой ее умыла,
И стала Душенька полна, цветна, бела,
Как преж сего была.
Амур и Душенька друг другу равны стали,
И боги все тогда их вечно сочетали.
От них родилась дочь, прекрасна так, как мать;
Но как ее назвать,
В российском языке писатели не знают.
Иные дочь сию Утехой называют,
Другие — Радостью, и Жизнью, наконец;
И пусть, как хочет, всяк мудрец
На свой зовет ее особый образец.
Не пременяется названием натура:
Читатель знает то, и знает весь народ,
Каков родиться должен плод
От Душеньки и от Амура.

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПРЕВРАЩЕНИЕ ПАСТУХА В РЕКУ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ БОЛОТА

Кларису зря с высоких гор,
Алцип близ чистых вод, в долине,
И зря ее несклонный взор,
Пенял за то своей судьбине,
Что каждый день Кларису зрит
И каждый день в тоске страдает;
Что пленный дух она томит,
Приятных дней его лишает.
Клариса каждый день в водах
Приходит мыться обычайно;
И каждый день Алцип в кустах
Прельщается Кларисой тайно.
Не смеет к строгой подступить,
Не смеет ей в любви открыться,
Чтоб гнев любовью не купить
И всей надежды не лишиться.
Любовью робкою смущен,
Богов он просит неотступно,
Чтоб был он в реку превращен,
Надеясь быть с любезной купно,
Когда Клариса к тем водам
Придет нагая обмываться,
Ко всем он будет красотам
Своей любезной прикасаться.
Богов он втуне упросил,
Его надежда обманула:

Когда Алцип рекою был,
Клариса в оной утонула.
Алцип сто раз судьбину клял,
Что ею так наказан грозно;
И втуне смерти он желал:
Сие желанье было поздно,
Водам не можно умирать;
Лишь только, без своей любимой,
В тоске осталось иссыхать
И в горести неутолимой,
Где прежде лил прозрачный ток,
На месте том болото ныне;
Мутится там всегда песок,
И шум ключей умолк в пустыне.
Но если в берег бьет волной,
То кажется, что бьет со вздохом;
Брега, как будто сединой,
Покрылись тамо белым мохом.
Уединяясь от людей,
Места там стали непроходны;
И кажут будто слез ручей,
Где видятся теченья водны.

<1760>

* * *

Доколе буду я забвен
В бедах, о боже мой, тобою?
Доколе будешь отвращен
От жалоб, приносимых мною?
Доколе вопиять, стеня?
Мое всечасно сердце рвется:
Доколе враг мой мне смеется,
Всегда в напасти зря меня?

Я милости ко мне твои
В бедах толиких призываю,
Да не рекут враги мои,
Что я напрасно уповаю.
Спаси в напасти мой живот,
В слезах обрадуй и в печали,

Дабы злодеи то познали,
Что ты господь и бог щедрот.

Будь страшен всем моим врагам,
Что в злобе на меня стремятся,
Будь мне от них защитник сам:
Тобой их сети сокрушатся.
Твою я милость воспою
В весь век мой, данный мне тобою,
Что ты всемощною рукою
От рук врагов спас жизнь мою.

<1760>

* * *

Господь меня блюдет,
Господь и просвещает,
И от юнейших лет
В путь правый наставляет.
С млеком закон свой влил
В меня еще в младенстве,
Дабы во благоденстве
Я господа хвалил.

Хоть пагубный предел
Назначен мне врагами,
Мой щит пребудет цел,
Я злость попру ногами.
Что враг мне сотворит,
Горящий злобным жаром,
Коль крепких сил ударом
Господь его сразит?

Он щедрую простер
Ко мне свою десницу:
Умножил выше мер
Мой скот, мою пшеницу.
Пою тебя всяк час,
Источник благ нетленных!
Внемли из уст ты бренных
Моих хвалений глас.

<1760>

* * *

Блажен, кто бога не гневит
И истину всегда хранит, —
Род оного благословится,
И семя ввек не истребится.

Богатство, слава с ним живет,
С ним праведные узрят свет;
Гонимым он подаст отраду,
С ним узрит истина награду.

Помощник нищему в беде
И покровитель на суде,
Когда он правдой укрепится,
От слуха зла не убоится.

Он ей противных победит,
Бесстрашно на врагов воззрит
И в свете вознесется славой;
Господь хранит всегда путь правой.

А беззаконник, в злобе зря
И в зависти своей горя,
Что бог ему не помогает,
Падет, погибнет и растает.

<1760>

* * *

Хвалите господа небес,
Хвалите все небесны силы,
Хвалите все его светилы,
Исполненны его чудес.

Да хвалит свет его и день,
Земля и воздух, огнь и воды;
Да хвалят рыб различны роды,
Пучины, бездны, мрак и тень.

Да хвалят холмы и древа,
Да хвалят звери, гады, птицы,
Цари, владыки, сильных лицы
И всяка плоть, что им жива.

Да хвалит своего творца,
Да хвалит всякое дыханье:
Он милует свое созданье,
И нет щедрот его конца.

<1760>

ЭПИСТОЛА

«Сын! начинаешь ты, мне кажется, мотать,
И хочешь своего отца ты разорять:
Сокровище мое, что для тебя копится,
Ты хочешь расточить — ты думаешь учиться;
Учителям платить за то ты хочешь, мот,
И книги покупать. Какой, скажи, в том плод,
Что будешь ты болтать со всеми по-французски?
Дед больше твой не знал, как только что по-русски,
И с нуждою слагал в часовнике он склад, —
А не по-нашему с тобою был богат».
Сия то речь была отца скупого к сыну,
Что, видим мы теперь, схож больше на скотину,
Чем на таких людей, что, в детстве изучась
Старанием отцов, богатство чтут за грязь,
Коль то везде нажить разумному нетрудно.
Бесспорно: хоть иной глупец живет не скудно
И гасами на нем укладен весь кафтан,
Но с блеском золота сугубо он болван.
Другой таким отцом воспитан из младенства,
Достиг до самого он глупых совершенства;
Богатством ослеплен, того всечасно ждет:
Когда достанется? когда отец умрет?
В его тогда руках отцовско будет злато;
Таким же дураком он будет жить богато;
В веселье он тогда свой век, и без наук,
С такими, как и сам, препроведет без скук,
Ученья ересь чтоб в дому его не пахла:
От старости его уж матушка одряхла;

Чтоб сын его, а ей чтоб внучек дорогой
Тем древности ее не тронул бы покой.
Когда ж над нею смерть свою покажет силу,
То придет он тогда на бабкину могилу,
Заплачет и ее там будет поминать,
Случалось вживе как при ней ему гулять.
Вот плод какой детей худого воспитанья!
О вы! которые толь подлого желанья,
Чтоб дети в глупости век ваши провели,
Такой ли плод должны иметь мы на земли,
Чтоб только собирать учились деньги дети?
Не то старанье мы об них должны имети,
Но чтоб открыть им то, чем бог нас одарил.
Премудрость он свою чрез разум в нас явил;
Но разум сей снискать не можем без ученья;
Не ищет кто его, достоин сожаленья.

<1760>

СТАНС

С любезной живучи в разлуке,
Мой томный дух теперь страдает;
И быть, по гроб, в сей злейшей муке
Судьбина гневна предвещает.

О рок! за что, о рок жестокой!
Меня несносно так караешь?
Или в печали сей глубокой
Мученья большего желаешь?

Когда не сыт ты сей напастью,
Что самой смерти мне тяжеле,
Рази меня во гроб сей страстью
И успокой дух томный в теле.

Рви, мучь, терзай как можно зляе:
Коль жизнь свою я ненавижу,
Коль нет того, что мне миляе
Всего, что в свете я ни вижу.

Я смерть себе приму в награду
За всё мое теперь терпенье.
Один мне будет гроб в отраду
С моей любезной в разлученье.

А ты, дражайшая! заочно
Почувствуй, как мой дух страдает;
И если быть тому не мочно,
Чего надежда нас лишает,

Приди на место, где могила,
И вспомни, как с тобой расстался;
Мне жизнь моя была постыла,
И без тебя все дни терзался.

Те взоры, что меня пленяли,
Пусти во прах иссохша тела,
Чтоб мертвы кости ощущали
То, что меня ты пожалела.

<1760>

ДЕНЬГИ

Беда, коль денег нет; но что за сила тянет
К богатству всех людей? Без денег счастье вянет,
И жизнь без них скучна, живи хотя сто лет;
Пока твой век минет — беда! коль денег нет.

Беда, коль денег нет; везде сии законы,
Что деньгам воздают и ласки и поклоны.
О деньги, деньги! вас и чтит и любит свет,
И каждый вопиет: беда, коль денег нет.

Беда, коль денег нет; имея жизнь толь кратку,
Приписывать должны мы счастие к достатку;
Хоть деньги множество нам делают сует,
Однако без сует беда, коль денег нет.

<1761>

МОЛИТВА ВЕЧЕРНЯЯ

Сокрылись солнечны лучи
От мрачной темноты в ночи.
Я, день прошедший вспоминая,
Что, в беззаконьи утопая,
Тебя, о боже мой, гневил,
Когда на всякий час грешил.
Хотя числа нет согрешенью,
К тебе, души ко облегченью,
Дерзаю мысль мою взнести,
Тебе моленье принести.
Воззри на сердце сокрушенно,
К тебе любовью утверждено,
И грешнику твой суд отсрочь:
Не умертви в сию мя ночь,
И дай твоим мне подкрепленьем
Тебя не гневать согрешеньем.
Храни в бесстрастии меня,
Да, утренний узрев свет дня,
С покойной мыслью одр оставлю
И милости твои прославлю, —
Что чистым, боже, ты сердцам
Всегда готов покров быть сам;
Хранить желанья непорочны
Всегда, и в сне, в часы полночны.

<1761>

СКАЗКА

Хотелось дьявольскому духу,
Поссорить мужа чтоб с женой.
Не могши сделать то собой,
Бес подкупил одну старуху,
Чтоб клеветою их смутить,
И обещал за то ей плату.
Она, обрадовавшись злату,
Не отреклась ему служить
И, следуя чертовской воле,
К жене на тот же день пошла,
За прялкою ее нашла;
А муж пахать поехал в поле.

«Здорова ль, кумушка, живешь? —
Старуха спрашивать так стала. —
Я с весточкою прибежала,
Что очень скоро ты умрешь».
Потом старуха напрямки
Жене сказала так об муже:
«Нельзя того быть, матка, хуже, —
Ты от его умрешь руки:
Он в кузницу ходил нарошно,
Чтоб нож себе большой сковать.
Я, право, не хочу солгать,
Мне то подслушать было можно,
Как он назад дорогой шел,
Тебя зарезать похвалялся,
И нож на поясе мотался.
Смотри, чтоб впрямь не заколол.
Я дам тебе траву такую:
Как будешь при себе держать,
То муж не станет нападать,
И отменит к тебе мысль злую.
Да только, свет мой, не забудь,
Побереги младого веку,
Или не сделал бы калеку.
Лишь он войдет, траву брось в грудь.
Когда б тебя я не любила,
То бы совету не дала:
Я не хочу тебе вить зла.
Прости, и помни, как учила».
Лукавая хрычовка та
Тотчас и к мужу побежала;
Его там на поле сыскала.
«Я бегала во все места, —
Старуха говорит с слезами. —
Еще ты, батюшка мой, жив!
Поди теперь домой ты с нив;
Поди, своими ты глазами
Увидишь женину любовь.
Она, увидевшись со мною,
Сказала мне, с надеждой тою,
Что злости буду я покров,
Как встретишься, вошед, ты с нею,
То бросит той травой в тебя,

Котору держит у себя,
Чтобы пошел ты в землю ею.
Тебя мне, ей-ей! батька, жаль!
И не жалеть о том не можно,
Когда б жена твоя безбожно
Намеренье свершила вдаль.
Вот нож тебе. возьми скорея,
Поди к жене теперь, поди,
И злость ее предупреди,
Зарежь злодейку, не жалея.
Увидишь правду ты мою,
Когда увидишься с женою.
А чтоб не умер ты травою,
То я тебе совет даю,
Чтоб нож вонзить ей прямо в груди.
А ежели не так воткнешь,
То от травы тотчас умрешь:
Так говорят все стары люди».
Мужик, сию услыша весть,
Упал тогда старухе в ноги.
В слезах не видит он дороги,
Спешит скоряй на лошадь сесть.
Дивится жениной он злобе,
За что б озлилась так она;
Смущеньем мысль его полна:
Не хочется быть рано в гробе.
Приехал только лишь домой,
Жена тотчас его встречает
И мниму злость предупреждает:
В грудь бросила ему травой.
Мужик взбесился, зря то ясно,
Что хочет уморить жена.
«Постой, — вскричал, — уж злость видна,
Узнав, как с мужем ты согласна.
Не думай, чтоб свершила зло:
Умри, коль смерти мне желаешь;
Сама себя теперь караешь,
Тебе злодейство то дало».
Сказав то, вынул нож ужасной,
Вонзил жене невинной в грудь.
«Что муж тебе я, ты забудь,
Коль мне не хочешь быть подвластной.

Умри, проклятая душа,
Коль мужа умертвить хотела,
Себя ты тем не пожалела».
Жена тогда, едва дыша,
Сказала мужу, умирая,
Что смерть приемлет без вины
И что старухой смущены:
«Она, безбожница, нас злая
С тобою разлучила ввек».
Узнал и муж тогда старуху,
Но уж жена лишилась духу.
Жалел, что жизнь ее пресек.
Но мужнее тогда жаленье,
Хотя и каялся в вине,
Уж поздно было о жене,
И невозвратно то лишенье.
А ту хрычовку сатана,
За женину ножом утрату,
Во аде наградил в заплату,
Чтоб вечно мучилась она.
Читатель! сказку ты читая,
Жалей о тех, жалей со мной,
Которы гибнут клеветой,
Безвинно жизнь окончевая.
Найдем и много мы старух,
Которых злость развраты множит,
Чего и дьявол сам не может,
Чтобы поссорить в дружбе двух.
Клеветники — у черта сети,
Которыми он ловит тех,
Что, кроме истины, утех
Неправдой не хотят имети.

<1761>

БАСНЯ

Казалось глупому ослу там не довольно
Кормиться на лугу, хозяин где гонял.
То было у реки: осел не пожелал
Есть каждый день одно, и поплыл самовольно
На тот чрез воду край, — казалась там трава
Приятнее ему. Хозяин с криком стонет,

В реке осел что тонет.
Но втуне были те слова,
Осел тогда был на средине,
Река
Была топка,
Не смогши дале плыть, увяз там в тине.
Осел и корму был не рад:
Пришло ему там тошно,
Что ни вперед ни взад
Поплыть ему не можно.
Он сам тому виною,
Что в тине должен умирать.
Не удалось ему насытиться травою,
Ни кожи мужику с него содрать.
Познай моих, читатель, силу слов.
Великие стада найдешь таких ослов,
Противясь что судьбине,
Излишнего хотят, своим несыты всем;
Но вовсе погибают тем,
Осел как глупый в тине.

<1761>

ЗАКОН

Закон все люди чтут, но что то за закон?
И как в законе жить повелевает он?
Иной мне говорит, что он есть у приказных,
Где все дела вершат по силе прав указных.
Судебные места законами полны,
Но если б все дела так были вершены,
Указны правы как о том повелевают,
То б не было тех душ, закон что заключают
В экстрактах, в выписках, в чернилах и пере;
И быть чтоб у судьи с подарком на дворе;
И в том, что в год один исписано стоп с десять.
Труды те тяжелы: когда их стать все весить,
Потянут больше ста, и больше двусот пуд,
В приказах сидя, что подьячие наврут.
Достойно взятки брать, что день и ночь там пишут;
Трудясь над вздором тем, спины и рук не слышут.
Но польза такова изо всего вранья:
Что там написано, не знает сам судья.

Коль в том наш есть закон, чтоб бога почитали,
И ближним как себе во всем мы помогали;
И, словом, чтоб творца и ближнего любить,
То можно без всего закон нам сохранить.
Законом быть должна меж нами добродетель,
А пра́ва, истины ей только лишь свидетель.
Покровом быть в бедах вдовам и сиротам,
Без всех гражданских прав удобно можно нам.
Правдивого закон не сделает неправым,
И истина воздаст за злости всем лукавым.
Когда б все правдою старались в свете жить,
На что бы нам экстракт и выписку чертить!
Мы видим из того, что пра́ва для безбожных
Все сделаны, для их клевет на правду ложных,
Которыми по всем местам наполнен свет.
Но правда где живет, то там закону нет.
Кто добродетели в закон себе имеет,
То злоба на того восстать уже не смеет.
Она его бежит, как вихря пыль и прах;
Ему равно прожить в веселье и в бедах.
Он истины вовек неправдой не погубит;
Ему то и закон, что ближнего он любит.

<1761>

* * *

Бедами смертными объят,
Я в бездне ада утопаю;
Еще взвожу ослабший взгляд,
Еще на небо я взираю.
Твой суд, о боже, прав и свят,
Тебя я в помощь призываю:
Воззри, как грудь мою теснят
Беды, в которых я страдаю.
Прости, творец, сию вину,
Что день рождения кляну,
Когда от мук ослабеваю.
Ты сердца видишь глубину:
Хоть в адских пропастях тону,
Но от тебя спасенья чаю.

<1761>

ПОСЛОВИЦА

Змея хоть умирает,
А зелье всё хватает —
Пословица есть у людей.
Скажу в пример я сказку к ней.
Которого не помню года
Ко облегчению народа
Скончал свой век
Приказный человек,
То есть подьячий,
Который в самый век еще ребячий
Был выучен просить за труд.
Он скоро понял ту науку,
Крючком держать, протягши, руку,
Пока ему дадут.
И сверх того он был изрядный плут.
И прочие крючки завидовали вору,
Что драл со всякого он взятки без разбору,
Лишь только б где ему случилось обмочить
Перо в чернила.
Состарился крючок, и уж слабела сила
За труд просить;
Приходит смерть к нему с косою,
Велит, чтоб он дела приказные бросал
И больше не писал.
Подьячий, ухватя чернильницу рукою,
Другую протянул, уже лишася сил,
И с смерти за труды просил.
Сбылась пословица: змея хоть умирает,
А зелье всё хватает.

<1761>

ПОНЕЖЕ

Понеже говорят подьячие в приказе:
Понеже без него не можно им прожить,
Понеже слово то показано в указе,
Понеже в выписке оно имелось быть,

Понеже секретарь им сделался в заразе,
Понеже следует везде его гласить.
Понеже состоит вся сила в их понеже,
Затем и не живет у них *понеже* реже.

<1761>

ПРИТЧА

СКУПОЙ

Какую пользу тот в сокровищах имеет,
Кто в землю прячет их и ими не владеет?
Живет в провинции скупяк,
И хочет вечно жить дурак,
Затем, что предки жили так.
По дедовскому он примеру
И по старинному манеру,
Имеет к деньгам веру,
Не бреет никогда усов,
Не курчит волосов:
У прадеда его они бывали прямы,
Который прятывал всегда богатства в ямы.
Таков был дедушка, отец и сын таков.
Когда он при конце, впоследки, рот разинул,
Едва успел сказать жене,
Что деньги он в земле покинул,
В саду, в такой-то стороне;
Но чтоб не трогать их, — он умер с тем заветом;
Жена, не тронув их, простилась после с светом.
Вступил в наследство внук,
Но деньги те еще людских не знали рук,
По завещанью он зарыл их в землю ниже,
Как будто для того, чтоб были к черту ближе.

<1761>

* * *

О боже! наше ты прибежище и сила,
Защита крепкая и помощь нам в бедах, —
Когда бы нас твоя десница не хранила,
Давно бы зрели нас враги в своих сетях.

От гласа вышнего вселенна потрясется,
Смятутся и падут противные пред ним;
Но имя праведных тем паче вознесется,
И не прикоснется никая злоба им.

Величество и власть творца все твари славят,
Хвалу ему гласят земля и небеса;
Когда б забыли мы, то горы нам представят
Бесчисленны его преславны чудеса.

Он луки и щиты злодейски сокрушает,
Свергает в ярости взнесенный гордых рог;
Но праведных всегда щедротой утешает;
О злость! сомкни уста, защита правым — бог.

<1761>

* * *

О ты, земли и неба царь!
Ты смертным тишину приносишь, —
Доколе злобы не подкосишь,
От коей мучится вся тварь?
Доколе стрел на тех не бросишь,
Которы твой сквернят олтарь?
Ты молнии в деснице носишь, —
Ты в злых перунами ударь.
Пусть их советы сокрушатся
И чаемых утех лишатся,
Не зря погибели других;
А правые твой суд узнают,
Когда злодеи восстенают
И ветер прах развеет их.

<1761>

ТЩЕСЛАВИЕ

Все люди исстари не чтут за правду сказки,
А ложь употреблять привыкли для прикраски.
Что слышал от людей, я сказываю то ж;
Коварные, сплетая ложь,
Других обманом уязвляют.

Кто хочет, верь тому; кто хочет, хоть не верь,
Я сказочку начну теперь:
Коза с рождения Медведя не видала
И не слыхала,
Что есть такой на свете зверь;
Но храброю себя повсюду называла,
Хотела показать геройские дела,
И, следственно, была
Смела.
Однако на словах, а не на деле,
Геройских дел ее не знал никто доселе;
И, по ее словам, Самсон и Геркулес
Не много перед ней поделали чудес.
«Причина ль, — говорит, — увидеться с Медведем?
Тотчас туда поедем», —
И в доказательство пошла, не медля, в лес,
Пошла Коза на драку;
Так бодро Телемак не оставлял Итаку,
Так храбро Ахиллес не шел против троян,
Великий Александр, с победой персиян,
В толикой пышности не возвращался в стан.
Идет и говорит, чтоб дали ей дорогу.
Идет Коза к мерлогу,
И приближается смотреть:
Незнаем ей Медведь.
Увидела, что с ним лежит ее подружка,
И думала, у них великие лады, —
Пошла туда Коза, не знаючи беды.
Худая с ним игрушка;
Неугомонен стал сосед,
Для гостьи кинул он обед;
А гостья в шутку то не ставит,
Что жестокó ее Медведь за горло давит.
Не хочет уж Коза гостить
И просится, чтоб быть, по-прежнему, на воле;
Клянется, что к нему ходить не станет боле,
Когда он от себя изволит отпустить.
Коза Медведя не обманет,
Он сделал, что она ходить к нему не станет,
Затем, что с места уж не встанет.

Не лучше ль было бы, когда б моя Коза,
Не пуля в лес глаза,
Жила без храбрости в покое?
А смелость только быть должна в прямом герое.

<1761>

ЭКЛОГА

Уже осенние морозы гонят лето,
И поле, зеленью приятною одето,
Теряет прежний вид, теряет все красы;
Проходят радости, проходят те часы,
В которы пастухи средь рощи обитали.
Уже стада ходить на паству перестали,
И миновалася приятность прежних дней,
Когда предвозвещал Аврору соловей,
На зыблющихся пел сучках и утешался,
И голос одного по рощам раздавался.
Не летний дождь идет, и не из прежних туч;
Светило с высоты пускает слабый луч.
Холодный дует ветр, зефир уже не веет;
Летит с деревьев лист, и вянет и желтеет.
Вчера овец погнав, уже в последний раз
Кларису я узрел, о, час, приятный час!
Но лето кончилось и паству пресекает,
И вместе с ним моя свобода утекает.
Клариса день один со мной овец пасла,
Но навсегда мою свободу унесла.
Я чувствую в себе; но что? и сам не знаю;
Кларису я любить сердечно начинаю.
Что думать ни начну, я думаю об ней,
Нейдет Клариса вон из памяти моей.
Люблю, и видеть я хочу ее всечасно:
Расстаться с нею мне... и мыслить то ужасно.
Нельзя изобразить, что я без ней терплю,
Как только, что ее сердечно я люблю.
Приятно чувствовать, и мыслить то приятно:
Ах! если б ей любви желанье было внятно!
Приятней и того мне с нею говорить.
Увидя раз ее, не можно позабыть.
Пойду за нею вслед, она живет у речки,

Скажу, что наши там смешалися овечки,
Что в стаде двух иль трех своих не нахожу,
А между тем я ей и более скажу;
И, может быть, найдем другие мы причины,
Чтоб видеться всегда с Клариссой без скотины.

<1761>

* * *

(Дактилическими стихами)

Не стремись, добродетель, напрасно
Людей от неправды унять:
В них пороки плодятся всечасно,
Нельзя их ничем исправлять.

Справедливость не раз без заплаты
Являла несчастны следы, —
Времена, пролетая, крылаты
Влекут и встречают беды.

Упаси, о всевышний содетель,
Покрой в непорочных сердцах
Утесненную злом добродетель,
Всели в беззаконных твой страх.

<1761>

ЭПИГРАММЫ

I

Кто никогда души спокойства не имеет,
То думает: для всех на свете счастье ложно.
Однако лишь ему найти его не можно,
Затем что он сносить напасти не умеет.

II

Хоть истинного здесь на свете счастья нет,
Но есть такое в нем, что нам приятен свет,
И для чего-нибудь нам сносно в жизни бедство.
Конечно, делает любовь сие нам средство.

III

Несчастье для него, тот думает, несносно.
К нему еще оно и не бывало косно.
Но кто бывал в беде, тот ведает давно,
Что скорбь проходит так, как счастие, равно.

<1761>

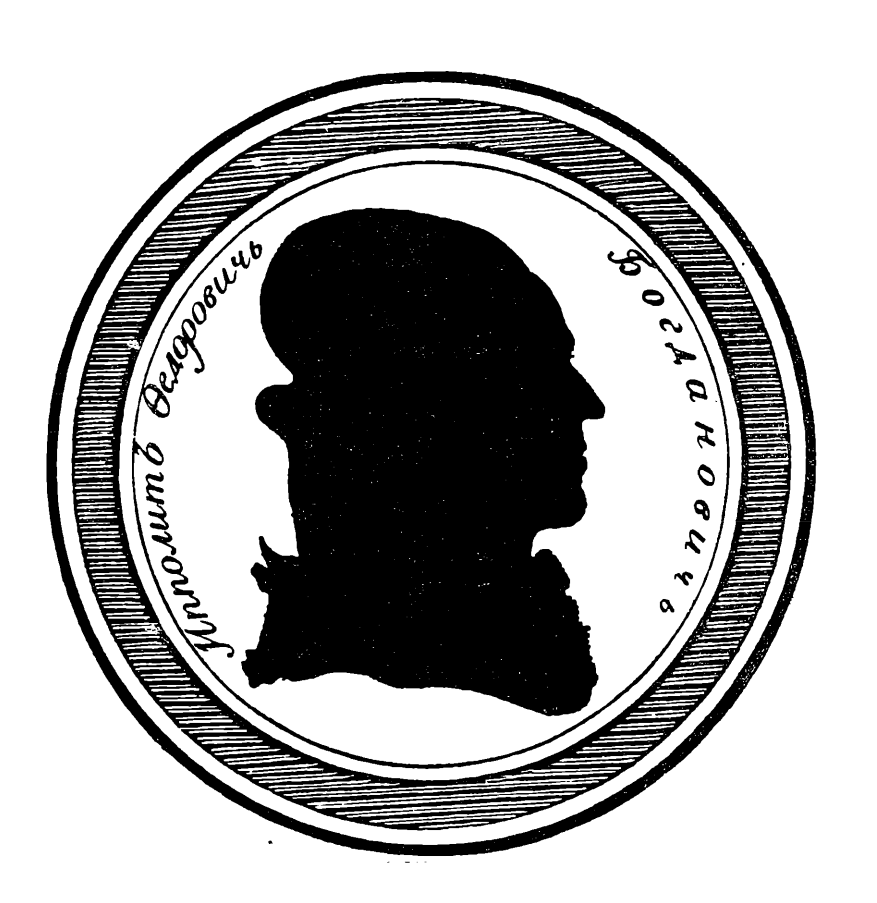
ОДА ИЗ АНАКРЕОНТА XIV

Уже сие непреборимо:
Люблю, что должно быть любимо.
Давно ли мне вещал Эрот,
Давно ль советовал о этом,
Когда я был совсем не тот
И был не тронут сим советом?
Упрямца видя пред собой
И зря мои поступки смелы,
Он взял тогда свой лук и стрелы
И вызывал меня на бой.

Я так же был напротив злобен
И Ахиллесу был подобен.
С копьем и в латах со щитом,
Казалось мне: чтобы сражаться,
Со оным маленьким божком,
Ненужно боле вооружаться.
Он стрелу первую пустил,
Но я от оной уклонился;
Стреляя, тщетно стрел лишился,
И сердца мне не прострелил.

Он яростью кипел презлою,
И, бросясь сам ко мне стрелою,
Грудь слабую мою пронзил.
Мое, ах! сердце ощущает,
Что нет к сопротивленью сил;
Копье меня не защищает,
И всуе щит имею сей, —
Эроту оный не препона.
К чему снаружи оборона,
Когда уже внутри злодей?

<1761>

Ипполитъ Ѳедоровичъ
Богдановичъ

ОДА ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЫНЕ ЕКАТЕРИНЕ АЛЕКСЕЕВНЕ, САМОДЕРЖИЦЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ, НА НОВЫЙ 1763 ГОД

Пресветлый Феб открыл мне гору,
Где тьмы чудес прельщенну взору
Являют сладкую мечту;
Пленен видением и слухом,
К веселью восхищенным духом,
Божествен хор внимая, чту.
О муза, возглашая миру
Героев славных имена,
Подай свою мне ныне лиру
Воспеть счастливы времена.

Не ново ль солнце воссияло!
Се новых дней мы зрим начало,
Дней радостей сугубых нам.
Внемли, владычица земная,
Блаженство музам подавая,
Иль паче, всем твоим странам,
Внемли их песнь благоприятно:
Для них торжеств краснее нет,
Как песни повторять стократно
Твоей гремящей славе вслед.

Не в греческих странах прекрасных,
Но на местах тебе подвластных,
Монархиня, услышишь муз.
Взгляни ты на поля российски, —
Услышишь песни олимпийски,
Услышишь разных лир союз;
Но все тебя поют едину,
Поют и не престанут петь
Премудрую Екатерину,
Что век златой дала узреть.

Здесь царствовать желает Флора,
Ниспустит росу к нам Аврора
И ток прольет прохладных вод;
Здесь нимфы при струях прозрачных,

В сих рощах, в сих долинах злачных
Прославят твой на трон восход.
На сих полях пространных чает
Зефир спокойно дуть всегда,
И радости не окончает
Царица в нивах никогда.

Настанет жизнь наукам перва:
Ты будешь новая Минерва
Среди потомков древних муз;
Не паки ль под твоим эгидом
Божественным крепимся видом,
В свободе мы от рабских уз?
Гореть к отечеству любовью
И в гневной оного судьбе
Влиянною от предков кровью
Хранить их честь есть дань тебе.

Нам труд и подвиги всегдашны
И смертны ужасы не страшны,
Где к славе ты покажешь путь;
Средь волн, средь бурь, средь грозна пламя,
И где твое увидим знамя,
Наместо стен поставим грудь.
Сам бог на помощь нам предстанет,
Разя оружием твоим;
С твоим он громом купно грянет,
Твой гнев и свой покажет злым.

Свидетели тому соседы,
Коль славны чрез свои победы
Россияне, смиря врагов;
Свидетели те войски сами,
Которы, побежденны нами,
Чтут мужество твоих полков.
Еще герои росски целы,
Живут и будут жить в сынах, —
Враги увидят прежни стрелы
И прежни громы в их полях.

Те громы, кои под Полтавой
И всюду пред Петровой славой

Стремились дерзостных карать;
Главы их тот же меч преклонит,
И тот герой врагов погонит,
Который гнал за степь их вспять.
Но если грозный рок злодеев
Их дерзкий путь давно пресек,
Без бранных действ и без трофеев,
Монархиня, твой славен век.

Когда царей мы в мысль приводим,
Повсюду образ твой находим:
Тот жизнь хотел за всех терять,
Тот жертвовал своим покоем,
Тот назван кротким, тот героем;
Но выше чтем мы россов мать.
Иной во плен взял тьмы народа,
И, силой рушив крепость стен,
Был царь всего земного рода;
А ты взяла сердца во плен.

Тобою добродетель блещет,
Обидимый не вострепещет
От сильных рук перед судом;
К тебе путь правда отверзает.
И лихоимство не дерзает,
Объято страхом и стыдом.
Вдова в отчаяньи не стонет,
Не плачут бедны сироты:
Коль жалоба их слух твой тронет,
Помощница им будешь ты.

Не лестью их язык вещает,
А то, что сердце ощущает,
Монархиня, гласят уста.
Монархи, славные делами,
Не мня превознестись хвалами,
Блаженство шлют во все места.
Но сколько милость им природна,
Столь свойственно нам петь ея;
И если песнь тебе угодна,
Тем паче счастлив буду я.

Благословенная держава!
Твоя надежда, счастье, слава
И власть должны цвести вовек.
Веселый слух подвиг всю землю;
В священном я восторге внемлю
Слова, что целый мир изрек:
«Продли ее, о боже, лета,
Продли до самых поздных дней;
Они утехой будут света
И счастьем всех подвластных ей».

<1762>

СТИХИ, ТРОЯКО СОЧИНЕННЫЕ НА ОДНИ ЗАДАННЫЕ РИФМЫ

I

Что есть всему творец, сомненья не .... имею:
Мне сердце говорит .... о нем;
Но инако любить я бога не .... умею,
Как только в ближнем лишь .. моем.

II

Не мучусь, если я богатства не ... имею,
Хоть должен я пещись .. о нем;
Коль милою любим, спокойным быть ... умею
В посреднем житии .... моем.

III

Влюбяся я в тебя, спокойства не ... имею,
И, потеряв покой, хотя грущу .. о нем;
Но возвратить его, Клариса, не ... умею,
Приятность находя в мучении .... моем.

<1762>

СТРАХ ЛЮБВИ

О сильный бог любви!
Желал бы я, чтоб ты сказал моей прекрасной,
Какой безмерный жар я чувствую в крови,
И чтоб ты мне помог в моей любви несчастной;
Но трепещу, ее представя красоты,
Чтоб мой поверенный, мне к горшему несчастью,
Не воспылал, как я, подобною к ней страстью:
Ты скажешь, что не я люблю, а любишь ты.

<1763>

ОПАСНЫЙ СЛУЧАЙ

Купидо некогда, в присутствии прекрасной,
К своим победам пук ковал любовных стрел;
В тот час ужасный
Работу бога я сего вблизи смотрел.
Он искрами меня со всех сторон осыпал;
Жар в кузнице его вкруг воздух так разжег,
Что в страхе был и сам сей бог.
Уже из рук его разжженный молот выпал;
Хотел от жару наконец
Лететь к красавице любовных стрел кузнец;
Но мимо он огня летел неосторожно:
Сгорели крылья там его.
И дале уж лететь ему не стало можно,
Как лишь до сердца моего.

<1763>

* * *

Премудрость тщетная не может нас избавить
От смерти лютыя, ни сохранить от бед,
И не предскажет нам, что будет с нами впредь;
Не лучше ли сей труд, о смертные! оставить,
В котором пользы нет?

<1763>

СТИХИ К КЛИМЕНЕ

Тот счастлив, кто богат и кто имеет честь,
Тот счастлив, у кого притом здоровье есть.
Я всё то без тебя, Климена, ненавижу,
Я счастлив в те часы, когда тебя я вижу.

<1763>

Всечасно страсть моя, Климена, возрастает,
Одна ты царствуешь в желаниях моих;
Но, ах! в твоей душе любовь не обитает,
А только лишь она видна в глазах твоих.

<1763>

Младенец нежный бог не ищет громкой славы;
Он ищет тишины, свободы и забавы,
И любит он летать по счастливым местам.
Его жилище там,
Где царствуют веселья, смехи,
Где игры и утехи,
И где присутствуешь, Климена, только ты, —
Там всё находит он в природе красоты.
Твой милый взгляд ему приятнейшая пища,
Твое желание — закон,
Здесь храм его и трон;
В победах веселится он,
Вздыхаю только я среди его жилища.
Климена! научись чувствительною быть.
Никто не избежал любовной страсти,
И все подвержены любовна бога власти.
Климена! научись любить.
Напрасно ты любовь, не зная, охуждаешь:
Узнала бы своей ты цену красоты,
Когда бы в сердце то почувствовала ты,
Что в прочих возбуждаешь.

<1773>

Приятна молодость тебя, Климена, учит,
Что должен нежности ум гордый уступить.

Противяся любви, он только сердце мучит:
Прекрасные на то родятся, чтоб любить.
Подвергну́ться любви нимало не бесславно,
Без оной были бы бесплодны красоты;
Подвергнуться — тебе, я вижу, что не нравно,
Но, быв побеждена, найдешь победу ты.

<1763>

Чтоб счастливым нам быть,
Я буду жить затем, чтоб мне тебя любить;
А ты люби меня затем, чтоб мог я жить.

<1763>

БЕСЧЕСТНОГО ПРИМЕТА

Когда твой друг
Радеет для твоих услуг
И ты скрываешь то от света, —
Бесчестного примета.
Но в счастливой любви не эта,
Другая платится монета;
Кто оной не таит от света, —
Бесчестного примета.

<1763>

ПРЕВРАЩЕНИЕ КУПИДОНА В БАБОЧКУ

Досадой некогда Юпитер раздраженный,
Как дерзкий бог любви ему стрелой грозил,
Во гневе яростном, за скиптр пренебреженный,
В вид бабочкин божка сего преобразил.
Вдруг крылышки из рук явились голубые,
Взлетел и в бабочку преобразился бог:
Он рожки получил и ножки золотые;
Он плакать начинал, но плакать уж не мог.
Нет лука у него, нет стрел и нет колчана, —
Победы все его пресек ужасный рок.
Садится он на верх иль розы, иль тюльпана,
Перелетаючи с цветочка на цветок.
Но жалость наконец Юпитер ощущает,
Вид прежний на себя велит ему принять:

Не вечно он казнит, не вовсе он прощает,
Чтоб дерзкие его страшились прогневлять.
Явился паки лук, приемлют силу стрелы,
И в прежнем виде стал прощенный наконец,
Лишь бабочкины с ним остались крылья целы,
Во знак, что гневен был к нему богов отец.

Не стало с той поры в любови постоянства,
Как сделался крылат продерзкий Купидон;
Ища иных побед и нового подданства,
Летает с той поры из сердца в сердце он.
Но вечно будешь жить, о бог любви! со мною,
И навсегда мое ты сердце взял во плен:
Конечно, я тогда пронзен твоей стрелою,
Как в бабочку еще ты не был превращен?

<1763>

ОДА В ЧЕСТЬ КРАСОТЕ

Краса нас счастия на самый верх возносит,
И сами боги чтят в созданье красоту.
О жизнь! когда ты сон, продли сию мечту,
Продлись, о сладкий сон, пока нас смерть не скосит,
И насладиться дай приятностьми ее,
Пока не обратит их смерть в небытие.

Иль только понимать свои несчастья ясно
Всесильны небеса нас в свет произвели,
И утешенья нет для смертных на земли?
Престанем размышлять о том, что нам ужасно,
Изыщем способы ко облегченью бед,
Оставим по себе мы сладкой жизни след.

Когда мы целый век не можем наслаждаться,
Потщимся хоть продлить приятность сих минут,
Без возвращения которы протекут,
И чтоб раскаяньем впоследок не терзаться,
Пусть наших радостей кратчайшие часы
Составят сладку жизнь, пока цветут красы.

<1763>

ДРУГАЯ ОДА,

С ТЕМИ ЖЕ РИФМАМИ, ПРОТИВ КРАСОТЫ

Тщетно свет всегда .... возносит,
Тщетно славит ..... красоту:
В ней мы видим лишь .. мечту;
Смерть иль старость ону ... скосит,
Время прелести .... ее
Обратит ...... в небытие.

Если мы рассмотрим ... ясно,
Что красы ..... произвели,
Узрим брани..... на земли
И отмщение ..... ужасно;
Узрим тысячи там ... бед,
Где мы их увидим ... след.

Тщетно чаем ... наслаждаться
Лестным ядом сих ... минут,
Кои скоро ... протекут
И принудят нас .. терзаться
В долгие потом ... часы
Исчезающей ..... красы.

<1763>

ВКУС ВОЗРАСТА

Игрушки свойственны во время первых лет,
И свойственно любить, когда любить прилично,
А умными тогда бываем мы обычно,
Как свет оставит нас и мы оставим свет.

<1763>

УМЕРЕННОСТЬ

Доволен жизнью я моею,
А утверждает в ней мое блаженство то:
Когда чего я не имею,
Я то считаю за ничто.

<1763>

НА САМОХВАЛЬСТВО

Разумные дела себе ты ставишь в смех
И говоришь, что ты умнее в свете многих;
Не спорю я с тобой: умнее ты и всех,
Да только не людей, а всех четвероногих.

<1763>

НА ЗЛОРЕЧИЕ

Хоть я бранен везде тобою,
А ты хвален повсюду мною,
Имеем оба мы несчастьем общим то:
Ни в первом, ни в другом не верит нам никто.

<1763>

ИДИЛЛИЯ

(Белыми стихами)

На что в полях ни взглянешь
Со мною ты в разлуке,
Ты всем меня вспомянешь,
Любезная пастушка.
Тебе покажет утро
Тоски моей начало;
И днем, когда светило
Луч огненный ниспустит,
Ты, чувствуя жар в полдни,
Представь, что жар подобный
Я чувствую, влюбяся.
Не солнцем я сгораю,
Любовь рождает пламень
В моем плененном сердце;
Любовью я сгораю,
Любя Кларису страстно.

Тебе представит вечер,
Как после паствы стадо
Пойдет назад к покою,
Что в самое то ж время,

От грусти утомившись,
Я в сне ищу покоя.
Ищу его я тщетно;
Печальным воображеньем
Я также в сне терзаюсь.
Я те следы целую,
Где шествовали ноги
Драгой моей пастушки.
Роса тебе представит
Мои в разлуке слезы.
Когда услышишь хоры
Поющих сладко птичек,
Представь себе, Клариса,
Что те поющи птички
Оттуда прилетели,
Где я, с тобой в разлуке,
Грущу и воздыхаю.
Они моих мучений
Свидетелями были,
И жалобы несчастны
Они мои внимали;
Теперь во оных песнях
Мой голос повторяют,
Мои слова вещают,
Что я люблю Клариссу,
И вместе ощущают
Они со мною горесть,
Оплакивая вместе
Мою несчастну долю.

Когда зефир повеет,
Его дыханье слыша,
Клариса, ты воспомни,
Что я, как он, вздыхаю.
Но он безмерно счастлив, —
Он, дуя, прохлаждает
Твои красы прелестны,
И, легкостью своею
Всем прелестям касаясь,
Тебя целует нежно,
Всегда благополучен;
А я его несчастней,

Вздыхаю отдаленно,
Верней его и страстней.
Другую он целует
И на другую дует;
Как скоро отлучится,
И сердце всеминутно
Имеет он неверно.
Но я не пременяюсь
С тобою и в разлуке,
Люблю тебя безмерно.

<1763>

ПЕСНЯ

Пятнадцать мне минуло лет,
Пора теперь мне видеть свет:
В деревне все мои подружки
Разумны стали друг от дружки;
Пора теперь мне видеть свет. 2

Пригожей все меня зовут:
Мне надобно подумать тут,
Как должно в поле обходиться,
Когда пастух придет любиться;
Мне надобно подумать тут. 2

Он скажет: я тебя люблю,
Любовь и я ему явлю,
И те ж ему скажу три слова,
В том нет урона никакова;
Любовь и я ему явлю. 2

Мне случай этот вовсе нов,
Не знаю я любовных слов;
Попросит он любви задаток, —
Что дать? не знаю я ухваток;
Не знаю я любовных слов. 2

Дала б ему я посох свой, —
Мне посох надобен самой;

И, чтоб зверей остерегаться,
С собачкой мне нельзя расстаться;
Мне посох надобен самой. 2

В пустой и скучной стороне
Свирелки также нужны мне;
Овечку дать ему я рада,
Когда бы не считали стада;
Свирелки также нужны мне. 2

Я помню, как была мала,
Пастушка поцелуй дала;
Неужли пастуху в награду,
За прежнюю ему досаду,
Пастушка поцелуй дала? 2

Какая прибыль от того,
Я в том не вижу ничего:
Не станет верить он обману,
Когда любить его не стану;
Я в том не вижу ничего. 2

Любовь, владычица сердец,
Как быть, научит наконец:
Любовь своей наградой платит
И даром стрел своих не тратит;
Как быть, научит наконец. 2

Пастушка говорит тогда:
Пускай пастух придет сюда;
Чтоб не было убытка стаду,
Я сердце дам ему в награду;
Пускай пастух придет сюда. 2

<1773>

ЗАГАДКИ

I

Я матерью имею землю,
Но бытность прежде я имел;
Происходя потом, был зелен, сер и бел;
Впоследок темный цвет приемлю,

Затем, чтоб мог давать я свет,
И без труда меня никто не назовет.
Живу в простых избах, коль тамо мог приметить,
Читатель, ты меня теперь не мог не встретить.

II

Чтоб мог, читатель, ты меня именовать,
То должен девять букв различных ты собрать,
Из коих если ты по нескольку убавишь,
Премножество других различных слов составишь.
И можешь ты во мне сим образом найти
Ту конску часть волос, что любим мы плести,
Монету, элемент и некоторо бремя,
Холодный света край, горячесть неку, время;
Найдешь во мне людей ты храбрых ремесло;
Два раза ты найдешь число;
То слово, что в простой мы речи произносим,
Когда чего мы просим;
И слово, кое мы в то время произносим,
Как мы, сердясь, кого толкаем иль выносим;
И ту животную, что мы на теле носим.
Найдешь ты в буквах сих
Высокость, внутренность и низость мест земных,
Бесчисленность одних летающих творений,
Колясочную часть и часть стихотворений.
Найдешь ты имена: того, кто крадет нас,
Того, кто к краже покушает,
И место страшное, куда в последний час
По вере осужден, кто в свете согрешает;
То слово, как зовем мы ползающу тварь;
То качество, каким особо был порочен,
Когда в Израиле явился полномочен,
Египетский, в волнах утопший древле, царь.
И состояние в рожденьи человека,
Каков выходит он на свет,
И свойство, коим мы, в средине наших лет,
Приобретаем честь или хулу для века.
То имя ты найдешь, что мы даем вещам,
За кои ничего, их взяв себе, не тратим;
То место, кое мы городим, суем, платим,
Колотим и клеим, чтоб то поправить нам.

Найдешь природное орудие скотов,
Растуще дерево и некотору птицу,
И наречение рожденных отроков,
И место, где сушим мы рожь или пшеницу,
Погоду, пагубную ей.
Найдешь селение людей,
И место праведных, и то, что летом в поле
Крестьянин бережет и навещает боле;
И ту роскошную приятность, наконец,
Которой я отец;
Но чтоб родить ее, меня и жмут и давят,
И после за ничто оставят;
Когда же ко всему прибавишь ты одно,
Я значу сорок слов и, если хочешь, боле.
В твоей, читатель, воле:
На рифму прибирай, поставя в первых *дно.*

<1773>

НЕУМЕРЕННОСТЬ

Всяк ищет лучшего, на том основан свет;
И нужен иногда к терпенью нам совет.
В Сибире холодно, в Китае больше преют,
И люди то сносить умеют.
Но, Муза, далеко меня ты занесла:
В Китае побывать, и побывать в Сибире
Подале, нежели отсюдова в Кашире,
И надобно туда дорогам быть пошире.
Поближе я найду в пример такой Осла.
Мужик, пастушья ремесла,
Гонял на корм сию скотину,
И выбрал лучшую долину.
Долина у реки, трава была густа,
И близки от двора хозяйского места;
На что же далеко носить ему дубину?
А на другом краю реки
Паслись Быки
У пастуха Луки;
Казалося, туда пути недалеки.
Их кормом мой Осел прельстился:
Прискучило ему давно

Есть каждой день одно,
И переправиться однажды покусился,
К Быкам пустился,
Да та беда,
Что не было туда
Сухой дороги.
А надлежало плыть; в болоте вязнут ноги.
Река
Была топка.
Кричит пастух и стонет,
Увидя, что Осел в болоте тонет.
Он мнил, что глупую скотину воплем тронет;
Однако мой Осел
На крик пастуший не смотрел.
И на средине
Увяз по горло в тине.
Осел
В болоте сел;
Раздумал ехать в гости,
И был бы рад
Отправиться назад;
Но порывался он хотя сто крат,
Хотя пастух в него метал каменья в злости,
Отчаян был его возврат.
К чему представлен здесь Осел, увязший в тине?
Легко поймешь, читатель, силу слов:
Великие стада найдешь таких Ослов,
Которые, своей противяся судьбине,
Пускаются в опасный путь,
Дабы сыскать там что-нибудь,
И часто на пути принуждены тонуть.

<1773>

РЕЦЕПТ БОЛЬНОМУ

Когда любовный бог приемлет в сердце царство,
Рассудок слабое против него лекарство:
Имеет оный бог и силу и коварство.
Когда своей стрелой поранит он кого,
Ничто не исцелит, кроме лекарств, его.

<1773>

СТИХИ НА ДРУЖБУ

Без дружбы человек себя особо зрит,
Пустыннику подобен,
Который жизнь влачит,
К утехам неспособен;
Но дружбою свое
Мы множим бытие.
О дружба, дар небесный!
Тобою счастливы на свете мы,
Тобою кроткие умы
Чувствительных сердец союз узнали тесный.
Тишайшее пристанище души,
О дружба! наконец ты стих мой доверши,
И будь толико в нем любезна,
Колико ты полезна.

<1773>

СТИХИ НА ДАЧУ, НАЗЫВАЕМУЮ „КРАСНАЯ МЫЗА“, 1775 ГОДА

Болота превратить в прекрасные луга,
Извлечь из недр земли ключи потоков чистых,
Повсюду взор привлечь на тропки, на брега,
Явить во всей красе приятность рощ тенистых,
Гуляющим дарить веселье и покой, —
Таких блаженных мест чудесное начало
В старинны времена богам принадлежало,
Но ныне строится Нарышкиных рукой.

<1775>

ОТ ЗРИТЕЛЯ КОМЕДИИ „НЕДОРОСЛЯ“

Почтенный Стародум,
Услышав подлый шум,
Где баба непригоже
С ногтями лезет к роже,
Ушел скорей домой.
Писатель дорогой!
Прости, я сделал то же.

<1782(?)>

РАЗГОВОР МЕЖДУ МИНЕРВОЙ И АПОЛЛОНОМ

Минерва

Почто прискорбный вид являешь,
Когда на Геликон взираешь?

Аполлон

В счастливейших в России днях,
Как мудрость пресекает страх,
Свободу музам отверзает,
Невежд в границах заключает,
Богиня! знаешь, сколько крат
Обтек я в радости твой град;
Я видел ныне муз молчащих,
Я видел их подобно спящих.

Минерва

Желание я знаю муз;
Я их возобновлю союз;
Наукам верну дам подпору
И в нову почесть их собору
Возвысить область в них мою,
Начальство Дашковой даю.

<1783>

СТИХИ К ДЕНЬГАМ

Божественный металл, красящий истуканов,
Животворящая душа пустых карманов,
Подпора стариков, утеха молодых,
Награда добрых дел, нередко и худых,
Предмет воюющих, покой живущих мирно,
И досажденье тех, у коих брюхо жирно,
Здоровья, бодрости и силы подкрепитель,
Сподручник счастия, свободы искупитель,
Магнит торгующих и бог ростовщиков,
Разумных добрый вождь и гибель дураков,
О деньги, к вам стихи писать предпринимаю,
Но, муза, не тебя я в помощь призываю,

Ты так же, как и я, карманами бедна,
И нагота твоя в картинах нам видна;
Велика ты душой и разумом богата,
Правдива и честна, и в песнях торовата;
Твоею лирою пленяюсь часто я,
Но участь скудная известна мне твоя..
Отец стихов Гомер, твою приявши лиру,
В наследство славу лишь свою оставил миру.
Анакреона ты подобно возбуждала,
И щедро ты его стихами награждала,
В весельях ел и пил, и жил Анакреон,
Но что оставил нам? Одних лишь песней звон.
Овидий, коего ты нежностью снабдила,
Овидий, коего пером любовь водила,
Кто сладким, наконец, творением своим
Пленил толико всех, колико древний Рим,
Овидий, коего стихи Кларисе любы,
В холодном Севере скончал свой век без шубы.
Другой чрез много лет, писав приятный вздор,
По смерти, как Гомер, в народах сделал спор:
Потомки разные доказывать трудились,
Что с сим писателем в одной земле родились;
Высоко ставили себе такую честь,
Коль город, где возмог пиита произвесть,
Но о стяжательном никто не спорил праве
Того, которого завидовали славе.
Хоть слава шумная имеет много уст,
Но слава, как и я, карман имеет пуст,
Летая налегке в подсолнечной с трубою,
Металлов не берет богиня та с собою.
Везде о всех и всем все вести говоря,
Нагая носится чрез горы и моря.
О деньги, нет у вас ушей, ни глаз, ни гласа,
Но чувства вам не раз давал певец Парнаса,
Я прежни приведу на память чудеса:
Когда Орфей играл, плясали древеса,
И камни, что поля неплодным удручали,
От песней двигались и чувство получали.
Преобращалася тогда земля в металл,
Курс денег с той поры известен в мире стал;
Тогда произвелась ходячая монета
И стала колесом вертящегося света.

Движенье новое земной воспринял шар,
За деньги всякий всем даваться стал товар;
Тогда осыпалась земля сребром и златом,
Богатый без родства богатому стал братом;
Не то ли век златой, известный нам в стихах,
Который и поднесь хранится в кошельках?
И некто написал, что стали человеки
В железных сундуках хранить златые веки.

<1783>

ПЧЕЛЫ И ШМЕЛЬ

Пчелино общество, с тех пор как создан свет,
Житейских должностей всегда примером было,
Всегда союз любило,
Всегда носило мед.
Вблизи каких-то Пчел пчелиный подражатель,
Знакомец иль приятель,
Устроивши в земле конурку и постель,
Работал также Шмель.
Куда летит Пчела, туда и Шмель летает,
И также мед таскает.
Хорош такой сосед,
Который носит мед;
И Пчелы, чтоб завесть с соседом хлебосольство,
Судили нарядить нарочное посольство,
Шмеля просить,
Чтоб вместе жить
И вместе мед носить.
К Шмелю от матки Пчел явились депутаты:
«Послушай, — говорят, — поди ты к нам в дуплю,
У нас просторно и тепло.
Мы будем завсегда друзья твои и браты,
И во́зьмем всех Шмелей к себе из подземель». —
«Я род пчелиный почитаю,
И вашу добродетель знаю, —
Ответствовал им Шмель. —
Но в вашем обществе живут нередко Трутни,
Которые творят и шалости и плутни;

Их плутни разбирать,
Так время потерять.
Я знаю цену службы
И всей пчелиной дружбы:
Хотя же у себя тружуся я един,
Но в доме я моем свободный господин».

<1783>

ЖУРАВЛИ И КОМАР

В пути под облаками
Летели Журавли;
Внизу, вблизи земли,
Своим путем летит Комар над муравами.
«Комар, Комар летит,
Комар, Комар жужжит,
Как будто равен с нами!» —
Вскричали Журавли.
Но что Комар в ответ жужжит над муравами?
«Мой путь вблизи земли,
Ваш путь под небесами;
Летаю и жужжу не для досады вам,
Не трогайте меня своими вы носами;
А мой комарий нос не вреден Журавлям».

<1783>

СТАНС
К ДМИТРИЮ ГРИГОРЬЕВИЧУ ЛЕВИЦКОМУ

Левицкий! начертав российско божество,
Которым седьм морей покоятся в отраде,
Твоею кистью ты явил в Петровом граде
Бессмертных красоту и смертных торжество.
Желая подражать парнасских сестр союзу,
Воззвал бы я, как ты, себе на помощь музу
Российско божество пером изобразить;
Но Аполлон его ревнует сам хвалить.

<1783>

К МОЕМУ ДРУГУ

Мой друг! не ведаю, какому чуду веришь,
Коль с музами меня желаешь сочетать;
Ты слабый мой талант по чувству дружбы меришь,
Иль власть твою во мне желаешь испытать.
Не буду говорить, что в жизни всяко время
Свое имеет бремя,
Что музам я себя не ставлю в женихи,
Тебе в угодность я хочу писать стихи.

<1783>

СЛУХ И ВИДЕНИЕ

Сатир в своей пещере,
Желая вещи знать по вере,
У всех летучих вопросил:
«Зачем Пчела везде летает?»
Кузнечик доносил,
Что он не в дальности от улья обитает
И что к Кузнечику Пчела гудеть летает.
Спросил у Саранчи: в ответ из-за плеча,
Шепча,
Сказала Саранча,
Что так, как и она, Пчела гулять летает.
Спросил у Бабочки: летает на цветы
И машет там крылами.
Спросил у Воробья: летает на кусты,
Порхать между ветвями.
И каждый, наконец, как чувствовал иль знал,
По-своему сказал.
Сатир, подумавши, ко улью сам явился.
Из уст самой Пчелы вопрос тогда решился:
Ты видишь улей сам; ответ найдешь внутри,
Приди да посмотри.

<1783>

ЛЕВ И РЕБЯТА

Ребята на лугу играли,
Шары себе катали.
Пришел к игрушкам Лев,

Пришел, и тут же сев,
Здорово им, как братам,
Он, лапу приподняв,
Вещает так ребятам:
«Давай катать шары; кто выйграет, тот прав».
Ребята Льву в ответ: «Мы свой храним устав.
Мы лапу львиную высоко почитаем,
Но родом, из веков, со Львами не играем».

<1783>

БАСНЯ НА ПОСЛОВИЦУ:
ВОЛЯ СО МНОЮ ТВОЯ, А ПО ПРАВДЕ УСАДЬБА МОЯ

Какой-то добрый сад —
Не ведаю, каким случаем, — нажил славу,
Что есть в саду под грушей клад,
И многие твердят
То вправду иль в забаву.
Другие требуют довóдов и примет,
Без коих верной правды нет.
Родился спор в народе,
И каждый, в мысленной свободе,
За спором бился об заклад,
Что есть иль нет под грушей клад.
Чтоб в споре успокоить души,
В саду искоренить потребно было груши,
Без дела, невпопад.
Но сад хозяину и груши нужны были;
Хозяин вспомнил то, что спорщики забыли:
«Я с вами, — им сказал, — не бился об заклад;
Представлю только вам, что мне мой нужен сад».

<1783>

СТАНС К Л. Ф. М.

Собор парнасских сестр мне кажет прежню лиру;
Приятно вспоминать во осень лет весну;
Я вновь хочу воспеть иль Хлою, иль Темиру, —
Не смею лиру взять, в свирель играть начну.

Пускай мое перо их прелести представит,
Меня воспламенит их петь сама любовь...
Темира ль, Хлоя ли стихи мои составит,
Я чувствую, увы! что в жилах стынет кровь.

Не примут дани сей ни Хлоя, ни Темира,
Одна и та равно прелестна, хороша;
В победах красоты, во всех забавах мира —
Скучна живет любовь, где страстна лишь душа.

Но сей ли только путь пиитам узаконен?
Пиши сатиры ты, мне муза говорит,
Ко оскорблению людей мой ум несклонен,
И нравы исправлять не мне принадлежит.

За слово невзначай рассердятся другие,
И острые умы припишут слову толк, —
Загадки Сфинксовы возникнут в дни златые,
Где глас лжемудрости давно уже умолк.

Не делав людям зла и им желая блага,
Словами острыми невинно досаждать
Прилична может быть во младости отвага,
А в зрелом возрасте прилично рассуждать.

Но, внемля гласу муз, не буду я безгласен;
Что петь — у множества народов вопрошу;
От бытностей вещей мой будет стих прекрасен,
Екатерину я на лире возглашу.

Иной вещает мне: она, прервав препоны,
Из диких прихотей ум общества творит,
И благонравия и кротости законы,
К незыблемому всем спокойствию, дарит.

Другой, красясь мечом, победой увенчанным,
Сторично за нее желает кровь пролить,
И всюду с мужеством и сердцем постоянным,
Ревнуя, ищет сам врагов ее разить.

Взводя усердный взор на Павла и Марию
И в отраслях от них породу чтя богов,

Иной поет сто крат счастливую Россию,
Блаженство стран ее счисляет в круг веков.

Другой, обременен несчастною судьбою,
Прибегну я под кров Минервы, говорит,
Речет: прейдут беды; он видит пред собою
Минервы россиия божественный эгид.

Но в ревности, ее щедротой воспаленный,
Кто хочет боле знать, коль глас парнасский мал,
Пускай пространнее вопросит у вселенной, —
Она дополнит то, что кратко я сказал.

<1784>

СТАНС
К МИХАИЛУ МАТВЕЕВИЧУ ХЕРАСКОВУ

Творец прехвальной «Россиады»,
Любитель и любимец муз,
Твой глас, под скипетром Паллады,
Удобен множить их союз.

На лире ли когда бряцаешь
Екатеринины дела,
Сердца ты сладко проницаешь,
Святится праведна хвала.

Желаешь ли ты править нравы —
Перо твое являет нам
Священны Нумины уставы
За дар счастливым временам.

Пильпаи, Федры, Лафонтены
Тебе могли бы подражать.
Во храм ли вступишь Мельпомены,
Ты можешь страсти возбуждать.

Пастушьи ль игры, или смехи,
Иль сельску славишь простоту —
Являешь новы в ней утехи,
Поя природы красоту.

Гнушаяся ль когда пороком,
Желаешь добродетель петь —
Твой ум, в течении широком,
Нигде не может укоснеть.

Твоим пленяясь стихотворством
И петь тобою ободрен,
К совету твоему упорством
Мой разум не был отягчен.

Привержен к музе справедливой,
Я чувствовал во времена,
Что стыдно быть бесплодной нивой,
Где пали добры семена.

Но лишь к Парнасу приближаюсь,
Страшусь пиитов я суда;
И в песнях скоро утомляюсь,
И тщетного бегу труда.

Коль судишь ты меня нестрого,
Воспримешь ревность вместо дел;
Хоть петь тебя не мог я много,
Но чувствовал, когда я пел.

<1784>

ПРИЯТНОСТЬ ПРОСТОЙ ЖИЗНИ

Трудящийся судья!
Устав от должностей заботливого чина,
Приди покоиться в гостях у селянина,
Где мирны дни ведет счастливая семья;
А чтоб такое диво
Не возмогло тебе представиться за лживо,
Спроси у всей семьи спокойных дней секрет,
И вот тебе в ответ:
«Во время нашего досуга
Не затрудняем мы друг друга
Делами свыше нас;
Хоть дел других не охуждаем,
А только рассуждаем,

Как лучше сделать нам на круглый год запас,
К простому вся дни пиру.
Кто хочет ссориться, того склоняем к миру,
Для рассудку полну мочь;
От споров мы отходим прочь,
Коварных нас оставить просим,
И жалоб в люди не приносим,
Себя не ставим во святых:
Имеем слабости, имеем недостатки,
Об них болтаем без украдки,
Не трогая чужих.
Своих, меж шуток, мы без желчи критикуем,
Не мысля зла другим, как лучше жить толкуем.
Бежим ловящих нас похвал;
И если иногда, подчас, из доброй воли,
Придет Фортуна к нам откушать хлеба-соли,
Мы рады тем, чем бог послал».

<1784>

ПЕСНЯ

Много роз красивых в лете,
Много беленьких лилей,
Много есть красавиц в свете,
Только нет мне, нет милей,
Только нет милей в примете
Милой, дорогой моей.

Если б сам Амур был с нею,
Он ее бы полюбил;
Позабыл бы он Психею
И себя бы позабыл, —
Счастлив участью своею,
Век остался бы без крыл.

В ней приятны разговоры,
В ней любезна поступь, вид;
Хоть привлечь не тщится взоры,
Взоры всех она пленит;
Хоть нейдет с другими в споры,
Но везде любовь живит.

<1786>

СТИХИ К СОЧИНИТЕЛЮ РАЗНЫХ НОВЫХ РУССКИХ КОМЕДИЙ

Отечество любя,
Являть ему пути спокойства, счастья, славы;
Смягчая грозные и грубые уставы,
Приятность с пользою мешать в свои забавы;
Забавами желать людские править нравы,
Другим желанием людей не оскорбя, —
Не суть ли то дела, достойные тебя?

<1786>

СТАНСЫ

Кто царства новые порабощает троны,
Из титла рабского кто подданных извлек,
Кто зиждет новые в России Геликоны,
Та царствуй и живи Мафусаилов век!

Кто дал отечеству премудрые законы,
Блаженство общее кто собственным нарек,
Кто новый кажет блеск вседневно от короны,
Та царствуй и живи Мафусаилов век!

Кто грозные извлек из бурных вод препоны,
Кем радостнее Мста, плавнее Днепр потек,
Для блага подданных кто роздал миллионы,
Та царствуй и живи Мафусаилов век!

Кто, страшные врагам устроив легионы,
Как твердою стеной отечество облек,
На суше и морях поставил обороны,
Та царствуй и живи Мафусаилов век!

Придите в Север к нам, Гомеры и Мароны!
Здесь музам храм отверст, здесь счастлив человек,
Здесь милость царствует, здесь кроткие законы,
Придите! пойте вы Екатеринин век!

1786 или 1787

ПИСЬМО ПОСЕЛЯНИНА К ВОЕНАЧАЛЬНИКУ

Мой друг! не удивись, что в пахотной работе,
Без светских пышностей, без славы, без чинов,
Питая свой живот в смирении и в поте,
И несколько минут покоясь от трудов,
По неким чувствиям и некакой охоте,
Отважился писать я несколько стихов.
Не удивись, когда в усталости над плугом,
Не зная, как тебя назвать и отличать,
В мужицкой простоте зову тебя я другом,
Чтоб трудным вымыслом тебя не величать.
Мой друг! я ведаю, хоть носишь платье цветно,
Хоть золотом обшит от головы до ног,
Хоть счастие твое другим всегда приметно,
Ты редко с лаврами покоиться возмог.
И может быть, что я, в миру с моим соседом,
Большею частию трудяся для себя,
Спокоен спать ложась, доволен за обедом,
Почасту нахожусь счастливее тебя;
В сей участи меня никто не обижает;
И зависть самая молчит, узря мой труд;
Никто меня, мой друг, никто не унижает,
По воле ль дань плачу или с меня берут,
Всегда моя рука другого снабдевает,
И люди обо мне напрасного не врут.
Я дал оброк и всё, и подать государю,
Я дал и рекрута и к рекруту коня;
И в доме я теперь покойно репу парю,
Хоть знаю, что еще попросят от меня.
Ты знаешь, что мой сын в войне два года служит
И ходит, говорят, с простреленной ногой;
Однако с турками воюет и не тужит,
Пока безногого не пошлют на покой.
Солдатски хлопоты, оброк и подать вдвое
Не разоряют нас при добрых головах;
Кони и рекруты — то дело нажитое,
Удалые у нас ребята есть в домах.
Готовы мы служить за правду и за веру,
И, буде нужно, то готовы умереть.
Ты, друг мой, служишь сам по нашему примеру,
Случается и всем грудьми рожон переть,

Иным пришло в живот, иным досталось в руку,
У Марки сватьина отшибли ногу прочь,
Гараськиным зятьям, племяннику и внуку
Стесали головы, зашедши сзади в ночь.
И сам ты близко был, как шли на нас татары,
И сам ты жар терпел от ядер и от пуль;
И если б не имел фузей запасной пары,
Подчас отведал бы и сам свинцовых дуль.
Солдатам страха нет и нет о том печали,
Что турков к ним идет великое число,
От смерти не бежим, от драки не устали, —
Такое, брат, у всех военно ремесло.
Да только я скажу одно тебе по дружбе,
Коли смышлять о том тебе досуга нет:
Мой ум не помрачен заботами на службе;
Я, сидя на печи, спокойней вижу свет,
Смышляю иногда, что много ты потеешь,
Но нет тебе, мой друг, покоя никогда;
Ты грамоте горазд и дело разумеешь,
Почто ж о мире ты не пишешь никуда?
Не всё-то дракою, не всё творится боем:
Имеешь разум ты, и слово, и язык;
Не всё-то города берутся крепким строем,
Не всё-то меж людьми по силе ты велик.
Почто не пишешь ты к турецкому султану
Примерно так, мой друг, как я к тебе пишу?
Подмогою тебе вперед служить я стану
И здравия тебе у господа прошу.

1789(?)

ПОРТРЕТ РОССИЙСКОГО ПОЛКОВОДЦА

Когда твой блещет меч в полках,
Ты сыплешь сопротивным страх;
И где героев ободряешь,
Везде победы ускоряешь.

Во славе почестей, в венцах,
Ты ищешь мзды твоей в сердцах;
Высокость титлов забываешь
И их собою украшаешь.

Размерив веки на весах,
В твоих покойнейших часах
Ты осчастливить всех желаешь
И всем довольство разделяешь.

В беседах, в дружеских пирах,
В забавах, в праздничных играх
Ты цену жизни ощущаешь
И скуки в смехи превращаешь.

Когда пиит в простых стихах,
Забыв творений многих прах,
Плетет хвалы тебе, прощаешь
И их делами возвышаешь.

1791(?)

ВАСИЛИЮ ГРИГОРЬЕВИЧУ РУБАНУ

Пленяся образом отечества отца,
Достойно он достиг парнасского венца; [1]
И боле бы еще от славы увенчался,
Когда бы завсегда подобным обольщался.

<1795>

СТАНС

Без тебя, Темира,
Скучны все часы,
И в блаженствах мира
Нет нигде красы;
Где утехи рая
Я вкушал с тобой,
Без тебя, драгая,
Полны пустотой.

Я в печали таю,
Время погубя,
Если день кончаю,
Не узря тебя;

[1] Имев талант стихотворения, он особо славен известною надписью к конной статуе, воздвигнутой на берегу Невы матерью отечества отцу отечества.

День с тобой в разлуке
Крадет жизнь мою:
Без тебя я в муке,
А с тобой в раю.

Если я примечу
Твой ко мне возврат,
Сердце рвется встречу,
Упреждая взгляд.
Придешь — оживляешь,
Взглянешь — наградишь,
Молвишь — восхищаешь,
Тронешь — жизнь даришь.

1790-е годы

СТИХИ К МУЗАМ НА САРСКОЕ СЕЛО

В приятных сих местах,
Оставив некогда сует житейских бремя,
Я с лирой проводил от дел оставше время,
И мысль моя текла свободно во стихах.[1]
О Муза! если ты своим небесным даром
Могла животворить тогда мои черты,
Наполни мысль мою подобным ныне жаром,
Чтоб Сарского села представить красоты;
Великолепие чертогов позлащенных,
Которых гордый верх скрывается меж туч;
Различный вид гульбищ, садов и рощ сгущенных,
Где летом проницать не смеет солнца луч.
Екатерине там послушны элементы
Порядок естества стремятся превзойти:
Там новые водам открылися пути
И славных росских дел явились монументы.
В их славу древность там
Себе воздвигла храм
И пишет бытия времен неисчислимых,
Какие видел свет
В теченье наших лет.
При множестве чудес, уму непостижимых,
Представив, Муза, мне приятности садов,

[1] Сочинитель, жив в Сарском селе в 1765 году, сочинил там поэму, известную под титулом «Блаженство народов».

Гульбищи, рощи, крины,
Забыла наконец намеренье стихов
И всюду хочет петь дела Екатерины.

1790-е годы

ИЗ ПСАЛМА 18
НЕБЕСА ПОВЕДАЮТ СЛАВУ БОЖИЮ

Славу божию вещают
Неизмерны небеса,
И всеместно восхищают
Бренный ум и очеса.
Там бесчисленны планеты,
В лучезарный свет одеты,
В высоте небес горя,
Образуют всем царя.

Но спусти, о смертный, взоры
От небес пространных в дол!
Там горам вещают горы,
День и нощь дают глагол;
Тамо твари удивленны
От конца в конец вселенны
Произносят общий клик:
Коль создатель их велик!

О прекрасное светило,
Коим блещет естество!
Не в тебе ли начертило
Высшу благость божество?
Ты, вселенну обтекая,
От краев земли до края,
Сыплешь в хлад и темноту
Живоносну теплоту.

Бога видеть неудобно;
Ум смиряется пред ним;
Но закон его подобно
С солнцем блещет ко земным.
Гонит мрак греховной ночи,
Просвещает умны очи
И живит весельем дух,
Кто к нему приклонит слух.

Но всегда ли ум постигнет,
Коль закон сей прав и благ?
Боже! если в зло подвигнет
Мысль мою коварный враг, —
Ты святым своим законом
Пред твоим блестящим троном,
Зря смятение души,
Путь мой свято соверши.

Неизвестные годы

* * *

У речки птичье стадо
Я с утра стерегла;
Ой Ладо, Ладо, Ладо!
У стада я легла.
А утки-то кра, кра, кра, кра;
А гуси-то га, га, га, га.
Га, га, га, га, га, га, га, га, га, га.

Под кустиком лежала
Однешенька млада,
Устала я, вздремала,
Вздремала от труда.
А утки-то кра, кра, кра, кра;
А гуси-то га, га, га, га.
Га, га, га, га, га, га, га, га, га, га.

Под кустиком уснула,
Глядя по берегам;
За кустик не взглянула,
Не видела, кто там.
А утки-то кра, кра, кра, кра;
А гуси-то га, га, га, га.
Га, га, га, га, га, га, га, га, га, га.

За кустиком таяся,
Иванушка сидел,
И тамо, мне дивяся,
Сквозь веточки глядел.
А утки-то кра, кра, кра, кра;
А гуси-то га, га, га, га.
Га, га, га, га, га, га, га, га, га, га.

Он веточки и травки
Тихохонько склонил;
Прокрался сквозь муравки,
Как будто тут он был.
А утки-то кра, кра, кра, кра;
А гуси-то га, га, га, га.
Га, га, га, га, га, га, га, га, га, га.

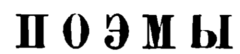
Почасту ветерочек
Дул платьице на мне;
Почасту там кусточек
Колол меня во сне.
А утки-то кра, кра, кра, кра;
А гуси-то га, га, га, га.
Га, га, га, га, га, га, га, га, га, га.

Мне снилося в то время,
Что ястреб налетел
И птенчика от племя
В глазах унесть хотел.
А утки-то кра, кра, кра, кра;
А гуси-то га, га, га, га.
Га, га, га, га, га, га, га, га, га, га.

От ястреба поймала
Я птенчика сквозь сон;
Я птенчика прижала,
Прижался также он.
А утки-то кра, кра, кра, кра;
А гуси-то га, га, га, га.
Га, га, га, га, га, га, га, га, га, га.

Сон грозный не собылся,
То был лишь сонный страх;
А въяве очутился
Иванушка в руках.
А утки-то кра, кра, кра, кра;
А гуси-то га, га, га, га.
Га, га, га, га, га, га, га, га, га, га.

Неизвестные годы

ПОЭМЫ

БЛАЖЕНСТВО НАРОДОВ

Пою блаженный век и непорочны нравы
В начале бытия счастливейших времен;
Пою правительства священные уставы
И власть, хранящую покой земных племен.

В селении небес пространном обитая,
Спусти ко мне свои пресветлые лучи,
Твоим влиянием, о истина святая,
Внушить твой смертным глас мой разум научи.
Вдохни в меня твои божественны законы;
Представь, как смертные в природном бытии
Прияли от тебя и скиптры и короны,
Дабы предписывать уставы нам твои.
Представь перед очми ты Павла молодаго
Начальный в естестве благополучный век,
Как числил всяк свое в спокойстве общем благо,
Как сам давал себе законы человек;
Как прежде он свой долг любил беспринужденно,
Не быв никаковым уставам покорен;
Как время, наконец, явилося пременно
И новый смертному был жребий положен.
А вы откройте путь в жилище ваше дивно,
О музы! я умом взнестись отважусь к вам,
В места, где царствует весна бесперерывно
И где сооружен божественный ваш храм;

Где светит вечный день и мрак незнаем нощи,
Где ревностным сердцам всегда отворен вход.
Позвольте мне вступить в священны ваши рощи
И оживляющих коснуться ваших вод.
Но, Музы, я не с тем вхожу в ваш храм почтенный,
Чтоб вымышленными примерами богов,
Высокопарностью и красотой надменной
Украсить искренность простых, усердных слов.
Я с Пиндаром не тщусь быть славою возвышен:
Не славным в свете я — полезным быть хочу;
Коль глас мой в простоте меж вами будет слышен,
Я всю свою тогда награду получу;
Лишь тем должна быть песнь моя красна и стройна,
Коль места в ней иметь не будет подла лесть,
Коль будет Павлова приятия достойна,
Коль истину пред ним потщится превознесть.

Се книга Вечности разгнулась предо мною,
Где все представились прешедши времена,
И все, вмещенные обширностью земною,
Бесчисленные в ней явились племена.
Открылся образ мне первоначальна века,
В котором царствовал еще природы глас;
Из недр небытия исшедша человека
Я вижу на земном пространстве в оный час;
В тот час, как он свое увидел совершенство,
Одними чувствами своими научен,
Как каждый взор ему казал его блаженство
И каждым новым был предметом восхищен.
Пять чувств ему вещей познание открыли,
Которое его ко счастию вело,
И чувства лишь к его довольствию служили:
Не знал он их тогда употреблять во зло.
Невинности его не развращали страсти:
Желаний дале нужд своих не простирал,
А только то желал, что он имел во власти,
И, следственно, имел он всё то, что желал.

В согласии узря и в тишине приятной
Исшедших из своей утробы мирных чад,
Земля, казалося, давала плод стократный
И представляла им обильный вертоград.

Их кротости тогда и нраву подражая,
Свирепейшие львы подобились овцам;
Повсюду правда, мир и тишина святая
Являли божества присутственного храм.
Не смели приступать туда гоненье, зверство,
Презренье, ненависть, пронырство и обман,
Ложь, гордость, клевета, притвор и лицемерство,—
Чуждались смертные в то время сих имян.
Не угрожало им железо смертоносно,
Соделанное днесь к погибели людей;
Но было вспахано им поле плодоносно
И не губило жизнь, давало помощь ей.
Сие вреднейшее, грызущее нас жало,
Источник алчности и корень гнусных дел,
Корыстолюбие сердец не заражало;
Никто отъемлемым именьем не владел.
По праву сильного никто тогда не мыслил,
И ближнему чрез то не причинял обид;
Но каждый был богат, хотя никто не числил,
Что дом, земля иль плод ему принадлежит.
Земля считалася в то счастливое время
Неразделимою питательницей всех,
И люди бедности не чувствовали бремя
Среди довольствия, покоя и утех.
«Премудро божество на то, — они вещали, —
Рассеянием нас умножило наш род,
Дабы взаимно мы друг другу помогали,
Дабы приобрели чрез то сугубый плод.
С природным человек родится побужденьем
К необходимейшим во обществе трудам,
И, пользуяся всем других людей именьем,
Взаимно к пользе всех трудиться должен сам».
Отверсты находя для всех земные недра,
Где все заключены сокровища земли,
Сей дар, который дан от божества прещедра,
По мере нужд всегда и все извлечь могли.
Богатства естества имея в равной воле,
Довольствовался им равно велик и мал;
Коль кто приобретал перед другими боле,
Избыток одного всех прочих награждал.
Сие собрание, трудящееся в поте,
Пчелам подобилось, носящим в лете мед:

Друг другу подражал в раченьи и в охоте,
И друг за другом шел, трудяся, каждый вслед.
Но вскоре жители сии трудолюбивы
Во удовольствии забудут легкий труд,
Когда их тучные и плодоносны нивы
Сторичные плоды впоследок воздадут.
И в скором времени веселья повсечасны
Последуют за их раченьем и трудом;
В довольстве и скоты их радостей участны,
Оставя в поле плуг, покоятся потом.
Исполнен каждый был ко ближнему любови,
И в каждом почитал и брата и отца;
Они считали все себя единой крови,
Имея бытие от одного творца;
Без лести искренен, без страха праводушен,
Всех общий был слуга, и родственник, и друг,
Без рабства человек другому был послушен,
И тем крепилася взаимность их услуг.

О ты, чистейших душ невинно утешенье,
Приятнейшая страсть чувствительных сердец,
Любовь, дающая нам всем одушевленье!
Твои я нежности представлю наконец.
В то время не были еще сердца суровы,
Обыкши радости едины ощущать;
И для утех всегда отверсты и готовы,
Не знали оных в стыд и горесть превращать.
В них строгость никогда не находила места;
Не пышность их влекла, богатство или чин
И не вручалася на жертву им невеста,
Но выбор оныя господствовал один.
Тот ею обладал, кто мил и кто ей лестен,
Тот ею был любим, кому она мила.
Таков союз любви похвален был и честен:
Когда невинен нрав, невинны и дела.
Ревнивость никогда любви не огорчала,
И подозрения не мучили сердец!
А ежели любовь в желаньях погасала,
Началом новых был утех ее конец.
Любовник не вздыхал, не мучился напрасно,
Когда любовницу несклонну находил:

Коль сердце не было ее взаимно страстно,
Пленялся он другой, для коей был он мил.

На Марсовых полях руки не воружали
Ни слава тщетная, ни злобствующа месть,
И сами титлами себя не украшали,
Которые дает иль робость или лесть.
Бездушный ябедник и подлый лжесвидетель
Пред лицемерный суд безгласных не влекли;
Невинность, истина, любовь и добродетель
Повсюду счастливо хранились на земли.

Не навсегда наш ум в границах был удержан;
Нечувственно порок прокрался к нам в сердца,
Гнушался смертный им, но был ему подвержен
И, ненавидя зло, лобзал его творца.
Его познания и мысли просвещенны,
Которы делали счастливыми людей,
Ко общей были всех напасти обращены,
И человек себе первейший стал злодей.
Как будто некая бунтующая сила
Приятной тишине поревновала их;
И некой язвою вселенну заразила,
Которая ввела людей коварных, злых.
Казалось, ад тогда разверз свою утробу
И фурий испустил мучительных в народ,
Дабы посеять в нем свирепство, ужас, злобу
И человеческий терзать всечасно род.
Казалось, естество в раскаяньи стыдилось,
Неблагодарным свой истощевая дар,
И небо видеть их злодейства отвратилось,
Готовя праведный для казни их удар.
Различные тогда нас мучить стали страсти,
И заблуждения текли страстям вослед;
Различные тогда узнали мы напасти:
Числом пороков мы число узнали бед.
Тираны новые плодили вновь пороки
И неисчислимы злодейства в свет ввели,
Безжалостны к другим, бесчувственны, жестоки,
Презрели истину и честь превозмогли.
Быв прежде в тишине покоен, изобилен,
Обидел иль терпел обиды человек;

Тот был счастливей всех, кто более был силён;
Восстал на друга друг и к мщенью меч извлек,
Иной прибыток зря, иной для тщетной славы,
Иной свой собственный предупреждая страх.
В свирепстве по полям текли ручьи кровавы,
Судьба людей была в насильственных руках.
Науки сделались орудием их мести,
И разум растравлял жестокость общих ран;
Не слышал человек ни должности, ни чести,
Их глас тогда молчал и царствовал обман.

Но собственным вредом смягчаются тираны,
Влекутся к жалости строптивые сердца,
И чувствуют тогда свои и общи раны:
«Доколе наших зол,— вещают, — ждать конца?
Без сокращения довольно век наш краток;
Но мы его губи́м в неистовствах своих».
Таков разумных сих творений был остаток,
Когда взаимное злодейство тмило их.
Поверженная честь у ног тиранских мертва,
Во укорение являлась естеству;
Терпенье с кротостью была едина жертва,
Котору воздавал род смертных божеству.
Невинность, истина, любовь и добродетель,
Отвсюду изгнанны, взывали к небесам,
Дабы толиких благ источник и содетель
Им дал прибежище и кротость дал сердцам.

Прещедро божество спускает луч на землю,
Подобно как дает другую бытность ей,
И от луча творца я новый свет приемлю;
Но где искать ему достойных олтарей?
Когда умножились злодейства и развраты,
Когда была земля наполнена сирот,
Под чей покров могли гонимы быть приняты?
Где мог прибежище найти тогда народ?
Ко пресечению гнетущей всех напасти
Был избран человек подать законы всем;
Судьба народу быть в его велела власти,
Народ, покорствуя, нарек его царем,
Дабы он подданных согласие уставил

И образ кротости собою им явил,
Дабы несчастливых от гибели избавил
И прежних тишину веков возобновил.

Народ, не знающий в своих стремленьях меры,
Без правил собственных последует другим;
Ко слабости иль к злу ведут его примеры —
Он чувствует их вред, но подражает им.
Ко исполненью дел его взаимность нудит;
И добродетель все тогда любить начнут,
Когда любить ее друг друга всяк побудит,
Когда одни другим примеры подадут.
Подобно к злобе тот причин находит много,
Кто мыслит своего злодея упредить;
Он строго судит всех, судим взаимно строго,
И часто принужден иль гибнуть, иль губить.

Так должно, чтоб цари правленье воспримали
Соделать лучшую для смертных в жизни часть:
Первейший, коего народы увенчали,
Заставил возлюбить благотворящу власть.
Пресек причины он враждеб междоусобных,
Невинных принял в свой надежнейший покров;
Бессильных защитил от нападенья злобных,
Поставил правду, суд, закон и святость слов.
Беспечность праздная, ведущая к пороку,
И роскошь вредная была истреблена;
Народ, оставивший тогда войну жестоку,
Увидел на полях спокойства семена.
Прешли всеобщие стенания и муки;
Узря тишайшу власть, исчез грозящий страх, —
Тогда явили свой полезный плод науки
И добродетелям воздвигли храм в сердцах.

Внезапно восхищен мой ум виденьем странным,
Какая сладкая пленила мысль мечта!
Объялись чувства вдруг восторгом несказанным,
Отверзлись предо мной небесные врата:
Я вижу храм судеб среди светил несчетных;
Там путь непостижим и неприступен свет,
Там славится всегда отец веков безлетных,

И тамо пишет свой предведенье завет:
«Пребудешь счастлива так долго ты, Россия,
Как будет жить в сердцах Екатеринин глас:
Чтоб россы завсегда хранили дни златыя
И петь не преставал ликующий Парнас».

<1765>

ДОБРОМЫСЛ

Старинная повесть в стихах

Божественная Хлоя!
В часы твоих отрад и твоего покоя
Ты любишь иногда,
Во отдых от труда,
Читать в стихах страницы
Досужной небылицы.
На разум кротких муз
Не налагаешь уз.
Твоей улыбкой благотворной
Приятных душ питаешь жар,
И из забавы стихотворной
Счастливый производишь дар.
Не ставишь никому в обиду,
Когда по некакому виду
Найдутся в глубине веков
Давно известные гремушки дураков.
Желаешь, наконец, чтоб «Душеньки» писатель,
Старинных вымыслов простой повествователь,
Вступил в широкий путь забавнейших творцов.
Хоть прежних лет моих я жара не имею,
Желание твое преслушать не умею;
Скажу, что люди встарь слыхали от отцов:
В пустой Аравии живали прежде люди,
Не знаю, были то иль скифы, или чуди,
Или другой народ;
Но по преданиям, от рода в дальний род,
Известно каждому из многих сказок чудных,
Что тамо в областях безводных и безлюдных,

Где кроются в песках признáки городов,
Бывало много царств, овец и пастухов,
В каком ли тамо царстве,
В каком ли государстве,
В селе, иль городе, иль в поле под шатром,
Был царь, и был любим народом и двором,
И у царя была царица —
Добра, румяна, белолица;
Любовь, и дружба, и совет,
Чрез множество прошедших лет,
Повсюду их сопровождали,
В обоих процветали,
Как алый розов цвет,
Краса, приятство, младость,
И потому царя без титлов звали Свет,
Царицу просто звали Радость.
На вечну память их, поднесь,
Везде в народе, как и здесь,
Когда кого ласкают,
Подобно Радостью и Светом называют;
И чаять надобно, такие имена
Не выйдут из речей в грядущи времена.
У Света у царя, у Радости царицы
Являлися поля, обильные плодом,
Верблюды и ослы, кони и колесницы
И в царских роскошах богатством полный дом.
Но все ли дни прекрасны в лете?
Утехи без премен бывают ли на свете?
Несчастья часто льнут, как мухи, ко всему!
Легко вплетаются и в быль и в небылицы.
Случилось то ж в дому
У Света у царя, у Радости царицы;
Кто хочет знать, скажу — и как и почему:
В то время славились чудесные халдеи
Наукой тайных слов
И силою духов.
Судьбы царей и царств и участи домов
В то время строили волшебники и феи.
Они давали честь талантов и даров,
Достоинств и умов.
Бывали сельские, бывали городские;
Иные только дом бирали на удел;

Бывали добрые, бывали и такие,
Которые, не льстясь заботой добрых дел,
Творили пакости где можно, на досуге,
И всяку всячину болтали друг о друге.
Случалось иногда, и добрый и худой
Упрямую войну вели между собой.
Где добрый созидал — худой разрушить тщился,
Один благотворил — другой во вред трудился.
Подобным образом у Света у царя,
У Радости царицы
Один, добро творя,
Хранил вокруг границы;
Другой, ему на спор,
Старался наустить соседов ближних царства,
К царю через забор
Метать отвсюду сор
С надменной гордостью всевластного боярства.
Один предпринял труд,
Любя цареву славу,
В бессудную расправу
Вводить правдивый суд;
Другой, ему назло, законов разум путал,
Дела во мраке кутал
И правду клал под спуд;
Согбенны древностью благотворящи духи
И сверстницы их лет, из добрых фей старухи
Бывали иногда иль слепы, или глухи,
И многих пакостей ближайших на земли
Приметить не могли.
У Света у царя, у Радости царицы
Летали также в дом духов и фей станицы,
Которы брали вид дельцов и знатоков,
Решали все дела, судили, кто каков;
Но их решения забыты в век веков.
Меж тем таился ков
Враждующих духов,
Которы предприяли
Наслать на царский дом особые печали.

Уже пронесся слух чрез земли и моря:
У Света у царя,
У Радости царицы

Родились детища двуносы иль двулицы,
И, словом, были все уроды напоказ.
В начале первых лет приставники и мамы
Старались править их вседневно много раз;
Но каждый вырастал впоследок двуобраз;
Природные черты всегда живут упрямы.
Для славы их отца
Придворные вельможи
Носили два лица
Или двуносые подделанные рожи,
И в сказках говорят, что будто бы они
Изобрели в тот век различные награды,
Какие в наши дни
Являют маскарады.
Цена носов и харь,
Которые сначала
Без денег раздавал щедротно добрый царь,
В столице наконец без меры вздорожала,
И равная беда
Постигла города,
Затем, что все тогда,
Дая большие платы,
Старались также быть двулицы, двуносаты;
Блажен казался царь, которого народ
Любви своей к нему являл такой довод.
Но царь с царицею, когда не в людстве были,
Нередко двое выли,
Искали помощи у всех своих друзей,
Волшебников и фей,
И в горестной печали
От всех забав бежали.
Волшебник Благотвор
И Скромность, дочь его, любили царский двор;
Но их была всегда умеренна возможность:
Они давали в щит едину Осторожность.
Царя же Благотвор по дружбе наделил
Чудесной некакой водою,
От феи Мудрости взятою;
И в мире носится народною молвою,
Что царску голову он ею часто мыл.
Царице Скромность подарила
Волшебную свою печать,

И Скромность, если льзя от слухов веру брать,
Печать сию к устам царице приложила.
Такие способы, поистине сказать,
Для царства не были блистательны и громки,
Но долее могли блаженства цепь вязать,
И цепи сей конец далече шел в потомки.
Полезным действием печати и воды
Слабели видимо враждебных сил коварства,
И царь с царицею под тягостями царства
Могли тогда вкушать счастливые плоды.
У Света у царя, у Радости царицы
Плачевных повестей окончились таблицы:
У них родился сын,
По складам видимым и по приметам тайным,
Без всяких злых причин,
С порядочным лицом и с носом обычайным.
Волшебники друзья,
Приятельницы феи
К основе бытия
Прибавили затеи:
Одни ему черты
Героев подарили;
Другие красоты
Купидовы сулили;
Одни высокий ум
И мудрость обещали;
Другие наобум
Грядущих дел его историю слагали;
Таланты, счастие и самый долгий век
Ему предвозвещали,
И громко возглашали,
Что действом их опек
Он вырастет хорош и будет *человек,*
И с тем родителей заране поздравляли.
Притом произвели из неких тайных числ,
Что он определен назваться Добромысл,
По имени, от век почтенному в народе;
И первый Добромысл тогда явился в роде.
Меж тем как добрые сияли в торжестве,
В сокрытых умыслах мутились злые духи
И, будучи тогда бессильны в колдовстве,
Старались распустить знакомы в свете слухи:

Лицом дитя хорош, но будет глуповат
И, по приметам фей, наклонен к злому нраву;
И. так как бы планет последуя уставу,
Пророчили, что он не может быть женат,
Что будет на лице носить дурацку мету,
Что будет век искать себе невест по свету,
Но все искания не будут во успех,
А будут лишь в посмех.
Лукавы сонмища духов и фей противных,
Ныряя подтишком тогда во все края,
Со множеством трудов искали сбытия
Своих пророчеств дивных,
И, чаять надобно, легко бы возмогли
Чудесить на земли,
Что только было им во вред людей возможно;
Но царь всегда предосторожно
Хранил в запас воды бутыль,
Котора злых коварств уничтожала быль.
У Радости равно, на случаи заране,
Известная печать всегда была в кармане.
У сына их тогда, доколе был он млад,
В неделе и во дни бывала много крат
Водою разума головушка помыта,
И часто к вороту печать была пришита,
И то их имени да будет не в пронос,
Что тако Добромысл в отцовском доме рос:
У царского двора особы грамотеи,
И таин естества учители халдеи
Водили ум его в пространстве всех частей,
Познаний и наук, искусств и хитростей.
Историю времен, числений разны роды,
Светил небесных бег, открытие природы,
Кривой и правый толк высокотайных слов
Царевичу они глубоко в ум втвердили;
Но, наваждением, конечно, злых духов,
Науку *в свете жить* и ведать, кто каков.
Халдейски мудрецы в то время позабыли.
Ни Свет со Радостью, ни самый Благотвор,
Ни Скромность, дочь его, ни добрых сил собор
Питомца своего сколь много ни хранили,
От всех возможных зол напредь не оградили,
И может быть, что злым, умышленно во власть,

Оставили на часть
Ошибки возраста, водимого страстями,
Чтоб разными путями —
И опытом добра и опытом скорбей —
Он лучше достигал счастливых в жизни дней.
Настали скоро лета,
В которые любовь
Волнует часто кровь
И юность действует без дальнего совета.
Тогда отец и мать
Заранее пеклись найти ему невесту,
Иль, попросту сказать,
Гадали, думали пристроить сына к месту.
Женясь, он будет жить спокойно, без хлопот,
И новым племенем умножит царский род.
Такие для него в виду имели меты
Желания родных и дружески советы.
Но злобных ли духов коварные наветы,
Или бесстройная незрелых лет чреда
От доброго пути влекли его к худому,
Потрачена ль была чудесная вода,
Потеряна ль печать спасительная дому,
Во летописях нет
Дово́дов, ни примет;
Лишь то известно свету,
Из разных повестей, без всяких лет и числ,
Что юный Добромысл
Не следовал тогда разумному совету,
И нежных чувствий дар,
Какой в него тогда природою вливался,
В подобии вещей был только скорый жар —
Минутой возгорал, минутой истощался.
Царевичу предстал повсюду вид свобод,
Под коим крылся путь неволи и нестройства.
Приманчивый призра́к пленяющих красот
Далеко отстоял от счастья и спокойства.
Открылось множество невест со всех сторон:
В Египте фараон,
От самой древности ведя свою породу,
Имел любиму дочь,
По сказкам, Вышероду,

Котора ближилась к семнадцатому году
И женихов себе искала день и ночь.
Но вестно в бытиях египетской архивы,
Цари не завсегда бывали там счастливы;
И некий тамо царь,
С показанным теперь недальний однородец,
Хотя носил всегда в кармане календарь,
Особо в веке был несчастный мореходец,
И, в море некогда пустясь не в добрый час,
Со всеми силами постыдно в грязь увяз;
Хотя ж в последствии толь знатного урона
Оставил имя он в потомстве *фараона*,
Оставил множество коней и колесниц,
Оставил, наконец, в достойну память роду,
Между высоких лиц
Царевну Вышероду;
Хотя толико пышный дом
Пленил царевича вначале,
И не искал бы он потом
Себе невесты дале,
Она явилася с приданым к ней погостом;
Явилась, но была весьма велика ростом,
А он при ней был мал,
И только под плечо тупеем досягал.
Вотще старалися искусными руками,
Природе вопреки,
Подделывать ему высоки каблуки:
Он скучил зреть ее нижайшими очами,
И был довольно рад,
Когда невеста в дом отправилась назад.
Царевичева дума
Клонилася потом, оставя знатность прочь,
Понять в супружество единородну дочь
У громкого царя у Шума.
Известно всем, что то была
Летучая царевна Слава,
Которая, носясь по праву иль без права,
С трубою по путям вестила все дела.
Со Славою союз и от него потомки
Долженствовали быть во всей вселенной громки;
И не было тогда
В искании труда;

Царевна без стыда
Навстречу к жениху, одетая в полтела,
Почти, сказать бы так, нагая прилетела.
Премноги красоты
Открылися в невесте;
Но так как вестница, имея суеты,
Она не возмогла держаться долго в месте.
В начале первых числ
Влюбленный Добромысл,
Дивяся ей как чуду,
За нею бегал всюду;
Но мог ли долго он за Славой гнаться вслед?
Она везде летала,
Трубила и болтала,
По ветру впоследи пустилась дале в свет,
И где сокрылася, поныне слуху нет.
Любовь палит сердца без дальнего разбора
И не всегда дает желаемых невест.
Царевич, отдохнув, предпринял сам поезд
К двору, где славилась царевна Острозора.
Отец ее бывал
Отцу его приятель,
И был халдейских стран сильнейший обладатель;
Сидон и Тир ему овцами дань давал.
В его владении халдейские науки
И острых слов игра
Из мест, где в целый год гнездо находят жуки,
Вошли в высоку честь у царского двора;
В его владении цвела наук подпора,
Цвела, как вестно всем, премудра Острозора.
И прибыл Добромысл к халдейскому двору;
Он в детстве сам имел учителей халдейских
И ведал многу быль из повестей индейских,
Понравился царю, со всеми был в миру,
Немало говорил с царевной на пиру;
Но многих слов ее не мог понять игру,
И вскоре
Незнанием своим наскучил Острозоре.
Сражен ее умом,
В ничтожности потом
За благо рассудил обратно ехать в дом.

Последуя тогда всего народа гласу,
Старался видеть он царевну Милокрасу;
Увидел наконец и был в ее плену.
Но скоро впал в вину:
Когда она чего желала,
Любовник должен был всегда желать того ж,
И как желанья их поразнились сначала,
Царевна коротко сказала: «Нехорош».
Хотя ж сестра ее царевна Самохвала
Не так была горда,
Царевича она ни в чем не осуждала;
Но часто без стыда
Высоки похвалы сама себе слагала.
Любила обезьян, любила также клуш,
И к ним в товарищи ей надобен был муж.
Царевич, убоясь вступить на место клуши,
От милостей ее бежал, заткнувши уши.

Он видел наконец премножество невест,
Представленных ему в приятных самых масках;
Но их названья в сказках
Не заслужили мест,
И в повестях их домы
Остались незнакомы.
Древнейших вымыслов отец
И многих бытностей свидетель,
Гомер поведал наконец,
Что встретил Добромысл в дороге Добродетель,
Которая ему, с бесплодного пути,
Назначила тогда за нею вслед идти,
Ошибки юности завесою покрыла,
И тако повесть сократила.

ПЕРЕВОДЫ

ПОЭМА НА РАЗРУШЕНИЕ ЛИССАБОНА

Несчастливый народ! плачевная страна,
Где всех ужасных язв жестокость собрана!
О, жалость вечная, воспоминанье слезно!
Обманутый мудрец, кричишь ты: *всё полезно;*
Приди, взгляни на сей опустошенный град,
На сей несчастный прах отцов, и жен, и чад;
Взгляни ты на сии разрушенные стены,
Под коими лежат раздавленны их члены, —
Здесь тысячи земля несчастных пожрала;
Трепещут там в крови разбросанны тела,
Прекрасны домы их им сделалися гробы,
И, мучась, кончат жизнь среди земной утробы.
Их томный слыша вопль в подземной там стране,
Курящийся зря пепл, не скажешь ли ты мне,
Что должно было так, чтоб град сей был несчастен,
И нужно то творцу, который благ и властен?
Иль скажешь ты, смотря на трупы бедных сих,
Что бог отмщает им за беззаконья их.
Сии безгрешные младенцы чем виновны,
В объятьях матерьних лия потоки кровны!
Отменно ль согрешил сей град и принял суд?
Париж и Лондон цел, где в роскошах живут;
Здесь гибнет Лиссабон, а там пиры всегдашны.
Нечувственны сердца, о вы, умы бесстрашны!
Зря братьев вы своих в волнах среди пучин,
Спокойно ищете волнения причин;
А сами вы когда злым роком огорчитесь,
Вы стонете, как мы, и плакать не стыдитесь.
Но если челюсти разверзнет ад на нас,

Невинен будет вопль и жалобы в тот час.
Окружены от всех сторон жестоким роком,
Злодейством, гибелью, в гонении жестоком,
И всех стихий себе противность ощутив,
Признайтесь по себе, что вопль наш справедлив.
Вы скажете, что в нас бунтуют только страсти,
И гордость ропщет в нас, что мы не лучшей части.
Подите к берегам вы Тага, зрите страх,
Разройте камни вы, разройте вы сей прах;
Внемлите вопль, что там несчастны произносят,
От гордости они себе пощады просят?
О боже, вопиют, о горе, ах! увы!
Полезно всё теперь мне скажете ли вы?
Что, если б Лиссабон земля не поглотила,
Ужель бы та страна ее отягощила?
Не мните ль вы, что, всё сие предвидя, бог
Соделать лучшего для сих людей не мог?
Не мог ли их спасти он властию своею,
И бездне запретить, горящей под землею?
Иль мните власть творца в пределы заключить
И не ко всем ему велите щедру быть?
Судьбы в его руках, он ими управляет:
Они спешат свершить, что он определяет.
Не раздражаючи тебя, создатель мой,
Желал бы я гореть сей пропасти земной
В пустыне, и возжечь страну ненаселенну;
Я бога чту, люблю, но и люблю вселенну.
Коль стонут смертные среди толиких бед,
Не гордость в них, увы! мученье вопиет.
Несчастны жители сии брегов плачевных
Утешатся ли тем в сих пропастях бездневных,
Когда кто скажет им: «*Умрите в бездне сей,*
Для счастия других вы гибнете людей,
Построятся иных руками ваши стены
И будут жительми иными населенны;
Другой народ отсель богатство извлечет,
И вашей пагубой воспользуется свет.
Бог так же, как о нас, и о червях печется,
И тело ваше в снедь сим тварям остается».
Жестокосердые! имейте жалость к ним,
Не прибавляйте мук к мученьям таковым.
Не представляйте вы моей душе смятенной

Необходимости сей нужды непременной,
Сей цепи миров, тел и душ, что вяжет их.
О суемудрие, о буйственность слепых!
Бог держит цепь в руках, но ею он не связан;
И может грешник им без смерти быть наказан.
Он сильный, праведный и милосердый царь;
Когда творец так благ, почто же страждет тварь?
Сей узел разрешить вам прежде б надлежало;
Отрекши зло, вы нас излечите ль хоть мало?
Трепещут все, и все причины ищут бед;
Но вы, их чувствуя, вещаете: *их нет.*
Когда всемощна власть, что все стихии движет,
Срывая гор верхи, ужасной бурей дышит,
Когда сражает гром высокие древа,
Они не чувствуют вреда никакова́;
Я жив, я чувствую, и сердце от мученья
Взывает ко творцу и просит облегченья.
О дети бедные всемощного отца,
На то ли вам даны чувствительны сердца?
Почто я слаб, хотя сосуд тому не скажет,
Кто тело оного и крепость глиной вяжет,
Не может говорить, не может мыслить он,
И не страшит его ни гибель, ни урон;
Сосуд оплакивать своей не может части,
Ни счастия желать, ни чувствовать напасти.
Мне скажут, что чрез смерть даем жизнь прочим мы,
И насекомых вдруг из нас родятся тьмы;
Когда повергнусь в гроб, обременен бедами, —
Вот облегчение: быть съедену червями!
Престаньте бедность мне вы смертных исчислять,
Престаньте горесть вы мою ожесточать.
Я зрю лишь только в вас бессильное упорство,
И в крайней бедности ложь, гордость и притворство.
Частица малая в пространстве целом я,
Но все животные обширности сея,
Все бытности, родясь под таковым законом,
Жить в горести должны и умереть со стоном.
Как робкого птенца голодный ястреб рвет
И, насыщаяся, невинну кровь пиет, —
Находит пользой всё, пока не прилетает
Орел, которому он пищей сам бывает.

Стрелой потом орла повержет человек
И, поражен другим, сам в брани кончит век,
В крови, пронзен, попран там будет воин мертвый,
И птицам алчущим там их убийца жертвой.
Все члены света так трепещут в страхах сих,
Родятся, мучатся и гибнут для других.
Вы составляете из состоянья злаго
Несчастливых людей всеобщее нам благо;
Какое, бедные? кто счастлив тем из нас?
Полезно, слышу, *всё,* но чрез плачевный глас.
Вас всё изобличит, и ваши чувства сами
Сто раз ваш гордый ум согласовали с нами.

Между собою всё на свете брак ведет;
Все твари чувствуют, что злом наполнен свет,
И неисследима всех наших зол пучина.
Их тот не произвел, кто наших благ причина, —
Не Ориман ли злу начало, иль Тифон?
К терпенью мы чрез их осуждены закон;
Однако мудрых сих учения не прямы,
Которым иногда невежи строят храмы.
Мы можем ли себе представить благ творца
Творцом напастей всех? И дети от отца
Возмогут ли иметь мученья повсеместны?
Кому, о боже мой! твои судьбы известны?
Всесовершенный зла не может произвесть,
Другого нет творца, а зло на свете есть;
Повсюду вопль и стон, повсюду зрю мученье, —
О, непостижное двух разностей смешенье!
Чтоб нас утешить, бог на землю снисходил,
Но, землю посетя, ее не пременил.
Один переменить бессильным бога числил,
Он мог и не хотел; другой напротив мыслил,
А будет впредь хотеть. Но кто из них помог,
Когда на Лиссабон послал удары бог
И не оставил там погибших градов вида,
От Тага до столпов великого Алкида?
Иль казнь им за отцов назначена сия;
Иль их несчастного начальник бытия
Без гнева, жалости, спокойным смотрит оком,
Как время ни течет уставов вечным током;

Иль мир испорченный начальнику всех бед
Приносит должну дань чрез пагубу и вред;
Иль хочет искусить здесь бог нас чрез напасти,
И бедственным путем ведет нас к лучшей части,
Чтоб, временные здесь почувствуя беды,
По смерти мы свои окончили труды.
Но если чает всяк по жизни быть спокоен,
Похвалится ли кто, что он того достоин?
Оплакивать себя мы должны по всему:
Неведущ смертный, слеп, и всё грозит ему.
Мы тщетно вопрошать немую мним природу,
А должно, чтоб творец явил то смертных роду;
Один лишь может он свои дела открыть,
Исправить немощных и мудрых умудрить.
В сомнении блудящ без помощи им скорой,
Находит человек вотще тростник подпорой.
Мне Лейбниц не сказал, что вяжет ону смесь,
В устроенном других всех лучше мире здесь;
Собранье горестей, всегдашнее нестройство;
И в жизни вмешаны веселья в беспокойство.
Почто за добрые и вредные дела
Подвержены равно гоненью люди зла?
Я *пользы* чрез сие, увы! не обретаю;
Хочу учитель быть — и ничего не знаю.
Был прежде человек, сказал Платон, крылат,
Не проницал его состава смертных взгляд.
Тогда кончины, бед не знали человеки;
От жизни оныя как ныне мы далеки!
Страдаем, терпим, мрем: всё кончится, родясь,
И разрушений лишь природа стала связь.
Состав наш тлен один: кровь, тело, кости, жилы,
И умерщвляют нас стихий противных силы.
В нас прах сей с жидкостью составлены на то,
Чтоб после смесь сия разрушилась в ничто,
И чувствования жил тонких и нежнейших
Подверглись тягостям болезней самых злейших.
Мне само естество толкует свой закон,
Отвержен Эпикур, оставлен мной Платон;
Бель знает боле их, — но можно ль основаться?
Держа весы в руках, он учит сомневаться;
И не приемля он системы никакой,
Все оны опроверг, воюя сам с собой,

Подобно как Самсон, лишенный глаз врагами,
Под зданьем пал, его разрушенным руками.
Что могут самые пространнейши умы?
Ничто; своей судьбы не постигаем мы,
Незнаемы собой в своей несчастной доле;
Что? где я и куда иду? и взят отколе?
Так, как пылинки, мы на куче земляной
Рассыпаны страдать и быть судьбы игрой;
Но мыслящи сии пылинки, коих взоры
Измерить небеса, измерить землю скоры.
Несется человек умом ко небесам,
Себя не видит лишь, себя не знает сам.
Соборище невеж и гордых в свете оном,
О счастье! говорят со плачем и со стоном;
В отчаяньи к себе имеет всяк любовь,
Не хочет умереть, ниже́ родиться вновь.
Хотя всечасно мы напасти ощущаем,
Мы очи слезные чрез радость осушаем.
Но радость наша так равно, как тень, минет;
Нет горестям конца, числа печалям нет.
Воспоминание прошедшего несчастно,
А настоящее для смертного ужасно,
Когда он в будущем добра не получит.
Полезно будет *всё* — вот только что нас льстит,
Но сердце, что теперь *полезно всё,* не верит:
Почто так хочет бог, то смертный не измерит;
Покорствую, стеня и токи слез лия,
И воле вышнего терпя подвержен я.
Мой голос прежде был пастушьею свирелью,
Стремился петь любовь, стремился я к веселью;
Теперь, как старость мой переменила нрав,
И слабости людей я, с возрастом узнав,
Ища во мраке лжи, я истины блистанье
Не знаю более, как плакать без роптанья.
Калифа некогда, оканчивая век,
В последний к богу час сию молитву рек:
«Я всё то приношу тебе, о царь вселенной!
Чего нет в благости твоей всесовершенной:
Грехи, неведенье, болезни, слезы, стон».
Еще б прибавить мог к тому *надежду* он.

<1763>

ЗАКОН

Кто б ни был ты таков, где хочешь ты живи,
Не убежишь любви;
Уставу общему ты должен быть причастен.
Для всех такой закон уставил бог сердец:
Ты был, иль есть теперь, иль будешь наконец
Ему подвластен.

<1763>

ПЕРЕВОД СТИХОВ г. ВОЛТЕРА,
СЛАВНОГО ФРАНЦУЗСКОГО ПИСАТЕЛЯ

Наперсница богов, любящих российский трон,
Где правда высится и разум просвещенный,
Где купно царствуют Марс, Фемис, Аполлон,
Оставя в небесах бессмертных лик священный;
О ты, которая над силами врагов
И над невежеством во славе торжествуешь;
В достойной ревности героев и богов,
Свободу дав умам, путь оным показуешь, —
Подай мне луч твоей божественной души
И старость обнови, усердьем воспаленну;
Что должен я писать, ты мне сама внуши.
От Севера днесь свет лиется во вселенну.
Мне мерзок таковой, монархиня, тиран,
Который в гибели народов ищет славы;
И не могу терпеть, чтоб в варварстве султан
Над человечеством являл бездушны правы;
Чтоб дерзкою рукой бессовестный паша
Ругался завсегда над христианской кровью;
Иль чтоб визирь, дела неправедно реша,
Велел давить людей, смеяся плачу вдовью;
Султан в невежестве давил бы визиря,
И в праздности их смерть считал себе забавой, —
Толь гнусны, варварски и зверски нравы зря,
Мой разум напоен смертельною отравой.

О вы, которых нам изобразил Платон,
То милующих нас, то в гневе к нам гремящих, —
Коль смертных жалобы пред ваш восходят трон,

Властители судеб, наш ум превосходящих,
Проснитесь в Греции, восставьте вашу власть
Для чести ваших стран и для Екатерины,
Котора равную имеет с вами часть,
Наполня славой Понт и удивя Афины.
Предшествуйте ее оружию в морях,
Пусть воины ее достигнут к Маратону,
У Саламинских стен рассыпьте новый страх,
Платейских крепостей разрушьте оборону.
Гомер и Геркулес взирают смутны к нам,
Достойного плода не зря в потомках боле;
Их отрасль, подражать не смея праотцам,
Трепещет пред агой иль в рабстве иль неволе.
Цирцея некогда волшебным мастерством
Подобны чудеса на пагубу творила;
Стихиям дав закон и правя естеством,
Улиссовых пловцов в скотов преобратила.
Но в прежне существо героев превратить,
И оных божеству подобиться неложно,
Восставить славу их и разум просветить —
Екатерине то единой лишь возможно.
Воскреснет Греция, ее внимая глас,
К победам новые откроет ей дороги;
Воскреснет в торжестве ликующий Парнас,
Воскреснут слава там, закон, науки, боги.
Другие, выгодой земель одарены,
Заимствуют свое блаженство от климáта,
Но в Севере творец пресчастливой страны
Простер довольство благ среди неплодна блата.
И где Великий Петр людей соделать мог,
Екатерина там соделала героев.
Ее великий дух, как некий сильный бог,
Полезный смысл дает, предшествует средь боев.

Таков быть должен царь, коль хочет дать пример
К приобретению правдивой в жизни славы,
Коль хочет, чтоб народ сердца и ум простер
Приять в надежде благ закон и честны нравы.
Монарх, писатель книг,[1] разумно написал:

[1] Фридерик второй, король прусский.

Как Август в Польше пил, народ всегда был в пьянстве.
И коль не может царь снискать себе похвал,
Народ теряет ум в бесчестнейшем подданстве.
Равно когда султан, отягощенный сном,
В роскошной слабости о подданных не мыслит,
Без пользы предстоят паши его кругом,
Которых он совет в своих подпорах числит.
Но, бодрствуя всегда среди своих побед,
Не тако областью Екатерина правит:
Она, оружием предупреждая вред,
Блаженство в торжествах свое и россов славит.
Довольство множит их прещедрою рукой,
Приемлет на себя стараний должных бремя,
Трудится день и ночь восставить всех покой
И меж трудов ко мне писать находит время.
В то время Мустафа, гордясь пред визирем,
В чертогах роскошью бесчувственною дышит,
Зевает в праздности, не мыслит ни о чем,
И никогда ко мне, вприбавок, он не пишет.

Внезапно Кегая приносит грозну весть,
Его султанского величества к печали,
Что в море вождь его теряет флот и честь,
Что войска с визирем от россов побежали,
Что стали уж не их Нимфея и Колкос,
Где так равно Помпей гнал прежде Митридата.
Не знав Помпея, он чудится на донос,
Не трогает его людей своих утрата.
О боже, всех творец, властитель наших дней!
Я славлю власть твою и чту твои уставы,
Но должен чувствовать, что к пагубе людей
Тирану глупому даешь над светом правы.
Екатерина, мстя за россов и за честь,
По человечеству явила всем услугу, —
Во обществе и я благодарю за месть,
Ревнуя в чувствии всему земному кругу.
Сверши, монархиня, сверши твои дела:
Конечно божество тебе преднаписало,
Чтоб к страху ты привесть и к разуму могла
Султана и невежд, которы мыслят мало.

<1772>

ПЕРЕВОД СТИХОВ г. МАРМОНТЕЛЯ,
ФРАНЦУЗСКОГО ПИСАТЕЛЯ

О ты, которая в законах и геройстве
Ревнителей твоих далеко превзошла
И славнейший пример монархам подала,
Пещися подданных о счастье и спокойстве:
Являй всегда твоей величество души
И славных дел твоих начатки соверши!
Счастливому в твоем владении народу
Осталося иметь едину лишь свободу, [1]
Единой вольности ему недостает,
Чтоб счастие его тем было совершенно.
То время есть признáк благословенных лет,
Когда достоинства цветут беспринужденно.
Щедрота такова и толь бесценный дар
Обильнейший прольет источник благоденства;
Художны вымыслы земной украсят шар,
Науки новые откроют совершенства,
И добродетелей любезна будет честь:
Без рабства истина начнет венцы им плесть.
Таланты под твоей возлюбят жить державой,
В преизобилии довольства и добра,
И удивленна тень Великого Петра
Признается, что ты его превысишь славой.

СТИХИ

Подражание италиянским

О грозная минута!
Прости, драгая Ниса!
Я буду жить в разлуке,
Но как я буду жить!
Всегда в тоске я буду:
Прошли мои забавы,
Прошли... И кто уверит,
Что помнишь ты меня?

---

[1] Сии стихи писаны, чаятельно, прежде заведения в Санкт-петербурге Академии Свободных Художеств; или г. Мармонтель не имел тогда известия ни о сем заведении, ни о вольности в России.

С тобою разлучившись,
Я мысли устремляю
Вослед тебе, драгая,
И тем питаю дух.
Везде умом с тобою,
Везде тебя я вижу,
Везде... Но кто уверит,
Что помнишь ты меня?

В полях, в лугах и в рощах
Кричу, зову я Нису;
Но лес не отвечает,
Где скрылась Ниса, где?
С зари до темной ночи
Зову тебя повсюду,
Зову... Но кто уверит,
Что помнишь ты меня?

Без пользы обращаюсь
Я к тем местам приятным,
Где был благополучен,
Когда с тобою был.
На что я взор ни вскину,
Я рвусь, тебя лишь вспомня,
Я рвусь... Но кто уверит,
Что помнишь ты меня?

На сих брегах зеленых
За малую досаду
Ты прежде рассердилась,
Но сжалилась потом.
Мы вместе здесь ходили,
А здесь лежали вместе,
Ах! здесь... Но кто уверит,
Что помнишь ты меня?

А если я узнаю,
Где кроешься ты ныне,
И если вновь представлю
Тебе мою любовь, —
За всю любовь и верность,

Могу ль я быть уверен,
Могу ль... И кто уверит,
Что любишь ты меня?

Жалей о мне, коль знаешь
Мои сердечны муки,
Жалей о мне, коль можешь
Ты чувствовать любовь.
Хоть я с тобой расстался,
Люблю тебя в разлуке,
Люблю... Но кто уверит,
Что любишь ты меня?

<1773>

ФИЛОСОФИЧЕСКИЕ МЫСЛИ НЕКОТОРОГО ФРАНЦУЗСКОГО ПИСАТЕЛЯ

Неблагодарны человеки!
Вотще судьбу вините вы,
Что тако кратки ваши веки,
Что вы родились таковы.
В своих стремленьях безрассудны,
Вы в свете только жизнью скудны;
Стараясь ону сократить
И расточая всюду время,
Сугубите свое лишь бремя
В желаньях смерть предупредить.

<1773>

ПЕСНЬ ХРАБРОГО ШВЕДСКОГО РЫЦАРЯ ГАРАЛЬДА

Вольный перевод с французского

1

По синим по морям на славных кораблях
Я вкруг Сицилию объехал в малых днях,
Бесстрашно всюду я, куда хотел, пускался;
Я бил и побеждал, кто против мне встречался,

Не я ли молодец, не я ли удалой?
А девка русская велит мне бресть домой.

2

Я в самой юности, имея храбрый дух,
Дронтгеймских жителей гонял, как будто мух;
Хоть было мало нас, а их гораздо боле,
Король и силы их легли на ратном поле.
Не я ли молодец, не я ли удалой?
А девка русская велит мне бресть домой.

3

В несчастном плаваньи, в несчастный самый час,
Когда на корабле шестнадцать было нас,
Когда разбил нас гром, в корабль лилося море,
Мы воду вылили, забыв и грусть и горе.
Не я ли молодец, не я ли удалой?
А девка русская велит мне бресть домой.

4

Во всем искусен я, могу с гребцами гресть,
На лыжах выслужил себе отменну честь;
Скакать на лошади и править я умею,
Копье бросаю в цель, на битвах не робею.
Не я ли молодец, не я ли удалой?
А девка русская велит мне бресть домой.

5

Неужели она забыла то себе,
Каков бываю я в бою или в борьбе?
Забыла ли она, как, стоя на пекете,
Моею храбростью у всех бывал в примете?
Не я ли молодец, не я ли удалой?
А девка русская велит мне бресть домой.

6

Я знаю на земле военно ремесло;
Но, воду возлюбя и возлюбя весло,
За славою лечу я мокрыми путями;
Норвежски храбрецы меня боятся сами.
Не я ли молодец, не я ли удалой?
А девка русская велит мне бресть домой.

1790-е годы

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящее собрание стихотворений И. Ф. Богдановича не является полным собранием его стихотворных произведений. Оно включает в себя все то, что сохранило художественную и историческую ценность, все, в той или иной степени характерное для творческой манеры поэта на разных этапах его идейно-художественного развития. Поэтому в сборник, наряду с основным корпусом наиболее значительных в художественном и идейном отношениях произведений, введены, с одной стороны, некоторые из ранних стихотворений периода поэтического ученичества Богдановича и, с другой стороны, некоторые из поздних произведений, периода ослабления творческой деятельности поэта. Подобный подход к составу сборника подсказывается и тем обстоятельством, что при жизни Богдановича вышел только один сборник его стихотворных произведений («Лира, или Собрание разных в стихах сочинений и переводов некоторого муз любителя». СПб., 1773), вне пределов которого осталось около половины его стихотворных произведений 1760-х годов. По некоторым данным известно, что в конце жизни Богданович готовил собрание своих сочинений, однако никаких следов этого авторского проекта не сохранилось. Вероятно, что его постигла общая судьба других рукописей Богдановича, переданных его братом Иваном Федоровичем Богдановичем П. И. Бекетову и погибших в Москве при пожаре дома и типографии последнего в 1812 г.

Издатель первого Собрания сочинений Богдановича (тт. 1—6. М., 1809—1810) П. И. Бекетов приложил много усилий к тому, чтобы собрать возможно исчерпывающим образом все литературное наследие Богдановича. За все последующее время к собранному Бекетовым были сделаны самые незначительные добавления. Однако Бекетов, внимательно обследовавший журнальные публикации Богдановича, счел возможным не вводить в Собрание сочинений его ранние стихи: «. . .перебирая некоторые старинные журналы, я нашел несколько пиес, писанных г. Богдановичем еще в молодых его летах, которые он, издавая после того небольшое собрание своих сочинений, под названием «Лира», не поместил в оном, а по сей причине и я не осмелился их напечатать, как произведения, не признанные самим автором. . .» («Предисловие от издателя». Сочинения Богда-

новича, ч. 1. М., 1809, стр. VI). Неполную публикацию раннего творчества Богдановича Бекетов возместил, как ему казалось, публикацией, возможно более полной, произведений Богдановича, напечатанных после выхода сборника «Лира», а также сохранившихся в рукописях «...никогда еще не напечатанных пиес, полученных... от почтенного его родственника...» (там же). Вне поля зрения Бекетова как издателя осталось и первое издание «Душеньки» — «Душенькины похождения». М., 1778, книга первая.

Бекетовское издание принято в основу текста данного сборника. Поэтому отсутствие указания в примечаниях на источник текста означает, что оно печатается по изданию Бекетова.

Для многих произведений оно является первоисточником. В других случаях Бекетов точно воспроизвел известные ему журнальные публикации.

Для произведений, не вошедших в издание Бекетова, основным является журнальный текст.

Композиция сборника также следует традиции, начатой изданием Бекетова. Сборник открывается «Душенькой», затем следуют стихотворения, поэмы и переводы. Внутри каждого отдела принят хронологический принцип расположения произведений. Уже в «Лире» Богданович отказался от принятой в его время системы печатания стихотворений в соответствии с иерархией жанров. Бекетов в распределении стихов сделал шаг назад, расположив их, по примеру сочинений Державина (1—4 тт. СПб., 1808), по схеме: богу — царю — людям — себе, то есть применив смешанное жанрово-тематическое распределение материала. О том, что в данном случае Бекетов исходил из своих собственных представлений, а не из авторского замысла, говорит и то обстоятельство, что в Сочинениях Богдановича (издание второе, М., 1818) Бекетов произвел, как он сам указывает, «некоторое перемещение пиес».

Хронологическое расположение внутри каждого отдела даст возможность читателю яснее представить себе ход развития творчества Богдановича. А выделение «Душеньки» из общей хронологии и рубрикации Сборника вполне, как нам кажется, отвечает историко-литературной ценности и художественному значению этой поэмы в литературном наследии Богдановича. Наиболее значительные и интересные варианты приводятся в примечаниях.

Датированных авторских текстов Богдановича, за единичными исключениями, не сохранилось. Поэтому в большинстве случаев произведения датируются условно, по времени первой публикации (в тексте дата первой публикации заключается в угловые скобки). В тех случаях, когда произведение впервые опубликовано после смерти автора, датировка определялась внутренними данными и аргументация указывается в примечаниях.

В отношении «Душеньки» при определении хронологии ее написания пришлось руководствоваться следующими обстоятельствами: в своей автобиографии, написанной в конце 1790-х годов, Богданович сообщает, что «Душенька» была им написана в 1775 г., в 1778, под названием «Душенькины похождения», он печатает первую книгу поэмы, а в полном и значительно доработанном виде она выходит только в 1783 г. Можно предположить, что в 1778 г. поэма

еще не была доведена до конца, и потому работу над поэмой следует предположительно датировать 1775—1782 гг.

Текст воспроизводится по современным нормам орфографии и пунктуации, за исключением тех случаев, когда встречается необходимость сохранения особенностей произношения автора. В частности в отношении ранних стихотворений Богдановича необходимо было воспроизвести произношение подударного *é*, которое тогда обозначали *ио*. В этих случаях употребляется *ё*.

В примечаниях к сборнику приняты следующие сокращения:

Соч. — И. Ф. Богданович. Сочинения, чч. 1—3. М., 1809—1810.
ПУ — «Полезное увеселение».
НУ — «Невинное упражнение».
«Лира» — «Лира, или Собрание разных в стихах сочинений и переводов некоторого муз любителя». СПб., 1773.
СЛРС — «Собеседник любителей российского слова».
НЕС — «Новые ежемесячные сочинения».

ДУШЕНЬКА

Впервые — «Душенька, древняя повесть в вольных стихах». СПб., 1783 (до этого — «Душенькины похождения». М., 1778, книга первая); со значительными исправлениями — СПб., 1794; с некоторыми изменениями — М., 1799

Издания 1778 и 1783 гг. были анонимны. Впервые имя автора появилось в изд. 1794 г. в качестве подписи к «Предисловию от сочинителя». Издание 1783 г. открывалось предисловием А. А. Ржевского (1737—1804), в прошлом одного из виднейших поэтов «Полезного увеселения», где начинал свой литературный путь Богданович. В конце 1760-х гг. Ржевский отошел от литературы, хотя еще в «Опыте исторического словаря о российских писателях» (1772) Н. И. Новиков называл его «хорошим стихотворцем» и находил в его произведениях «остроту его разума». Прежние литературные отношения послужили, видимо, причиной того, что Ржевский издал на свой счет «Душеньку», так как автор ее, уволенный в конце 1782 г. из «Санктпетербургских ведомостей», очевидно не в состоянии был сделать это на свой счет и нуждался в материальной поддержке. В своем предисловии Ржевский писал:

«Оную поэму сочинил Ипполит Федорович Богданович, и, будучи моим приятелем издавна, к случившемуся слову мне ее показал, как такое сочинение, которое он для забавы своей иногда писал в праздные часы, без намерения его печатать. Непринужденная вольность стиля, чистота стихов, удачливый выбор приличных слов по роду сей поэмы, а паче изобилие поэтических воображений мне столько понравились, что я просил сочинителя отдать сию поэму в мою волю, что он и исполнил по своей любви и приязни ко мне; а я рассудил издать ее в печать, чтобы и другим принесть то ж удовольствие, которое от нее я имел. Я думаю, что многим она понравится, не только тем, что нет на нашем языке подобного рода стихотворений, но и счастливым успехом сочинителя». Последнее прижизненное издание (М., 1799) воспроизводит с небольшими поправ-

ками текст и предисловие второго издания. Поскольку в этом издании «Душеньке» предпосланы «Стихи на добродетель Хлои» как своеобразная поэтическая заставка ко всей поэме, то участие Богдановича в этом издании можно считать доказанным, хотя он в это время в Москве не жил и, насколько нам известно, не бывал. Платон Бекетов в предисловии к Собранию сочинений Богдановича писал о работе его над текстом «Душеньки»: «...при обоих последних изданиях (1794 и 1799 гг. — *Ред.*) сочинитель ее пересматривал и делал поправки. Их наиболе находится во втором издании; несмотря на то, многие и по сие время предпочитают первое издание двум последним» (Соч., ч. I, стр. V). Эта оценка разных изданий «Душеньки» не подтверждается сопоставлением редакций поэмы. К тому времени, когда Богданович начал работу над «Душенькой», в русской литературе уже существовал полный перевод «Les amours de Psyché et de Cupidon» (1669) Лафонтена, сделанный Ф. И. Дмитриевым-Мамоновым под названием «Любовь Псиши и Купидона» (1769). Переводчик сохранил чередование прозы и стихов, принятое Лафонтеном в его романе. Придерживаясь в вопросах стиля ортодоксально-классицистских позиций, Дмитриев-Мамонов критически отнесся к «слогу» Лафонтена и в предисловии к переводу обосновал свое стремление очистить язык перевода от «низких слов» и «степной речи»: «Правда то есть, что я избрал для переводу нежнейшее из того, что г. де ла Фонтен через всю свою жизнь в свет издал, и в оном его сочинении самых низких слов совсем нет: но признаюсь, что, желая употребить приличный штиль или слог тут, где материя оного требовала, я имел наивеличайший труд; потому что в оригинале слог хотя благороднее его нравоучительных басен, но для героичного слога весьма низок, и охоту мне подало переводить не штиль, но материю.

Знаю, что всему свету писателям нравится в баснях низкий слог г. де ла Фонтена, и многие оному подражают; но мне не нравится, потому что благородный штиль всегда привлечет меня к чтению, а низкими словами наполненный слог я так оставляю, как оставляю и не слушаю тех людей, которые говорят степной речью и произношением» («Любовь Псиши и Купидона». СПб., 1769, стр. 15—16). Богданович отказался от чередования прозаических и стиховых кусков, принятого Лафонтеном. Еще критика начала XIX века в лице Карамзина видела в этом большое преимущество «Душеньки» по сравнению с романом Лафонтена:

«Душенька» во многих местах приятнее и живее, и вообще превосходнее тем, что писана стихами, ибо хорошие стихи всегда лучше хорошей прозы; что труднее, то имеет и более цены в искусствах. Надобно также заметить, что некоторые изображения и предметы необходимо требуют стихов для большего удовольствия читателей, и что никакая гармоническая, цветная проза не заменит их» («О Богдановиче и его сочинениях», Н. М. Карамзин. Сочинения, т. 8, изд. 3-е. М., 1820, стр. 184). Богданович, по всей вероятности, последовал в выборе формы изложения самому Лафонтену, который, перед описанием триумфа Венеры, так мотивирует необходимость перехода от прозаического изложения к стиховому: «Ceci est proprement matière de poésie: il ne sieroit guère bien à la prose de décrire une cavalcade de dieux marins: d'ailleurs je ne pense

pas qu'on put exprimer avec le langage ordinaire ce que la déesse parut alors» («Les amours de Psyché et de Cupidon». P., 1818, стр. 31).

Перевод: «Это, собственно, предмет поэзии: прозе не пристало описывать кавалькаду морских богов. Да я и не думаю, чтобы обыкновенным языком можно было описать, какою явилась тогда богиня».

Это мнение Лафонтена, высказанное по частному поводу, Богданович применил во всей своей обработке истории Амура и Психеи. Всего у Лафонтена в «Любви Психеи и Купидона» 498 стихотворных строк. Все они воспроизведены Богдановичем и распространены за счет подробностей, отсутствующих в подлиннике Лафонтена.

Но уже это, чисто количественное, соотношение свидетельствует, что Богданович мог располагать Лафонтеновым романом только как канвой и что стихотворная обработка истории Амура и Психеи в основном оригинальное создание русского поэта.

Язык «Душеньки» испытал известную эволюцию. В «Душенькиных похождениях» (1778) Богданович ближе к языку русской басни 1760-х годов и комической поэмы, чем к Лафонтену. При подготовке изд. 1783 г. Богданович тщательно освобождал текст первой книги поэмы от сатирических по содержанию и написанных басенно-комическим языком мест. Так, были отброшены строки:

Не стали воры красть,
И ябеды молчали,
Жил каждый без печали,
И ел и пил во сласть.
Все подданные и соседи,
Такой устав боготворя,
Повсюду ставили лик мудрого царя
Из золота, сребра иль меди,
Приятели, друзья
Вельможи и князья,
К нему съезжались в гости;
Он первый изобрел
К забаве между дел
Юлу, гусёк и кости;
Картежная игра,
У царского двора
И в греческом народе,
Была тогда не в моде,
Вельможи, так, как чернь,
С умом играли в зернь,
Играли также в шашки,
Без денег, на бумажки,
И множество потех,
Для каждого и всех,
Там всякий день являлись,
Везде бывал там смех
И люди забавлялись.

В жалобе Душеньки Амуру были следующие строки:

Я сестр моих ничем не хуже;
Но каждая из них при муже
Нашла любовников пяток,
И может каждая по воле
Найти себе еще их боле...

В описании путешествия Душеньки и ее родных к горе, указанной оракулом, иронически изображались жрецы:

Впоследок в сем пути все столько утомились,
Что чуть назад не воротились.
Тогда главнейший жрец,
Спасая робких сих овец,
Потряс широкими усами,
И лезущему вниз словесному скоту
Грозил оракулом и всеми небесами.

Некоторая непроясненность замысла и жанровой природы «Душеньки» сказалась в стиле изд. 1778 г. и 1783 г. Богданович еще черпает из разножанровых источников лексику поэмы и не находит для нее единого стилистического принципа. В языке «Душенькиных похождений» и «Душеньки» (1783) еще много пестроты, просторечных слов и оборотов, выражений чиновничье-приказного арго, галлицизмов. Хотя уже при переработке поэмы для издания 1783 г. Богданович стремился добиться единства стиля и языка, уйти от языковых крайностей ввиду резкого и уже для автора ставшего неприемлемым стилистического разнобоя. Систематически очищался язык поэмы от оборотов просторечия, строки (книга третья)

И отведет ее в *куток;*
В *кутке* покажет вниз ступени...

были заменены следующими:

Покажет впоследи в избушке *уголок;*
Оттоль покажет вниз ступени.

Взамен слова с просторечным и даже диалектальным характером введено общеупотребительное и литературой освоенное слово. При доработке «Душеньки» в изд. 1794 г. велась очень тщательная правка преимущественно стилистического характера. Особенное внимание Богданович при этом обращал на ритмико-звуковую сторону стиха поэмы. Во второй книге строка

И розами везде усыпанны дороги

переделана следующим образом:

И всюду розами усыпаны дороги.

При этой перемене в строке шестистопного ямба пиррихий перенесен из второй стопы в третью. В результате ритмическое движе-

ние в середине строки меняется, в ней исчезает монотония чередования ударных стоп и пиррихиев. В других случаях Богданович менял звучание строки, не меняя ее ритма:

За всяку злобу их...

заменяется:

За алчну злобу их...

Звуковой повтор з... з... дополняется еще повтором л... л... и строка получает совершенно иную звуковую организацию, более соответствующую уточнившемуся авторскому эмоционально-стилистическому заданию.

Предисловие. *Будучи побужден к тому печатными и письменными похвалами.* По-видимому, имеется в виду рецензия в «Прибавлениях к «Московским ведомостям» (1783, № 96, 2 декабря) и упоминания о «Душеньке» в СЛРС, в «Стансах» М. М. Хераскова и статье «Вечеринка» (1783, ч. 9, стр. 245), где говорится «о прекрасном сочинении господина Богдановича, которое не есть драма, но сказка в стихах».

Книга первая. *Гомер, отец стихов, двойчатых.* В «Душенькиных похождениях» (1778) Гомер был охарактеризован иначе:

Гомер, отец стихов,
И рифм богатых
И рифм женатых!

По-видимому, Богданович убедился в ошибочности этого мнения и потому заменил его указанием на «двойчатость», то есть обязательную цезуру в стихе гомеровских поэм. *Черты, без равных стоп.* «Душенька» написана разностопным «вольным» ямбом, каким обычно в 1760—1770-е годы писались не поэмы, а басни и притчи. *Ликаон, которого писал историю Назон.* В греческой мифологии — царь Аркадии, отличавшийся жестокостью. За убийство ребенка в жертву богам Зевс превратил Ликаона в волка. «Историю» Ликаона пересказал в своих «Метаморфозах» Овидий Назон. *Сурова щеть* — жесткая, грубая щетина. *Образ прав* — правдивое, правильное изображение. *В Москве на маскараде.* Маскарад «Торжествующая Минерва», устроенный в Москве во время коронации Екатерины II 30 января — 2 февраля 1763 г. Маскарад этот происходил на улицах Москвы и состоял из процессии замаскированных в следующем порядке: провозвестник маскарада со своей свитою, Момус, или Пересмешник, Бахус, Несогласие, Обман, Невежество, Мздоимство, Превратный свет, Спесь, Мотовство и Бедность, Вулкан, Юпитер, Златой век, Парнас и Мир, наконец, Минерва и Добродетель. *Цerасты* (греч. миф.) — рогатые люди, превращение которых в быков описано в «Метаморфозах» Овидия. *Цекропы* (греч. миф.) — люди, превращенные в обезьян. Легенда об этом рассказана в «Метаморфозах» Овидия. *Иксион* (греч. миф.) — царь, который за преследование Геры был наказан Зевсом — прикован к вечно вертящемуся огненному колесу. *Цитера,* или Кифера — остров в Грече-

ском архипелаге, место особого культа Венеры — Афродиты; там находился посвященный ей храм. *Фетида* (греч. миф.) — морское божество. От брака ее с Пелеем родился Ахилл. *Тамбуры и коклюшки* — тамбур (от франц. tambour — барабан) — вид вышивания, при котором материя натягивалась на круглые пяльцы и придерживалась ремнями, напоминая по виду барабан; коклюшки — мелкие брусочки, подвешиваемые к ниткам при плетении кружев.

Книга вторая. *Калисто, Дафния, Армида... Ангелика, Фринея* — имена мифологических, исторических и литературных героинь. Калисто — персонаж «Метаморфоз» Овидия, Дафна — дочь речного бога Ладона и Геи, богини земли; убегая от преследовавшего ее Аполлона, была принята матерью и превращена в лавровое дерево; Армида — персонаж поэмы Тассо «Освобожденный Иерусалим»; Ангелика — персонаж поэмы Ариосто «Неистовый Роланд»; Фринея, или Фрина (V век до н. э.) — древнегреческая гетера, подруга Перикла, славившаяся своей красотой. *Апелл*, или Апеллес (IV в. до н. э.) — греческий живописец; здесь упоминается как автор картины, изображавшей Афродиту. *Менандр* (342—292 гг. до н. э.) — древнегреческий драматург, автор бытовых комедий. *Кино* (1635—1688) — французский драматург, автор трагедий и оперных либретто. *Детуш* (1680—1754) — французский драматург. *Реньяр* (1656—1709) — французский драматург, последователь Мольера. *Руссо* Жан-Жак (1712—1778) — здесь назван как автор комической оперы «Деревенский колдун» (1752). *Не зная, что сказать, кричала часто: ах!* Имеется в виду трагедия Ф. Козельского «Пантея» (1769), где в монологах Пантеи часто повторяется восклицание «ах!» «Пантея» была встречена недоброжелательно сатирическими журналами 1769 г. Новиков в «Трутне» писал, что «трагедию г. *, недавно напечатанную, полезно читать только тому, кто принимал рвотное лекарство и оно не действовало» (Н. И. Новиков. Сатирические журналы, 1952, стр. 109). В «Опыте исторического словаря о российских писателях» (1772) Новиков назвал «Пантею» «не весьма удачной». *И для того велела исправным слогом вновь амурам перевесть* — имеется в виду созданное Екатериной II «Собрание, старающееся о переводе иностранных книг» (1768—1783). *Различные листки* — по-видимому, журналы 1769—1774 гг., *продерзко выходили* — очевидно, журналы Новикова и Эмина, а *полезные* — журнал Екатерины II «Всякая всячина» (1769). *Палладой нарядясь, грозит на лошади* — по-видимому, имеется в виду картина С. Торелли «Екатерина II в образе Минервы». *Партер* — здесь: часть сада с низко подстриженными деревьями.

Книга третья. *Петиметр* — щеголь, модник. *Выкладки* — фигурные украшения на верхней одежде. *Хвост в три пяди* — в придворном обиходе второй половины XVIII века длина «хвоста» (шлейфа) была строго регламентирована в зависимости от титула и звания. *Шпынь* — шут. *Алкмена* (греч. миф.) — супруга Амфитриона; Зевс овладел ею, явившись в образе ее мужа, и она родила Геракла. *Пракситель* (IV в. до н. э.) — древнегреческий скульптор, работы которого известны только в римских копиях. Из них особенно была известна статуя Афродиты Книдской.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Превращение пастуха в реку и происхождение болота (стр. 129). Впервые — ПУ, 1760, декабрь. № 24, стр. 221, под названием «Басенка» («Кларису зря с высоких гор...»). В переработанном виде — «Лира», стр. 61; здесь герой Эргаст переименован в Алципа; прибавлены последние 12 строк, в которых говорится о возникновении болота. Перифрастические обороты заменены более точными; вместо строк 9—12 в журнальном тексте было:

В плененных зрит всегда очах,
Чего терпеть нельзя тяжеле,
Любезной, чистых вод в струях,
Приятности в прекрасном теле.

Стихотворные «Превращения» являются жанром, возникшим в подражание «Превращениям» («Метаморфозам») Овидия, которые были очень популярны в русской поэзии начала 1760-х годов. В ПУ и «Свободных часах» (1763, № 1) печатались «Превращения» М. М. Хераскова («Превращение Милона в розу», «Превращение Целандра в карманные часы» и др.).

«Доколе буду я забвен...» (стр. 130) Впервые — ПУ, 1760, декабрь, № 25, стр. 224, с подзаголовком «Изо псалма 12»; без подзаголовка — «Лира», стр. 81, в разделе «Оды духовные из разных псалмов Давыдовых». Вольное переложение псалма 12-го, в котором более пространно, чем в подлиннике, развита тема врагов, радующихся несчастьям поэта.

«Господь меня блюдет...» (стр. 131). Впервые — ПУ, 1760, декабрь, № 25, стр. 226, с подзаголовком «Ода. Изо псалма 22», с большими изменениями — «Лира», стр. 83, в разделе «Оды духовные из разных псалмов Давыдовых». Вольное переложение псалма 22-го; при переработке Богданович стремился к более точному воспроизведению стиля библейской поэзии.

«Блажен, кто бога не гневит...» (стр. 132). Впервые — ПУ, 1760, декабрь, № 25, стр 227, под заголовком «Изо псалма 111», с исправлениями — «Лира», стр. 84; подзаголовок снят, и стихотворение помещено в разделе «Оды духовные из разных псалмов Давыдовых». Близкое к подлиннику переложение псалма 111-го.

«Хвалите господа небес...» (стр. 132). Впервые — 1760, декабрь, № 25, стр. 229, с подзаголовком «Ода. Изо псалма 148», со значительными исправлениями — «Лира», стр 84, подзаголовок снят, и стихотворение помещено в разделе «Оды духовные из разных псалмов Давыдовых». При переработке стихотворение сокращено с 28 до 16 стихов, стиль приближен к подлиннику. Переложение вольное: строфы 1—2 являются вставкой Богдановича.

Эпистола (стр. 133). Впервые — ПУ, 1761, январь, № 2, стр. 17; в сб. «Лира» и Соч. не входило. *Гасы* — золотая или серебряная мишурная тесьма.

Станс («С любезной живучи в разлуке...») (стр. 134). Впервые — ПУ, 1761, январь, № 2, стр. 18; в сб. «Лира» и Соч. не входило.

Деньги (стр. 135). Впервые — ПУ, 1761, февраль, № 5, стр. 47; с изменениями — «Лира», стр. 68; в журнальном тексте рефрен был: «Тужи, коль денег нет».

Молитва вечерняя (стр. 136). Впервые — ПУ, 1761, март, № 11, стр. 97; в сб. «Лира» и Соч. не входило.

Сказка (стр. 136). Впервые — ПУ, 1761, март, № 11, стр. 98; в сб. «Лира» и Соч. не входило.

Басня («Казалось глупому ослу там не довольно...») (стр. 139). Впервые — ПУ, 1761, март, № 11, стр. 102; в сб. «Лира» и Соч. не входило.

Закон («Закон все люди чтут, но что то за закон?») (стр. 140). Впервые — ПУ, 1761, март, № 11, стр. 103; в сб. «Лира» и Соч. не входило.

«Бедами смертными объят...» (стр. 141). Впервые — ПУ, 1761, апрель, № 16, стр. 141, под названием «Сонет»; с переработанным окончанием — «Лира», стр. 88, в разделе «Оды духовные из разных псалмов Давыдовых».

Пословица («Змея хоть умирает...») (стр. 142). Впервые — ПУ, 1761, июль, № 2, стр. 14; в сб. «Лира» и Соч. не входило.

Понеже (стр. 142). Впервые — ПУ, 1761, июль, № 2, стр. 15; с сокращением до 8 строк — «Лира», стр. 68.

Притча. Скупой (стр. 143). Впервые — ПУ, 1761, июль, № 2, стр. 15, под названием «Притча»; с переработанным началом и измененным названием — «Лира», стр. 67.

«О боже! наше ты прибежище и сила...» (стр. 143), Впервые — ПУ, 1761, сентябрь, № 9, стр. 77; в переработанном виде — «Лира», стр. 85, в разделе «Оды духовные из разных псалмов Давыдовых», при переработке отброшены строфы 2—4 первоначального текста:

С тобою на море напасти не боится
Носимый бурею ужасною пловец,
И ежели тобой ему определится,
С веселием на свой взирает он конец.

Судьбы святые нам господни неизвестны,
Он будущее зрит и правит смертных путь;
Почто же суеты толико нам прелестны,
Что смерть без ужаса не можем помянуть?

В блаженстве вечность нам господь приготовляет,
Жилище праведных небесный будет дом,
Нас, может статься, смерть напастей избавляет,
И жизнь покажется потом ужасным сном.

Стихотворение является подражанием псалму 89-му. При переработке Богданович удалил строфы, в которых излагался религиозный взгляд на земную жизнь как наказание для человека.

«О ты, земли и неба царь!..» (стр. 144). Впервые — ПУ, 1761, сентябрь, № 9, стр. 78, под названием «Сонет»; с изменениями — «Лира», стр. 89, в разделе «Оды духовные из разных псалмов Давыдовых».

Тщеславие (стр. 144). Впервые — ПУ, 1761, сентябрь, № 9, стр. 79, под названием «Басня», в переработанном виде — «Лира», стр. 90.

Эклога (стр. 146). Впервые — ПУ, 1761, октябрь, № 14, стр. 125; с заменой имени героини Пелиса на Кларису и в переработанном виде — «Лира», стр. 49.

«Не стремись добродетель напрасно...» (стр. 147). Впервые — ПУ, 1761, октябрь, № 14, стр. 126, под названием «Станс» с подзаголовком «дактилическими стихами»; в переработанном и сильно сокращенном виде — «Лира», стр. 86. Из 9 строф первоначального текста опущены 6, строфы 2—4 и 6—8:

Если правда гонима такими,
Что не могут приближиться к ней,
Для чего же гоняться за ними,
И учить непослушных людей?

Их ничем невозможно поправить,
Обличеньем их злоба растет;
Так не лучше ли, если оставить
В развращенных обычаях свет?

Но нельзя не иметь сожаленья
И нельзя удержаться от слез,
Что невинности нет утешенья,
Что закон справедливый исчез.

Разрушается смертных спокойство,
Разрушается дружба и честь,
Быть коварным людей ныне свойство,
Почитают за нужное лесть.

О любовь! и твое утешенье
Превращается в стыд и порок;
Не прискорбно ль такое лишенье,
И не все ль отнимает злой рок?

Без тебя нам тяжеле стократно
Суеты и напасти сносить,
Для тебя только в свете приятно,
Если что нас возможет польстить.

Эпиграммы I—III (стр. 147). Впервые — ПУ, 1761, октябрь, № 16, стр. 144; в сб. «Лира» и Соч. не входило.

Все три эпиграммы разрабатывают одну тему — «на свете счастье ложно» и составляют единое стихотворение.

Ода из Анакреонта XIV (стр. 148). Впервые — ПУ, 1761; декабрь, № 24, стр. 240; в сб. «Лира» и Соч. не входило. По-видимому, перевод с французского, так как нет сведений о том, что Богданович знал древнегреческий язык.

Ода... Екатерине Алексеевне, самодержице всероссийской на новый 1763 год (стр. 150). Впервые — отдельным изданием «Ода всемилостивейшей государыне Екатерине Алексеевне, императрице и самодержице всероссийской, на новый 1763 год от Императорского Московского университета приносит всеподданнейший раб Ипполит Богданович». Москва, без года. О выходе ее в свет сообщение появилось в начале 1763 г. в петербургских «Ежемесячных сочинениях» (1763, № 2, стр. 184). Перепечатано с существенной переработкой — «Лира», стр. 3. При переработке число строф увеличилось с 8 до 12, главным образом за счет того, что была введена тема русско-турецкой войны. В начале оды были заменены две первых строфы, так как в них говорилось о перевороте 1762 г. и о будущих делах Екатерины. Вся ода перестроена таким образом, чтобы в ней шла речь об уже существующих результатах деятельности императрицы.

Стихи, трояко сочиненные на одни заданные рифмы (стр. 153). Впервые — НУ, 1763, № 1, стр. 48, под названием «Стихи, сочиненные трояким образом на одни заданные рифмы».

Страх любви (стр. 154). Впервые — НУ, 1763, № 3, стр 113, под названием «Мадригал» («О! сильный бог любви...»); в переработанном виде — «Лира», стр. 53.

Опасный случай (стр. 154). Впервые — НУ, 1763, № 3, стр. 114, под названием «Басня», в переработанном виде — «Лира», стр. 64.

«Премудрость тщетная не может нас избавить...» (стр. 154). Впервые — НУ, 1763, апрель, стр. 187,

Стихи к Климене (стр. 155). Этот цикл составлен был Богдановичем из стихотворений, первоначально не имевших общего адресата и напечатанных разновременно. Мадригал «Тот счастлив, кто богат и кто имеет честь...» впервые — НУ, 1763, № 4, стр. 206, с заменой имени Клариса — Клименой перепечатано — «Лира», стр. 51. «Всечасно страсть моя, Климена, возрастает...» и «Приятна молодость тебя, Климена, учит...» в составе одного стихотворения «Стихи к Климене» впервые — НУ, 1763, № 5, стр. 203, при перепечатке в «Лире», стр. 52, разделено на два стихотворения. «Чтоб счастливым нам быть...» впервые — НУ, 1763, № 6, стр. 300, с сокращениями — «Лира», стр. 52. «Младенец нежный бог не ищет громкой славы...» впервые — «Лира», стр. 51.

Бесчестного примета (стр. 156). Впервые — НУ, 1763, № 5, стр. 205; с сокращениями и изменениями — «Лира», стр. 66.

Превращение Купидона в бабочку (стр. 156). Впервые — НУ, 1763, № 5, стр. 206, под названием «Басня. Превращенный Купидон в бабочку»; в переработанном виде — «Лира», стр. 63.

Ода в честь красоте (стр. 157). Впервые — НУ, 1763, № 6, стр. 298, вместе со следующим стихотворением, под общим названием «Две оды. 1. На красоту. 2. Против красоты, на те же рифмы». Обе оды с измененными названиями — «Лира», стр. 70.

Другая ода, с теми же рифмами, против красоты (стр. 158). См. выше примечание к стихотворению «Ода в честь красоте».

Вкус возраста (стр. 158). Впервые — НУ, 1763, № 6, стр. 300, под названием «Епиграмма»; в переработанном виде — «Лира», стр. 65.

Умеренность (стр. 158). Впервые — НУ, 1763, № 6, стр. 301, под названием «Епиграмма»; с измененным названием — «Лира», стр. 65.

На самохвальство (стр. 159). Впервые — НУ, 1763, № 6, стр. 301, без названия; под названием «На самохвальство» перепечатано — «Лира», стр. 66.

На злоречие (стр. 159). Впервые — НУ, 1763, № 6, стр. 301, без названия; с изменениями — «Лира», стр. 66.

Идиллия (стр. 159). Впервые — НУ, 1763, № 6, стр. 302, под названием «Разлука. Анакреонтовыми стихами»; перепечатано в «Лире», стр. 54, и в СЛРС, 1783, ч. 3, стр. 35, с переменой назва-

ния и примечанием редакции: «Сие сочинение хотя давно уже было напечатано, но здесь вновь издается с поправкою от сочинителя».

Песня («Пятнадцать мне минуло лет...») (стр. 161). Впервые — «Лира», стр. 75. Цифра 2 при последнем стихе каждой строфы указывает, что этот стих должен был при пении повторяться. Богданович был одним из первых поэтов, напечатавших свои песни, до него только М. Попов печатал отдельно и в сборнике «Досуги» (1772) свои песни.

Загадки. I («Я матерью имею землю...) (стр. 162) и II («Чтоб мог, читатель, ты меня именовать...» (стр. 163). Впервые — «Лира», стр. 77.

Неумеренность (стр. 164). Впервые — «Лира», стр. 92.

Рецепт больному (стр. 165). Впервые — «Лира», стр. 65.

Стихи на дружбу (стр. 166). Впервые — «Лира», стр. 53.

Стихи на дачу, называемую «Красная мыза», 1775 года (стр. 166). Впервые — Соч., ч. 1, стр. 218. *«Красная мыза»* — дача *Нарышкина* Александра Александровича (1726—1795), обер-шенка, «была по петергофской дороге на 4-й версте от Петербурга: по левую сторону дороги был деревянный дом с деревнею, построенный в голландском вкусе; по правую же сторону тянулся почти на версту, до самого взморья, английский парк с островами, беседками, круглым храмом, качелями, кеглями и т. п.; на каналах были плоты, гондолы и плавали лебеди. Сюда по воскресеньям сбиралась на гулянье многочисленная публика, для которой играла музыка» (Георги-Безак. Описание С.-Петербурга, ч. 3. СПб., 1793, стр. 625).

От зрителя комедии «Недоросля» (стр. 166). Впервые — в сб. «Поэты XVIII века». Л., 1936 (Библиотека поэта. Малая серия), стр. 202; опубликовано Г. А. Гуковским по рукописному сборнику «Стихотворения Ипполита Федоровича Богдановича, найденные по смерти его и списанные с подлинных его руки» (Архив ИРЛИ). Написана, по всей вероятности, в связи с первой постановкой «Недоросля» в Петербурге, в сентябре 1782 г. Эпиграмма эта характерна для общественно-литературных позиций Богдановича в это время; в ней осуждается сатирическое изображение крепостнических нравов в комедии Фонвизина, вызвавшее серьезное недовольство двора и самой Екатерины II.

Разговор между Минервой и Аполлоном (стр. 167). Впервые — СЛРС, 1783, ч. 1, стр. 69; в Соч. не вошло, хотя сам Богданович признал себя автором этого и следующего

стихотворений («Стихи к деньгам») в СЛРС, 1783, ч. 4, стр. 20. Написано по поводу назначения Е. Р. Дашковой президентом Российской академии осенью 1783 г. В анонимной статье (ее автор Батурин. См. П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века, 1952, стр. 333) «Сумнительные предложения от одного невежды, желающего приобресть просвещение» (СЛРС, 1783, ч. 4, стр. 11), были подвергнуты критике «Разговор между Минервой и Аполлоном» и «Стихи к деньгам».

Стихи к деньгам (стр. 167). Впервые — СЛРС, 1783, ч. 1, стр. 70; в Соч. не вошло. Батурин (см. пред. примечание) оспаривал легенду о происхождении денег, изложенную в стихотворении Богдановича. Батурин указывал, что золотые деньги были уже у египтян, то есть, по его мнению, много раньше, чем жил Орфей. Богданович отвечал ему вопросами: «Стихотворная и всякая шутка может ли отдаляться от правды?.. Стихотворная фикция имеет ли свое право не зависеть от исторических или баснословных преданий?» (СЛРС, 1783, ч. 4, стр. 20).

Пчелы и Шмель (стр. 169). Впервые — СЛРС, 1783, ч. 1, стр. 17.

Журавли и Комар (стр. 170). Впервые — СЛРС, 1763, ч. 2, стр. 21.

Станс к Дмитрию Григорьевичу Левицкому (стр. 170). Впервые — СЛРС, 1783, ч. 4, стр. 31. Обращено к крупнейшему художнику-портретисту эпохи в связи с завершением работы над портретом Екатерины II — «законодательницы» (1783), которую и называет «российским божеством» Богданович. Левицкий ответил на стихи Богдановича письмом к «издателям» «Собеседника»: «Напечатанные в журнале вашем стихи на сделанный мною портрет ее императорского величества служат мне поводом покорнейше вас просить о напечатании свидетельства моей чувствительной благодарности великодушному сочинителю, сделавшему известным имя неизвестного художника, упражненного более удивлением к писанному им божеству, нежели надеждою изобразить оное во всей его истине. Я сочел за долг сообщить при сем описание портрета для любителей художества, прося их просветить меня советами, если в чем-нибудь моя кисть не выполнила моих желаний. Что же касается до мыслей и расположения картины, оными обязан я одному любителю художеств, который имя свое просил меня не сказывать» (СЛРС, 1783, ч. 6, стр. 17). Далее Левицкий дает описание портрета: «Середина картины представляет внутренность храма богини правосудия, перед которою, в виде законодательницы, ее императорское величество, сжигая на алтаре маковые цветы, жертвует драгоценным своим покоем для общего покоя. Вместо обыкновенной императорской короны, увенчана она лавровым венцом, украшающим гражданскую корону, возложенную на главу ее... Вдали видно открытое море, и на развевающемся российском флаге изобра-

женный на военном щите Меркуриев жезл означает защищенную торговлю» (там же, стр. 18—19).

К моему другу (стр. 171). Впервые — СЛРС, 1783, ч. 4, стр. 37. Адресат не установлен.

Слух и видение (стр. 171). Впервые — СЛРС, 1783, ч. 5, стр. 37.

Лев и Ребята (стр. 171). Впервые — СЛРС, 1783, ч. 5, стр. 38.

Басня на пословицу: Воля со мною твоя, а по правде усадьба моя (стр. 172). Впервые — СЛРС, 1783, ч. 6, стр. 174.

Станс к Л. Ф. М. (стр. 172). Впервые — СЛРС, 1784, ч. 1, стр. 32. Адресат неизвестен. *Не смею лиру взять, в свирель играть начну.* Лира здесь означает одическую поэзию, а свирель — поэзию интимного содержания. *Павел и Мария* — великий князь Павел Петрович и его жена Мария Федоровна. *И в отраслях от них.* К этому времени у Павла и Марии Федоровны было трое детей: Александр (1777), Константин (1779) и Александра (1783).

Станс к Михаилу Матвеевичу Хераскову (стр. 174). Впервые — СЛРС, 1784, ч. 13, стр. 3. Этот станс — ответ на следующие строки из стихотворения М. М. Хераскова «Ее сиятельству княгине Екатерине Романовне Дашковой» (СЛРС, 1783, ч. 6, стр. 20):

Спознакомясь со Парнасом,
Душеньку пускай поет
Богданович нежным гласом —
Только помня мой совет.

Священны Нумины уставы. Имеется в виду роман Хераскова «Нума Помпилий, или Процветающий Рим» (1768), в котором выведен образ идеального просвещенного монарха Нумы Помпилия. *Пильпай*, или Бидпай — легендарный древнеиндийский составитель сборника басен. *Федр* (I век н. э.) — римский баснописец.

Приятность простой жизни (стр. 175). Впервые — СЛРС, 1784, ч. 16, стр. 36.

Песня («Много роз красивых в лете...») (стр. 176). Впервые — НЕС, 1786, ч. 8, стр. 68.

Стихи к сочинителю разных новых русских комедий (стр. 177). Впервые — НЕС, 1786, № 12, стр. 67, под названием «Стихи к N» и с письмом автора к издателям академического журнала: «Идучи смотреть последне представленную новую комедию, нашел я на дороге печатную бумажку, в которой по обыкно-

вению объявлено того дня театральное представление, и в сей бумажке нашел вложенную другую письменную бумажку. То были стихи. Я имел любопытство их прочесть, и мне показалось, что они могут быть в вашем журнале напечатаны, почему их к вам и посылаю на благорассмотрение...» (НЕС, 1786, № 12, стр. 67). Обращено, как ясно из почтительного тона, к Екатерине II, постановка комедии которой «Шаман сибирский» 24 сентября 1786 г. имеется в виду в письме к издателям. «Шаман сибирский», «Обольщенный» и «Обманщик» — комедии-памфлеты Екатерины II, посвященные графу Калиостро. Богданович, по-видимому, считал, что проходимец и международный авантюрист Калиостро — слишком незначительная цель для драматической сатиры.

Стансы («Кто царства новые порабощает троны...») (стр. 177). Впервые — Соч., ч. 2, стр. 182. Написано в 1786—1787 гг. *Кто царства новые порабощает троны.* Имеется в виду присоединение Крымского ханства к России и объявление протектората над Грузией в 1783 г. *Из титла рабского кто подданных извлек.* Имеется в виду указ Екатерины II от 15 февраля 1786 г. о замене в прошениях слова «раб» словом «верноподданный». *Кто дал отечеству премудрые законы.* Речь идет об издании в 1785 г. городового положения и жалованной грамоты дворянству. *Кем радостнее Мста.* В 1785 г. была улучшена Вышневолоцкая система каналов. *Плавнее Днепр потек.* Имеется в виду сооружение искусственного фарватера на Днепре в районе порогов в 1783 г.

Письмо поселянина к военачальнику (стр. 178). Впервые — Соч., ч. 2, стр. 220. Написано, по-видимому, в 1789 г., так как в нем говорится о войне с Турцией, начавшейся в августе 1787 г. Возможно, что адресатом стихотворения является Потемкин, командовавший всеми русскими войсками, действовавшими против турок на Черноморском побережье и в Бессарабии. Никому другому из русских полководцев не могло быть адресовано предложение повести переговоры с султаном и кончить войну миром. Можно предположить, что именно из-за концовки, содержащей этот совет о мире, стихотворение не было в свое время напечатано. *Фузея* — старинное название кремневого ружья.

Портрет российского полководца (стр. 179). Впервые — Соч., ч. 3, стр. 209. Предположительно написано до 1791 г. и, по-видимому, обращено к Г. А. Потемкину; такое сочетание власти, богатства и меценатства всего больше подходит к его образу жизни и характеру.

Василию Григорьевичу Рубану (стр. 180). Впервые — Соч., ч. 3, стр. 65. Написано, очевидно, после смерти В. Г. Рубана, умершего 24 сентября 1795 г. *Рубан* (1729—1795) — поэт и переводчик, секретарь Г. А. Потемкина, автор огромного числа подобострастных стихотворений, главным образом од различным знатным его покровителям и милостивцам. Написал Рубан также множество надписей, из которых очень известна была «Надпись к камню

Грому, находящемуся в Санкт-Петербурге в подножии конного вылитого лицеподобия достославного императора Петра Великого».

Станс («Без тебя, Темира...») (стр. 180). Впервые — НЕС, 1790, № 2, стр. 21.

Стихи к музам на Сарское село (стр. 181). Впервые — Соч., ч. 2, стр. 186. Написано, по-видимому, в 1790-е годы.

Из псалма 18 (стр. 182). Впервые — Соч., ч. 2, стр. 126.

«У речки птичье стадо...» (стр. 183). Впервые — Соч., ч. 3, стр. 38.

ПОЭМЫ

Блаженство народов (стр. 187). Впервые — отдельным изданием — «Сугубое блаженство». СПб., 1765; в сб. «Лира», стр. 13, под названием «Поэма „Блаженство народов", сочиненная в 1765 году», в сокращенном почти вдвое виде (из 578 стихов осталось 292). В связи с сокращением уничтожено деление на три песни. Перерабатывая поэму, Богданович сохранил в основном текст первой песни, присоединив к ней куски из второй и третьей песен. Отброшено было заключительное обращение к Павлу, опасное в 1773 г. по своей политической тенденции — отношению к Павлу как законному царю:

Чтоб счастье приобресть сугубое сим веком,
Учись, великий князь, числом примеров сих,
Великим быть царем, великим человеком,
К спокойству твоему и подданных твоих.

Самый текст поэмы, помимо сокращений, почти не подвергался переработке. Характерна для либеральной политической программы Богдановича начала 1770-х годов переработка тех строк, в которых шла речь о взаимных отношениях людей в естественном состоянии. В «Сугубом блаженстве» говорилось:

Без рабства искренен, без зверства равнодушен,
Всех общий был слуга, и родственник, и друг,
Без власти человек другому был послушен,
Приемля тысячи взаимственных услуг.

В тексте «Блаженство народов» подчеркнутая строка приобрела большую политическую остроту: «Без рабства человек другому был послушен».

Добромысл (стр. 195). Впервые — отдельным изданием — «Добромысл». М., 1805. В «Сочинениях и переводах, издаваемых Российскою академиею», ч. 2, СПб., 1806, с примечанием А. С. Шиш-

кова: «Сия сказочка сочинена покойным Ипполитом Федоровичем Богдановичем. В ней виден творец «Душеньки». Та ж замысловатость, та ж легкость и чистота слога, та же приятность и простота украшают ее. Она отыскана по смерти его, и прислана ко мне от известного трудами своими в словесности господина Палицына. . .» Написано, по-видимому, в конце 1780-х годов, так как о «Душеньке» автор вспоминает как о давно написанной вещи. «Старинная повесть в стихах», как назвал свою поэму Богданович, написана по прямому указанию или просьбе Екатерины II. Аллегорический сюжет является подражанием сказкам Екатерины «О царевиче Флоре» и «Царевиче Февее» с их прямолинейным аллегоризмом и назойливым резонерством. Во многом эта поэма воспроизводит стиль «Душеньки», но без поэтической одушевленности и эмоционального наполнения, характерных для этой поэмы. Возможно, что и сам Богданович не был удовлетворен своей поэмой и потому не напечатал ее.

ПЕРЕВОДЫ

Поэма на разрушение Лиссабона (стр. 207). Перевод поэмы Вольтера «Poème sur le désastre de Lisbonne en 1755, ou examen de cet axiome: *tout est bien*». <«Поэма на разрушение Лиссабона в 1755, или рассмотрение аксиомы: *всё — благо*»>. Впервые — НУ, 1763, № 4, стр. 173—183; отдельным изданием только — 1802. Своеобразный монтаж строк из этой поэмы под названием «Философические мысли г. Вольтера» — «Лира», стр. 46—48. Вольтер предпослал поэме предисловие и сопроводил ее обширными примечаниями. Богданович не перевел ни предисловия, ни примечаний, так как в них философское свободомыслие Вольтера проявилось в еще более резкой и открытой форме, чем в тексте самой поэмы. К тем стихам поэмы, к которым у Вольтера были сделаны примечания, Богданович в первой публикации делает примечания-отсылки: «Смотри примечание автора в конце поэмы». Таким образом, читатель перевода знал, что поэма Вольтера, кроме текста, имеет еще и примечания. Перевод Богдановича несколько короче оригинала: вместо 272 строк — у Богдановича 240, хотя в целом перевод точен. Сокращение производилось переводчиком за счет того, что изложение упрощалось, а в некоторых случаях, очевидно, по соображениям цензурного или идейного порядка. Так, Богданович оставляет непереведенной вторую строку:

Le présent est affreux, s'il n'a point d'avenir, Si la nuit du tombeau détruit l'être qui pense... <Настоящее ужасно, если у него нет будущего, если мрак могилы уничтожает мыслящее существо. . .> ввиду ее явно атеистического смысла. Слово maître (хозяин), с которым Вольтер постоянно обращается к богу, Богданович систематически заменяет словами — создатель, творец. Loi tirannique <тиранический закон> у него передается смягченно — закон. Наличие подобных отступлений не снижает общекультурного и литературного значения перевода Богдановича. Это подтверждается и тем обстоятельством, что после журнальной публикации поэма могла быть вновь напечатана только в 1802 г., то есть уже в эпоху либерализма первых лет царствования Александра I. Лиссабонское

землетрясение произошло в сентябре 1755 г.; оно длилось пять минут; за это время две трети города было разрушено, из трехсот тысяч жителей погибло шестьдесят тысяч человек. На современников лиссабонское землетрясение произвело огромное впечатление. Одним из самых взволнованных откликов на него была поэма Вольтера. *Обманутый мудрец, кричишь ты: всё полезно.* В предисловии к поэме Вольтер писал, что его главным противником является А. Поп, в поэме которого «Опыт о человеке» изложена философия Лейбница с ее всеоправдывающим оптимизмом. *Таг,* или Тахо — река, в устье которой расположен Лиссабон. *Бог держит цепь в руках, но ею он не связан.* Богданович в примечании к этой строке ссылается на следующее примечание Вольтера:

«Всеобщая связь вовсе не является, как говорили, последовательной постепенностью, соединяющей все существующее. Вероятно, между человеком и зверем, человеком и высшими субстанциями расстояние огромно; между богом и всеми субстанциями — бесконечность. Шары, которые вращаются вокруг нашего солнца, не имеют никакой постепенности ни в своей массе, ни в расстоянии, ни в спутниках... Так же и с событиями: каждое из них имеет свою причину в предшествующем событии, в этом никогда не сомневался ни один философ. Если бы матери Цезаря не сделали кесарева сечения, Цезарь не разрушил бы республику, не усыновил бы Октавия, а Октавий не оставил бы Тиберию империи. Максимилиан женился на наследнице Бургундии и Нидерландов, и этот брак стал причиной двухсот лет войны. Но плюнул ли Цезарь вправо или влево, причесывалась ли бургундская наследница так или иначе — несомненно ничего не изменило в общей системе. Следовательно, одни события имеют последствия, а другие их не имеют. Цепь их — как родословное дерево: одни ветви умирают в первом поколении, другие продолжают расу. Многие события остаются вне связи. Это подобно тому, как в каждой машине есть действия, необходимые для ее движения, и другие, являющиеся следствием первых, не производящие ничего и безразличные для движения машины. Колеса кареты служат для того, чтобы карета двигалась; но дальше или ближе они отбрасывают пыль — путешествие все равно продолжается. Таков мировой порядок, что звенья цепи не могут быть расстроены большим или меньшим количеством материи, большей или меньшей неправильностью.

Цепь не находится в абсолютном заполнении: доказано, что небесные тела движутся в несопротивляющемся пространстве. Не все пространство заполнено. Следовательно, не существует последовательности между чувствующими существами, а также между нечувствующими могут существовать огромные интервалы. Поэтому нельзя утверждать, что человек непременно находится в одном из звеньев, непрерывно связанных друг с другом. Все связано — означает, что все устроено. Бог есть причина и господин этого устройства. Юпитер Гомера был рабом судьбы: но в более очищенной философии бог — ее хозяин» (Voltaire. Oeuvres complètes, t. 8. P., 1877, p. 395). *Был прежде человек, сказал Платон, крылат* — мысль о том, что душа человека крылата, высказана у Платона в диалоге «Федр» (см. Платон. Сочинения, ч. 4. СПб., 1863, стр. 52—55). *Бель,* или Бейль Пьер (1647—1706) — французский мыслитель, профессор

философии в Седане и Роттердаме, автор «Исторического и критического словаря» (1695), в котором остроумно критиковал церковные догмы и несообразности так называемого священного писания. Своим религиозным скептицизмом Бейль расчистил почву для появления во Франции атеизма и материализма. *Держа весы в руках, он учит сомневаться.* В примечании к этой строке Богданович ссылается на примечание Вольтера:

«Сотни примечаний, рассеянных по «Словарю» Бейля, создали ему бессмертную репутацию Он оставил неразрешенным спор о происхождении зла. У него изложены все мнения, все доводы, их подтверждающие, и все доводы, их опровергающие, изложены с одинаковой глубиной; он — адвокат философов, но он совершенно не дает собственных выводов... Я должен попытаться смягчить тех, которые вот уже несколько лет столь ожесточенно — и столь тщетно — нападают на Бейля; я ошибся, сказав «тщетно», ибо они достигают лишь того, что Бейля читают еще более жадно. Нападающим следовало бы научиться у него умению рассуждать и сдержанности. Кроме того, философ Бейль никогда не отрицал ни провидения, ни бессмертия души» (Voltaire. Oeuvres complètes, t. 8. P., 1877, p. 399). *Что? где я и куда иду? и взят отколе?* Богданович ссылается на примечание Вольтера к этой строке: «Ясно, что человек не может самостоятельно узнать все это. Человеческий разум черпает свои представления только из опыта. Никакой опыт не может объяснить нам ни того, что было до нашего существования, ни того, что будет потом, ни того, что одушевляет наше настоящее существование. Как мы получили жизнь? Какая сила ее поддерживает? Каким образом наш мозг мыслит и помнит? Как наши члены подчиняются нашей воле? и т. д. Мы ничего об этом не знаем. Только ли наш земной шар обитаем? был ли он сотворен после других или одновременно? Каждый ли род растений происходит от первого растения или нет? каждый ли род животных происходит от первой пары животных? Величайшие философы знают обо всех этих вещах не больше, чем самые невежественные люди. Следует вспомнить народную пословицу: «Была ли курица прежде яйца, или было яйцо прежде курицы?» Пословица эта низкая, но она ставит в тупик высочайшую мудрость, которая ничего не знает о началах вещей без сверхъестественной помощи» (Voltaire. Oeuvres complètes, t. 8. P., 1877, p. 400). *Еще б прибавить мог к тому надежду он.* Богданович ссылается на примечание Вольтера: «Большинство людей имело эту надежду еще прежде, чем им помогло откровение Надежда существовать после смерти основана на любви к существованию в жизни; на вероятности того, что думающее будет продолжать думать. Доказательств этой мысли нет, потому что доказанное — это то, чья противоположность — противоречие; по поводу доказанных истин никогда не бывает споров. Лукреций, чтобы разрушить эту надежду, приводит в своей третьей книге аргументы сокрушающей силы, но и он противопоставляет одни вероятности другим, еще большим. Многие римляне думали как Лукреций, и в римском театре пели «Post mortem nihil est» («После смерти нет ничего». — *И. С.*). Но инстинкт, разум, необходимость в утешении, благо общества возобладали, и люди всегда питали надежду на будущую жизнь, надежду, по правде сказать, часто сопровождаемую сомнением.

Откровение разрушает сомнение и ставит на его место уверенность; но как ужасна необходимость ежедневно спорить об откровении; видеть христианское общество неуживчивым, разделенным по вопросу об откровении на сотню сект; клевета, преследование, уничтожение друг друга — из-за откровения; Варфоломеевская ночь — из-за откровения; убийство Генриха III и Генриха IV — из-за откровения; отрублена голова у Карла I — из-за откровения; влачат в крови польского короля — из-за откровения. О боже, открой же нам, что надо быть человечным и терпимым!» (Voltaire. Oeuvres complètes, t. 8. P., 1872, p. 401).

Закон (стр. 213). Перевод надписи Вольтера:

Qui que tu sois, voici ton maître;
Il l'est, le fut, ou le doit être.

Впервые — НУ, 1763, № 6, стр. 300.

Как указал Г. А. Гуковский, одновременно с Богдановичем («Свободные часы», 1763, № 6, стр. 357) перевод этой надписи Вольтера напечатал А. А. Ржевский:

Кто б ни был ты таков, се обладатель твой,
Есть, был иль будет он владети над тобой.

Позднее эту же надпись перевел И. И. Дмитриев

Перевод стихов г. Волтера, славного французского писателя (стр. 213). Перевод стихотворения Вольтера «Императрице России, Екатерине II» (1771). Впервые — «Вечера», СПб., 1772, ч. 1, № 22, стр. 206, под названием «Стихи г-на Вольтера, в России переведенные»; со значительными изменениями — «Лира», стр. 41. Перевод Богдановича сделан близко к подлиннику, хотя и с перестановкой строк и с отступлениями от оригинала. Богданович отбросил строки, описывающие гаремные утехи султана, и вставил строки, у Вольтера отсутствующие:

Мне мерзок таковой, монархиня, тиран,
Который в гибели народов ищет славы...

Стихотворение Вольтера связано с той кампанией в поддержку России, которую он вел в конце 1760-х, начале 1770-х годов, считая, что цели и намерения Екатерины в Польше и Турции совпадают с пожеланиями просветителей: прекратить религиозную вражду в Польше и освободить Грецию из-под турецкого ига. Особенно деятельно выступал Вольтер за поддержку России в войне с турками, считая, что разгром султана окажет благоприятное воздействие на общее положение в Европе. Своим переводом стихотворения Вольтера Богданович включался в широкое филэллинистическое движение в русской литературе 1770—1772-х годов, участниками которого были: Херасков, со своей поэмой «Чесменский бой» (1771), Но-

виков, напечатавший прозаический перевод «Поэмы о нынешних делах» (1771) Вольтера, и другие. Примечания Вольтера к этому стихотворению Богданович не перевел, за исключением примечания к цитате из послания Фридриха II. *Платея* — город в древней Греции, возле которого греки нанесли одно из решающих поражений персам в 479 г. до н. э. *Как Август в Польше пил, народ всегда был в пьянстве.* Вольтер в примечаниях приводит из послания Фридриха II к своему брату четверостишие, начинающееся строкой: Lorsque Auguste buvait, la Pologne était ivre... *Август III* (1670—1733) — курфюрст саксонский и король польский, известный своей любовью к развлечениям и пирам. *Мустафа III* (1717—1774) — султан Турции с 1757 по 1774 г. *Кегая* — министр внутренних дел и военный в Турции XVIII в. *Что в море вождь его теряет флот и честь* — поражение турок в морском бою в бухте Чесме в 1771 г. *Нимфея* — древнегреческий город на черноморском побережье Малой Азии. *Колкос* — древнее название одного из городов в Колхиде, в районе устья Риона. *Где так равно Помпей гнал прежде Митридата* — в 64—63 гг. до н. э. римский полководец Помпей (106—48 гг. до н. э.) разбил Митридата VI (132—63 гг. до н. э.), царя Пантикапеи, и присоединил к Риму побережье Черного моря.

Перевод стихов г. Мармонтеля, французского писателя (стр. 216). Впервые — «Лира», стр. 45. *Мармонтель* (1732—1799) — французский писатель, пропагандист идей Просвещения. В 1767 г. Мармонтель прислал на конкурс Вольного экономического общества сочинение, в котором доказывалась необходимость освобождения крестьян. Этому посвящено и данное стихотворение. Примечание Богдановича явно иронического характера и служит для того, чтобы сделать более цензурным стихотворение.

Стихи (подражание италиянским) (стр. 216). Вольный перевод канцонетты итальянского поэта и драматурга П. Метастазио «La Partenza». Впервые — «Лира», стр. 72, под названием «Стихи, подраженные итальянским». После Богдановича вольный перевод этой канцонетты сделал в 1793 г. И. А. Крылов под названием «Мой отъезд».

Философические мысли некоторого французского писателя (стр. 218). Впервые — «Лира», стр. 48. Оригинал не установлен.

Песнь храброго шведского рыцаря Гаральда (стр. 218). Перевод с французского. Впервые — Соч., ч. 3, стр. 205. Написана, по-видимому, в середине 1790-х годов. Песнь Гаральда была впервые опубликована во французском переводе в книге Малле «История Дании» (1756—1764). Русский перевод первой части напечатан в «Санктпетербургском вестнике», 1778, № 4, стр. 312. Там же в прозаическом переводе напечатана «Песнь Гаральда Смелого». Стихотворный перевод этой «Песни» на русский язык напечатал Н. А. Львов в 1793 г. отдельной брошюрой.

Львов избрал для своего перевода размер русской народной песни «Уж как пал туман на сине море». Возможно, что пример Львова внушил Богдановичу намерение перевести «Песнь Гаральда Смелого». Напечатанный впервые в 1810 г., перевод Богдановича оказал несомненное влияние на сделанный тогда же Батюшковым перевод этой «Песни». *Гаральд* — король Норвегии с 1047 по 1066 г.; до вступления на престол вел жизнь, полную приключений, был на службе у императора Византийского, воевал с африканскими пиратами. Был женат на одной из дочерей Ярослава Мудрого. Убит во время завоевательного похода в Англию.

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОК СТИХОТВОРЕНИЙ, НЕ ВОШЕДШИХ В ДАННОЕ ИЗДАНИЕ

Басня («Кто страху не видал...»)... ПУ, 1761, сентябрь, № 9, стр. 79.

«Благословен на всяко время...»... ПУ, 1761, сентябрь, № 9, стр. 73.

Идиллия (А кто пожелает, песня)... НЕС, 1786, сентябрь, стр. 70.

Идиллия, подражание французской... ПУ, 1761, декабрь, № 25, стр. 246.

Идиллия («Под тенью древ зеленых...») ...«Поэты XVIII века». Л., 1936, стр. 211.

«Как утомленный после бегу...» ... ПУ, 1761, сентябрь, № 9, стр. 76.

Молитва («Отче наш и всех творец...»)... ПУ, 1761, апрель, № 16, стр. 127.

Надписи 1—2..... Соч., ч. 2, стр. 187.

Ода из псалма 114 .... ПУ, 1761, февраль, № 6, стр. 55.

Ода на день восшествия на престол Петра Федоровича... ПУ, 1762, январь, стр. 4.

Ода на пришествие Екатерины Алексеевны... М., <1762>.

Ода на случай коронования Александра Павловича... Соч., ч. 2, стр. 193.

Ода, сочиненная Очаковских полей пастушкой, на взятие Очакова.., НЕС, 1789, февраль, стр. 52.

Ответ А. А. Палицыну... Соч., ч. 2, стр. 225.

Песнь Екатерине... на мир со Швецией 1790 года... НЕС. 1790, декабрь, стр. 8.

Песнь Екатерине Алексеевне, переведенная с итальянского, сочинения Мишеля Анжела Жианетти... «Лира», стр. 29.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис.* И. Ф. Богданович. Гравюра Г. А. Афанасьева. 1810-е годы. Пушкинский дом АН СССР.

2. *Стр. 59.* «Душенькины похождения». М., 1778. Титульный лист.

3. *Между стр. 64—65.* Иллюстрация к «Душеньке». Гравюра Ф. П. Толстого. 1839 («Душенька. Альбом иллюстраций». М., 1850). Пушкинский дом АН СССР.

4. *Между стр. 80—81.* Иллюстрация к «Душеньке». Гравюра Ф. П. Толстого. 1839 («Душенька. Альбом иллюстраций». М., 1850). Пушкинский дом АН СССР.

5. *Между стр. 96—97.* Иллюстрация к «Душеньке». Гравюра Ф. П. Толстого. 1839 («Душенька. Альбом иллюстраций». М., 1850). Пушкинский дом АН СССР.

6. *Между стр. 112—113.* Иллюстрация к «Душеньке». Гравюра Ф. П. Толстого. 1839 («Душенька. Альбом иллюстраций». М., 1850). Пушкинский дом АН СССР.

7. *Стр. 149.* И. Ф. Богданович. Гравированный силуэт на титульном листе издания «Добромысл, старинная повесть в стихах». М., 1805. Пушкинский дом АН СССР.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

СОДЕРЖАНИЕ[1]

ДУШЕНЬКА

Древняя повесть в вольных стихах

СТИХОТВОРЕНИЯ

---

[1] Первая цифра обозначает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечания.

ПОЭМЫ

ПЕРЕВОДЫ

Богданович Ипполит Федорович

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Редактор *Д. К. Мотольская*

Художник *И. С. Серов*
Техн. редактор *В. Г. Комм*
Корректор *Ф. С. Флейтман*

Сдано в набор 18/VII 1957 г. Подписано в печать 19/XI 1957 г. Бумага $84 \times 108^{1}/_{32}$. Печ. л. $16\,^{7}/_{8}$ (13.84). Уч.-изд. л. 13,86. Тираж 20 000. Зак № 662. Цена 5 р. 85 к.

Ленинградское отделение издательства
«Советский писатель»
Ленинград, Невский пр., д. 28

Типография № 5 УПП Ленсовнархоза
Ленинград, Красная ул., 1/3

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
176	4 св.	Для	Дая
248	14 сн.	бедой»...	бедой»... Соч., ч. 2, стр. 179

И. Ф. Богданович